

84(2Рос=Рус)6
К Р55

Олег Рихтер



СКАЗАНИЕ
О
ЕРМАКЕ

О. Б. РИХТЕР

СКАЗАНИЕ
О
ЕРМАКЕ

Исторический роман-версия

-078992-

г. Сургут
2001 г.



ОАО «Сургутнефтегаз»
РИИЦ «Нефть Приобья»

V84(2Poc=P4C)6
P55

ISBN 5-93278-024-X

Книга первая

ЭМЗЛОХИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История необыкновенного края России, Западной Сибири, не может не волновать тех, кто обрел здесь свое отечество. Издревле на многоводных таежных просторах, богатых рыбой и всяким зверьем, находили приют многие народы, теснимые волнами кочевников,двигающимися с востока.

Первыми путь в Сибирь проложили новгородцы, жаждущие наживы. Их нашествия явились отправной точкой будущей экспансии России, так называемых ничейных земель.

Однако юг Западной Сибири и Притоболье, заполоненные ордами Чингиз-хана и Батыя, татары считали своими землями и стремились утвердить там свою власть, ведя непрерывную борьбу с сибирскими татарами рода Тайбугинов.

У правительства Москвы не было сил и средств, чтобы колонизировать Сибирь, и поэтому оно ограничивалось признанием тайбугинами вассальной зависимости от России, которые тем самым создавали себе опору в борьбе с чингизидами. Но настало время, когда потомок Шейбани, сына Чингиз-хана, пришел в Западную Сибирь, сверг тайбугинов, убив Едигера и Бекбулата, данников русского царя, и утвердил Сибирское ханство.

Иван IV, обозначив свои восточные рубежи взятием Казани и Астрахани, занятый двадцатилетней войной в Ливонии, не желал тревожить опасного соседа за Уральским хребтом, но потакал купцам Строгановым, стремящимся распространить свое влияние на земли за Каменным Поясом, разрешая им строить там остроги и вести свою войну с татарами силами собственных «охочих людей» и наемными казаками.

Строгановы делали подобные попытки, но они кончились неудачей. Их городок, основанный на Тахчее, Кучум-хан разорил и сжег.

В то время, волею судьбы, на землях вотчины Строгановых появился Ермак с дружиною казаков, гонимый царскими воеводами с низовий Волги. Тут-то и начинаются сплошные загадки.

Уже несколько веков историки не могут прийти к единому мнению о «сибирском взятии».

Сам Ермак, оказавшийся незаурядным полководцем, завоевавший с горсткой казаков Сибирское ханство, разбивший десятикратно превышающие силы противника, до настоящего времени является загадкой, как и его имя.

Много споров ведется и относительно времени, затраченного для завоевания Сибири. Одни считают, что на это ушли годы, другие — что завоевание было молниеносным и длилось всего два месяца. Расходятся мнения и в том, кто же явился инициатором знаменитого похода. Правительство, купцы Строгановы или сам Ермак?

Мною собран значительный исторический материал, что позволило провести исследование по всем затронутым вопросам. В связи с этим у меня возникла своя версия о ходе исторических событий. Но, не претендуя на последнее слово, я назвал свое произведение «Сказанием», а роман — «романом-версией». Однако, уверовав в собственные выводы, я убежден, что значительно приблизился к реалиям былого.

Некоторые трактовки историков, писателей, киносценаристов вызывают невольное удивление. Например, в кинофильме «Ермак»: наш главный герой то многие годы сидит в тюремной яме у Строгановых, то в качестве раба является гребцом на галере, а потом вдруг, не имея достаточного опыта, проявляет талант полководца и политика и одним махом завоевывает всю Сибирь. В то же время исторические источники, челобитные царю от казаков-ветеранов, повествуют о том, что казаки 20-25 лет ходили с Ермаком в «диком поле», что полностью опровергает выдумку о тюремной яме и галерах.

Сторонники версии молниеносного захвата Сибири утверждают, что казаки, выступив в поход из городка Строгановых на реке Чусовой 1 сентября 1582 года, уже 26 октября взяли столицу Сибирского ханства Искер (ныне Тобольск). Они забыли или пренебрегли двумя факторами исторической достоверности, которые заключаются в следующем:

1. Путь к перевалу через Уральский хребет осуществлялся на судах — стругах — против быстрого течения реки Чусовой, порожистой и мелководной в ее верховье, а затем по горной речке Серебрянке, стремительно бегущей среди двухсотметровых теснин. Для того чтобы преодолеть мелководные перекаты, казаки устраивали из связки парусов запруды, поднимая уровень воды, и таким образом со скоростью улитки двигались к намеченной цели. Следующим трудным этапом пути был сам перевал, загроможденный каменными россыпями, поросший непроходимыми делями и имеющий череду глубоких топких низин. Казакам приходилось рубить просеку и делать стлани по болотам. В результате им удалось пере-

тащить на восточную сторону хребта весь груз и малые суденышки, а большие струги были брошены после тщетных усилий.

Не менее трудным оказался спуск по речкам Журавлю и Баранче. Были сооружены десятки плотов и лодки-набойницы. На это тоже требовалось время. Проплыв по стремнинам более ста верст, казаки оказались на реке Тагил. Там они устроили плотбище и стали изготавливать новые струги. На это у них ушло шесть недель.

2. Во-первых, чтобы достичь Искера, нужно было проплыть по Тагилу, Туре и Тоболу около тысячи километров, а «попутно» выиграть целый ряд сражений, которые не осуществлялись в одночасье, а завершались еще «зализыванием ран» и погребением убитых. Во-вторых, у татар было преимущество и в знании местности, и в численности, и в укрепленных городках, и в умении создавать препятствия по пути следования флотилии Ермака, вызывая его на вынужденные битвы, которые длились по нескольку дней. Все казаки были изранены, многие убиты. Только в одном из сражений погибло 107 человек. О том, сколько могло потребоваться времени на военные баталии, можно судить исходя из количества боев. Перечислю основные пункты, где были сражения: Епанчины юрты, Чинги-Тура (Тюмень), Тарханские юрты, урочище Березовый Яр, село Караульное, Бабасанские юрты, городок Худяково, Карачин городок, Атик-мурзы, Чувашская гора (два сражения), Искер. Возможно ли такое за два месяца? Фантастика!

Не буду приводить других примеров парадоксальных измышлений, извращающих ход исторических событий, а выскажу свою позицию и подход к написанию исторического романа.

Некоторые считают, что в художественном произведении на историческую тему допустимы любые вольности, противоречащие фактам или элементарному здравому смыслу. Я противник этого. Нельзя превращать в фарс историю своего отечества. Исторический роман — это в первую очередь исследовательский труд, основанный на реалиях, а «украшение» их — дело воображения и художественного чутья.

На такой основе я старался построить свое повествование — «Сказание о Ермаке».

Автор.

Глава 1

В ЗАМОСКОВНОМ ЛОГОВЕ

7085 год от сотворения мира.

Ноябрь 1576 года.

Когда огромный кровавый диск осеннего солнца бросал последние лучи на золоченные, беспорядочно разбросанные купола Александровской Слободы, царь Иван Васильевич, верхом на вороном жеребце, в сопровождении немногочисленной свиты, въехал в распахнутые для него ворота крепостной стены и быстро проскакал к узорчатому крыльцу дворца. Весь его облик, зеленовато-сумрачное лицо, безумные огоньки в глубоких глазницах — источали зловещую энергию.

Обитатели Слободы, вышедшие из домов для встречи государя, застыли в низких поклонах и, предчувствуя наступление новых грозных событий, испуганно перешептывались.

Все знали, что всякий приезд царя таит непредсказуемые последствия. Александровская Слобода, окруженная густыми лесами, служила ему не местом отдохновения, где в мире и спокойствии он мог бы уединиться в смирении перед Богом, дать покой изможденному телу и мечущемуся разуму, а служила как безопасное логово для коварного и подозрительного зверя.

Сюда убегал он от московских пожаров, бунтов, мнимых заговоров и нашествий иноземных врагов. Здесь он осуществлял хитрые планы укрепления своей власти, предавался оргиям и разврату, чинил кровавые расправы, участвуя в пытках, неистово молился, от суеверного страха, а не из благочестия. Отсюда он осуществлял набеги на вотчины своих подданных, убивая отцов и мужей, забирая себе их дочерей и жен.

Несмотря на то, что государь уже более года не посещал свои замосковные хоромы, никто из местных жителей еще не оправился от ужаса убийства, совершенного Иваном Васильевичем, который

на глазах у всех утопил в проруби царского пруда Марию Долгорукую, бывшую всего одну ночь и один день ему женою, а Руси царицею.

Вспоминая это событие, каждый задавался вопросом: что же сулит теперь столь внезапный приезд грозного государя?

Хорошего никто не ожидал.

Как только Иван Васильевич скрылся в своих палатах, весь люд попрятался за брусчатыми стенами, заперев на крепкие запоры двери и окна.

Не всякий видел, как через час-другой из леса, со стороны Москвы, выехала колымага с двумя гробами из голых досок. Впереди гарцевал на коне молодой Богдан Яковлевич Бельский, племянник Малюты Скуратова, а сзади скакали четыре стрельца.

Свернув с дороги и обойдя посадские дома, странная процессия прошла еще с полверсты и остановилась на пустоши, где стояла простенькая церковь. В нее стрельцы затащили гробы.

Готовясь к богослужению, священник спросил:

— Кого отпевать, боярин?

— Государь-батюшка сказывал, что поминать надобно усопших раб Господен, — коротко ответил Бельский.

Читая молитву, священник испуганно косил глаза в сторону гробов, откуда доносилось легкое шуршание и приглушенные стоны. Но страх другой — страх пред волею государя — понуждал его делать вид, что ему ничего не ведомо. Сократив лишь время отпевания, глухо сказав: «Аминь», он повернулся спиной к могильщикам.

Бельский проследил за тем, как зарыли покойников в общей могиле, распорядился, чтобы не насыпали холма, а утрамбовали и сравняли землю, которая весной зарастет травой, так что и приметы не останется, и отправился во дворец для доклада.

Во всех палатах и коридорах горело множество свечей, расставленных по стенам в навесных серебряных и золотых подсвечниках. Это означало, что во дворце уже никого нет, кроме самого государя и стражи. Со времени утопленной им Марии, Иван Васильевич не переносил темноты и, расхаживая по пустым помещениям, опасно озирался на затемненные места. Даже ближних слуг он разгонял на ночь по своим домам, доверяя только Малюте и его племяннику, которым поручил оберегать себя днем и ночью от злого умысла. Поэтому Бельский, не имея преград, шел по дворцу хозяйской поступью, не одаривая вниманием расступающихся перед ним стражников, отыскивая нужные ему двери, за которыми находится царь.

Обнаружив, что у входа в терем царицы стоят рынды в белых одеждах и с серебряными топориками в руках, Бельский без стука вошел туда и замер у порога.

Иван Васильевич, скрючившись, закутавшись в полосатый татарский халат, сидел на низкой скамье против нарядно убранной кровати. Было заметно, что он еще слаб от недавнего припадка. Однако губы его подергивались в презрительной усмешке. Не обернувшись, он спросил:

— Это ты, Богданушка?

— Я, государь.

— Жива была Василисочка?

— Ворочалась и мычала, как корова, когда отпевали, — сказал Бельский. — Как ты повелел, государь, я в досках дырки пробил, чтоб не задохлась раньше срока.

Иван Васильевич поднялся со скамьи, снял с головы бархатную скутафью, перекрестился и сказал:

— Не суди меня, Боже! От имени твоего покарал я мукою и смертью рабов твоих, царицу Василису и сокольничего Ивана Колычева, уличенных в гнусной измене, падших в грехе любовном.

Постояв в задумчивости, царь вдруг встрепенулся, впился пристальным взглядом в Бельского и спросил:

— А тебе, Богданушка, нравилась Василисочка? Не жаль ее?

Бельский растерялся и выпалил первое, что пришло на ум:

— Красавицей она была, какую трудно сыскать. Возможно, и жалко было бы, да грех ее велик.

Ответ оказался удачным. Иван Васильевич одобрительно кивнул головой, но в следующее мгновение лицо его искажилось от страха.

— Богдан, а ты поставил у могилы стражу? — спросил он.

— Нет, государь. На то не было твоего слова.

— Мог бы и своим умом дойти, — досадливо произнес Иван Васильевич. — А что, если кто-то вздумает землю раскопать? Сбегут любовники.

Бельский с удивлением посмотрел на царя.

— Как же сможет убежать Ванька Колычев, когда ты своим посохом его насквозь проткнул?

— Верно... — после минутного раздумья согласился Иван Васильевич. — Знаешь, Богданушка, когда Малюта нашел этого вора за пологом Василисиной кровати, я не собирался убивать его сразу. Думал приберечь для пыток.

— Так лучше было бы, — подтвердил Бельский, — живьем бы с изменницей закопали.

— Конечно, лучше, но он в ярость меня вверг. Погляди-ка на себя в зеркало, говорит. Гоже ли тебе, старому и лысому, молодую жену иметь? Тогда-то я и ударил.

Лицо его снова приняло обеспокоенное выражение.

— Направь все же к могиле стрельцов. Пусть до утра покараулят.

— Немедля пошлю.

— Еще позови Годунова и Захарьина. Буду вас ждать в рабочей палате.

После ухода Бельского царь с остервенением вонзил острый конец посоха в атласную подушечку, сбросил с кровати розовое шелковое покрывало, и быстро вышел из терема.

В небольшой рабочей комнате горел камин и было тепло. Пол покрывал дорогой узорчатый ковер, а стены, обитые желтым бархатом, создавали впечатление уюта. На подвесной полке из индийского дерева стояли латинские и немецкие книги, а также любимые Иваном Васильевичем шутейные сказы доминиканцев. В наружной стене было только одно окно с видом на слободскую церковь. К нему прежде всего и подошел царь.

Настороженным взглядом Иван Васильевич стал осматривать площадь, церковные башенки и разноцветные купола. По большому куполу, по золоту, были намазаны черные полосы, а вокруг паперти стояла высокая железная ограда. Эти необычные детали появились недавно, год назад, чтобы утопленная Мария и изрубленный Вяземский перестали являться по ночам. Теперь он высматривал — не видать ли где-нибудь Василисы? Но ее нигде не было — и он успокоился.

Иван Васильевич достал из окованного серебром сундука гусли и пробежал по струнам длинными крючковатыми пальцами. Наигрывая, он забылся. За этим занятием его застали Бельский, Захарьин и Годунов.

Недовольный свидетельством его тайной страсти, царь отбросил гусли в сторону и долго, внимательно вглядывался в лица вошедших. Не обнаружив скрытного осуждения или насмешки, он смягчился и сказал:

— После Анастасиюшки не везет мне на цариц, избранных из дочерей боярских. Хотел было взять иноземку Екатерину, да не вышло. Вина в том князя Воронцова. Он чуть ли не год прображничал в Швеции, а все даром. Сладился бы тогда задуманный мною брак, миром вернули бы наши исконные владения на море Балтийском, которые от Рюрика нам даны. Большой вред причинил Воронцов интересам Руси, за что и предстал перед Богом.

— Позволь напомнить тебе, государь, — воспользовался случаем Захарьин, — послы шведские все еще в Москве тебя дожидаются, хотят о мирном договоре порешить. Удивляются, что ты бросил их.

— Гоните послов! — отрезал Иван Васильевич. — Пусть пеняют на себя, что не отдали мне Екатерину. Силой возьму все города Ливонии, что под их власть попали.

Захарьин Никита Романович был шурином царя по первой его жене Анастасии и издавна пользовался особым расположением Ивана Васильевича. Поэтому он не боялся высказывать свое мнение.

— Хочу предостеречь тебя, государь, — сказал он ровным и как бы беспристрастным голосом, — не время ныне воевать со Швецией. Это можно было бы и отложить на будущее. Вспомни, что этим летом крымцы приходили к Оке. Если мы пошлем войска на западные страны, Давлет-Гирей не упустит возможности еще раз зажечь Москву. А на Волге сегодня ногаи бесчинствуют, подбили к бунту черемису и чувашей, беспокойно стало на Каме. К тому же сибирский хан Кучум отказался быть твоим данником, отвернул от Руси югорские племена, взяв их под свою власть, просит военной помощи у крымцев. Назревает беда для Пермских земель.

Царь задумался.

— От Ливонии я все равно не отступлюсь, — сказал он решительно. — Изгоним из нее шведов. И от крымцев нужно себя оберечь. В этом, Никита Романович, я с тобой согласен. Усилим Астрахань, расставим по Оке дополнительные полки и поручим главное над ними воеводство старому хрычу Михайле Воротынскому. А казакам донским и запорожским разрешим воевать саму Тавриду.

— А как быть с мятежною черемисою и ногаями? — спросил Захарьин.

— Обуздаем их судовою ратью, пустив ее по Волге. Составить ее надобно из двинян, суздальцев и пермичей. И волжских казаков к ним примкнуть следует.

— Захотят ли того казаки? — высказал сомнение Бельский. — Если бы против одних ногаев, они пошли бы. А против черемисы не станут воевать. Против них пойдут только те, что на службе у купцов Строгановых. А эти, как говорится, — ворон ворону глаз не выклюет. Прознают про рать — и побегут с Волги на Дон.

— Не позволю! — гневно воскликнул царь, сверкнув глазами. — Они все бегают туда-сюда, не признают государевой службы, возмущают татар, с которыми мы хотим мирные договора иметь, бьют послов ханских, грабят купцов иноземных, нанося ущерб нашей казне. Пошлем против этих воров стольника Мурашкина. У него норов крутой. Быстро переловит и повесит воровских атаманов.

Внезапно прервав речь, Иван Васильевич впился взглядом в Годунова.

— А ты почему молчишь, Борис? Отчего в совете не участвуешь? Или не по нраву тебе мои помыслы?

— Прости, государь. Я хоть и молчал, но слушал не безучастно. Размышлял. Уже восемнадцать лет как мы воюем с Ливонией, а больших успехов не достигли. Наверное, ты прав, что соби-

раешься такую силу собрать, чтобы положить этому конец. И достаточная порубежная охрана нужна. Все правильно, кроме одного. Негоже, что мы сибирские земли теряем, что под угрозой все твои титулы Югры. Без войска, без переселенцев с Руси — не владеть нам Сибирью. Подумай об этом, государь. Во благо тебе говорю.

— Подумаю, — недовольно нахмутив брови, сказал Иван Васильевич. — Ну, а что с казаками делать? Всюду они вредят.

— Позволю возразить тебе, будто от казаков един вред, — смело ответил Годунов. — Казаки великую подмогу оказали во взятии Казани и Астрахани, внушают страх Азову и Тавриде, пресекают набеги татар по южному порубежью, бьют ногаев за разорение Руси, вызволяют из плена русских людей...

— Хватит! — резко пресек его царь.

Годунов побледнел, но не отвел глаз от испытывающего взгляда Ивана Васильевича.

— Если бы я не был уверен в твоей преданности, Борис, то повелел бы казнить тебя за заступничество станичникам. Думаешь, мне неведомо, что ты наговорил?

Он размахисто ударил посохом об пол.

— Почему казаки не желают давать присягу?! Все они были ворами и останутся ими — пока не поцелуют крест Господний и не дадут клятву в верности своему государю. Вишь, кровавую саблю целуют, а крест брезгуют. Воюют только там с охотою, где мы с их врагами бьемся, а от стен крепостей ливонских убегают. Не хочу их беречь и миловать!

Желая выручить Годунова, Захарьин вступил в разговор.

— Государь, ты ведь сам знаешь, что не все казаки одинаковы. Те, что по найму служат, те и воюют честно за жалование, за хлеб да порох, хотя и крест не целуют. А те, что сами приходят, те и убежать могут, когда видят, что врага не одолеть и добыча не светит. Эти казаки никакой власти над собою не признают и кормятся только за счет своей войны с кочевниками, да богатых гостей грабят. Этих, если не одумаются, можно и не миловать. Но как их найти в поле? Они, как ветер, гуляют по тем местам, куда руки наши дотянуться не могут. Поэтому сомневаюсь я, что Мурашкин их выловит, а пострадать могут те, кто в службе нам не отказывает. Такие, к примеру, как Черкашенин или Филимонов в свое время, которые и в Посольском Приказе у тебя записаны.

— Вот, вот! — обрадовался Иван Васильевич. — Я Филимонова в Приказ записал за верную службу, а ему за это свои же станичники голову отрубили.

— Казнили его за то, что он по твоему приказу стал на переволоке и волжских атаманов на Дон не пускал.

— Потому на переволоке будет теперь Мурашкин стоять, — торжествующе сказал Иван Васильевич, считая, что он выиграл спор.

— Согласен... — Захарьин покорно склонил голову, скрывая улыбку. — А почему бы, государь, не разрешить купцам Строгановым нанимать непокорных казаков? К нам эти казаки не идут, а к купцам могут и пойти, чтобы преградить доступ к пермским землям ногаям, башкирцам и другим воинственным племенам. Пусть с ними воюют и живут добычей от них. От того и нам польза будет в порубежной охране. Думаю, что следует дать Строгановым права.

— Ты думаешь, а я уже два года назад выдал им прав более, чем следует, разрешил на Тахчее и Тоболе крепости ставить, ратных людей набирать, наделил льготами превыше, чем самых именитых князей и бояр. А что есть сегодня? Ничего! Боятся Строгановы Сибири и татар, всю тяжесть побора свалили на окрестные племена. От их жадности и кабалы — все недовольства и бунты. Об этом знаю от воеводы из Чердыни. Отпиши им — пусть живут в мире с людьми Кучумовыми, пока мы с Ливонией воевать будем, и чтобы не брали к себе воровских атаманов и разбойников. А если хотят, то позволяю набирать ратников из деревень их же вотчин.

Захарьин тряхнул седовласой головой и сказал:

— Все отпишу. Завтра же накажу дьякам готовить приказы.

Иван Васильевич лукаво усмехнулся.

— Сделай милость, Никита Романович, отпиши еще Мурашкину, что велю на всех перевозах и переправах, да на Иргизе, караулы поставить, любых казаков с Волги на Дон не пускать, и с Дона на Волгу тоже. А тех, кто разбойничает, не хочет в наших походах участвовать или моим приказам не следует, ловить и вешать без суда. Еще слышал я, что на море Синем и Волге какой-то Ермак объявился с большою дружиною и чинит всякие неудобства персам и ногаям. Пусть выловят этого Ермака и повесят.

— А на какую пору войско на Ливонию готовить? — спросил Захарьин.

— К этой зиме пятьдесят тысяч в Новгороде собрать, а к лету готовить полки во всех вотчинах Руси, которым до приказа пребывать и кормиться у себя. А мы до того времени будем пытаться и казнить изменников Колычевых и Василисиных родственников. Скажи, Богданушка, своему дядьке, чтобы всех их бросил в темницу, пока они в Литву не убежали.

Довольный своими повелениями, Иван Васильевич подошел к Годунову и благодушно похлопал его по плечу.

— Ты и вправду думаешь, Борис, что я не захочу тебя казнить?

— Я чист делами и помыслами пред тобою, государь. За что же меня казнить?

— А так, ради потехи. Или за то, что ты красавчик и на тебя девицы заглядываются.

Царь дико, громко захохотал, глядя на побледневшего Годунова. Смахнув с дряблой щеки слезу, он успокоил:

— Не бойся. Не захочу я вреда тебе учинять. Очень ты мне люб, Борис. С тех пор люб, как тебя к себе рындою взял. А возвысил не для того, чтобы казнить. Разве Богданушку люблю поболее.

— Государь, подошло время твоей трапезы, — напомнил Захарьин.

— Вижу, вижу — надоел вам царь-батюшка. — Иван Васильевич сделал печальное лицо. — Ну, Бог с вами, идите. А Богданушка со мною останется, отпробует с царского стола питье и кушанье. Вам же велю в церкви быть, как к полуночнице зазвонят.

Выйдя, Захарьин предложил:

— Идем ко мне, Борис Федорович, потрапезничаем вместе. Все равно не даст государь покою до четырех утра, будет грехи замаливать.

В доме Захарьина, за толстыми каменными стенами с железными ставнями на окнах, можно было без опасения предаться душевному разговору. С недавнего времени между Никитой Романовичем и Борисом Федоровичем, несмотря на большую разницу в возрасте, стала возникать взаимная симпатия. Шурин царя, устав от одиночества, от придворных интриг, невольно потянулся к молодому человеку, отличающемуся от других многими достоинствами, испытывая к нему отеческие чувства. Он убедился, что Годунов не склонен к наушничеству, сторонится участия в кровавых расправах, без боязни говорит с государем, когда того требуют обстоятельства. Поэтому, когда Захарьин усадил гостя за стол, он без всякой предосторожности приказал слуге подать кувшин с мальвазией, лучшим вином, которое было взято из погребов государя. Годунов изобразил удивление, на что Захарьин сказал:

— Неужели мы так плохи, что не заслужили хорошего вина?

Годунов ответил понимающей улыбкой и предложил:

— Выпьем за взаимную приязнь и поддержку.

— Это главное, чего многим недостает, — согласился Захарьин. — Честолюбие, родовая спесь, недомыслие сеют раздоры между людьми высшего сословия. Храни нас Бог от этого! Ты, Борис Федорович, как сын для меня.

— Я рад быть твоим названным сыном и величать тебя, Никита Романович, названным отцом.

— Так выпьем же за это!

Они осушили до дна по большому кубку вина. Слегка захмелев, Годунов спросил:

— Как думаешь, Никита Романович, не образумится ли государь? Врагов у Руси и так хватает, а Швеция сама на дружбу напрашивается.

— Что мне сказать? Сам слышал, как он настроен. К тому же злопамятен он. Когда тебе, Борис Федорович, лет десять было от роду и ты дома сидел с родителями, умерла моя сестрица, царица Анастасия. Не верь вранью, что ее отравили. Это вымысел государя, по которому он мог казнить многих, кто ему неугоден стал.

Захарьин снова наполнил кубки, немного отпил и продолжил:

— Сам царь виноват в смерти сестрицы моей, причинив ей много душевной боли. Каждый год она ходила с животом, а он развлекался с девицами. Обвинял ее, что рождает дочерей, а когда родился Дмитрий, то неразумным паломничеством по дальним монастырям с малолетним сыном сгубил своего дитя. Когда же сестрица рожала Ивана и Федора, он был занят помыслами о польской принцессе Екатерине, а ей говорил не раз: «Не царица ты, а Настька Захарьина. В любую пору заточу тебя в монастырь и на другой женюсь». Не любил он ее, как уверяет теперь.

— Ты упомянул о злопамятстве...

— Я и веду к этому речь. На восьмой день после смерти Анастасии к королю Сигизмунду-Августу уже отбыли послы со сватовством.

— На восьмой день? — изумился Годунов. — А что дало сватовство?

— Польский король не желал этого брака и долго морочил голову Ивану Васильевичу, выставляя неприемлемые условия по отдаче российских городов. Наконец государь отложил эту затею до лучших времен и женился на черкесской гадюке Темгрюковой. Тогда Сигизмунд выдал замуж принцессу за Ивана, брата полупомешанного тирана Эрика. Эрику, подобно нашему государю, мерещились одни заговоры, и он заточил брата в темницу. Тогда-то и решил Иван Васильевич заполучить чужую жену, послал старика Воронцова в Швецию. Но его не допустили к королю, и ты сам знаешь, чем все кончилось.

— Да, знаю. Выходит, что воевать мы будем из-за женщины.

— Может быть, так. А может быть, и не так. Где нет любви, там властвуют самолюбие и месть... Однако хватит об этом. Мне хотелось бы предостеречь тебя, Борис Федорович, на будущее.

— Рад буду любому доброму совету, Никита Романович.

— В разговоре с государем ты неосмотрительно упомянул о Казани и тем разозлил его.

— Казанью?

— Ею! О походе на нее не царская воля была, а земская дума порешила. В то время так было заведено Адашевым и Сильвест-

ром. Они чуть ли не силой посадили Ивана Васильевича в ладью и повезли на войну.

— Впервые слышу об этом, — с сомнением проговорил Годунов. — Ведь государю был двадцать один год. В этом возрасте любой самодержец рвется на войну, мечтая о славе и любви народной.

— Воином нужно родиться, — то ли с печалью, то ли с сожалением в голосе сказал Захарьин. — А он считает, что, имея опытных воевод, неблагоприятно царю участвовать в сражениях. Те же, которые понуждают его к этому, подозрительны в заговоре и измене.

— Все же мне не верится.

— Напрасно. Сам государь писал об этом Курбскому, бежавшему в Литву. Вот его слова: «Вы меня, как пленника, посадили в судно, повезли сквозь безбожную и неверную землю. Если бы не всемогущая десница Божия защитила мое смирение, то я бы непременно лишился жизни».

— А ты, Никита Романович, видел взятие Казани?

— Не только видел, но и слышал. Татары кричали со стен: «Ступайте, дураки, в свою Русь!» А наш черный люд и казаки деревянные туры на колеса ставили и к городу их двигали. Казаки особо отличились тогда, дрались бесстрашно и яростно. Ведь от Казанского ханства больше ущерба было русскому народу, чем от всей татарской Орды.

— А что далее было?

— Главное, Борис Федорович, как все было! Государь, хотя и вопреки своему настроению оказался на войне, все же возглавил осаду. Одно его присутствие уже рождало отвагу и вдохновляло россиян. Иван Васильевич поставил в стане церкви полотняные и целиком отдавал себя молитвам, посылая сановников ободрять бьющихся. Многие воеводы пали в сражениях, Воротынский чудом остался жив, посеченный саблей в голову и раненный в плечо двумя стрелами. А Шуйский в то время бился с Япанчею, который привел луговую черемису и ногаев. Те засели в лесу в десяти верстах от Казани и внезапными вылазками наносили заметный урон нашему войску. Вот тут-то и помогли вольные волжские казаки, которые сами пришли, без найма. Был над ними атаман, богатырь-красавец, кажется, Токмаком кликали. Ему суждено было спасти воеводу, который оказался окруженным толпою басурман и бился из последних сил. Этот атаман разбросал их как котят и вывел Шуйского из круга. В благодарность воевода надел на того Токмака свою кольчугу.

— Выходит, что не зря я заступился за казаков?

— Не зря. Государь сам ценил их способности в рукопашной схватке. Когда пошли на последний приступ Казани, он повелел

для гарантии успеха быть впереди атаманам с казаками. Однако он зол на них теперь и не любит напоминаний об их заслугах.

— Теперь я понимаю, — сказал Годунов, — почему государь так на меня разгневался. Ты прав, Никита Романович, нужно быть более осмотрительным.

В эту минуту послышался переливчатый звон колоколов.

— Сейчас самое время лечь в постель, — усталым голосом сказал Захарьин. — Однако, не будем лишним раз гневить царя.

У входа в церковь они остановились, поджидая, когда Иван Васильевич спустится с колокольни, где он сам вызванивает к полуночнице. Подошли и несколько человек в высоких монашеских шапках и длиннополых рясах. Захарьин шепнул Годунову:

— А вот и сам Малюта со своими живодерами. Небось, под рясами дорогие кафтаны и кинжалы. Вдруг в церкви понадобится кого-нибудь заколоть.

Ждали долго, так как государю нравилось звонить в колокола. Когда, наконец, Иван Васильевич и Бельский, тоже облаченные в монашеские одежды, присоединились к ожидающим, все вошли в церковь. У алтаря, похожий на изваяние, стоял царский духовник. Иван Васильевич подошел к нему и попросил благословения.

Духовник перекрестил его и сказал:

— Благословляю тебя, государь, именем Бога. Бог возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Да не взыщется кровь виновных и невинных от рук твоих. Аминь!

Царь самодовольно улыбнулся и подмигнул Малюте.

После этого он опустился на колени и, нашептывая молитвы, стал усердно отбивать земные поклоны. Закончив через два часа покаяние перед Богом, он, изможденный, с трудом поднялся и стал на ноги. На его лбу сверкала большая фиолетовая шишка.

Глава 2

ЛИХОЛЕТЬЕ

7085 год от сотворения мира.

28 августа 1577 года.

На правом берегу Волги, верстах в восьмидесяти от ногайской столицы Сарайчик, пятисотенный отряд казаков разбил лагерь для кратковременного отдыха. Разгромив на переправе конницу кочевников, отбив обоз с награбленным добром и русских пленников, казаки залечивали раны и обмывали в реке разгоряченные тела.

Этот августовский день был солнечным, со стороны астраханских степей еще веяло жарким дыханием — и поэтому множество легких шатров облепило пологий песчаный берег.

Более двухсот крестьян, мужчин, женщин и подростков, освобожденных от плена, изможденных от долгого пешего пути и голода, отдыхали в тени повозок, принимая из рук казаков миски с ячменной похлебкой, которую сварили им полковые повара.

Люди ели и плакали, благословляя Бога, внявшего их молитвам и пославшего во спасение от ужасного рабства и гибели благородного атамана Ермака Тимофеевича с доблестною дружиною.

Женщины, перевязывая раненых, штопая попорченную одежду спасителей, рассказывали, как басурманы жгли их дома, секли саблями стариков и малолетних детей — всех непригодных для продажи на невольничьем рынке. От этих рассказов глаза казаков загорались яростью, а сердца трепетали от жажды мщения. Им уже было недостаточно того, что они почти целиком истребили трехсотенную нечисть, что неподалеку, на месте сражения, берег усеян трупами их заклятых врагов, над которыми вьются хищные птицы.

Все ждали — какое решение примет атаман?

Казаки, не первый год полевавшие с Ермаком Тимофеевичем, были терпеливы. Они знали, что их предусмотрительный вожак никогда не отдаст необдуманного приказа. Бросая взгляды в сторону шатра, в котором укрылся атаман, они ни на минуту не сомневались, что он не поспит на лаврах после удачной битвы. Действительно, Ермак, изрубивший в утренней схватке не менее десятка всадников, не помышлял об отдыхе. Его беспокоила дальнейшая судьба крестьян, оказавшихся на попечении отряда.

Учитывая близость ногайских улусов, а также уцелевших врагов, ускользавших к Сарайчику, не было уверенности, что ордынский хан не вздумает отплатить за поражение своих людей. При таком обороте событий дружина может легко уклониться от неравного боя, ускользнув на стругах. Но тогда все бывшие пленники снова будут захвачены или изрублены на куски.

Ермак вышел из шатра — и все взоры обратились в его сторону. Один богатырский вид этого человека уже вселял в сердца чувство уверенности и отгонял страшные мысли. Он появился без головного убора, дав волю ветерку лохматить его курчавые темные волосы, уже поредевшие и побитые проседью. С его могучих плеч, поверх полотняной рубахи, ниспадала легкая сетчатая кольчуга с гербовой бляхой у пояса, потемневшей и потершейся от времени, правая рука неподвижно покоилась на рукояти сабли в бархатных ножнах малинового цвета, а большим и указательным пальцами левой руки, похожими на огромные клешни, он сжимал и разжимал жесткие волосы черной окладистой бородки. Несмотря на плоскость и смуглость лица, сходного чертами с туземными, оно не производило отталкивающего впечатления, а взгляд светло-серых глаз, выражающих не только твердость духа, но и незаурядный ум и какую-то глубинную теплоту, делал лицо даже приятным.

К Ермаку тут же подошел монах, который всегда старался быть под рукою атамана. Много лет назад он сбежал из тихой обители монастыря, не сумев укротить свой непоседливый нрав, и с тех пор неотступно следовал за полюбившимся ему казачьим вождем. Он не носил черных риз, одет был по-мирскому, но исправно нес обязанности священнослужителя при дружине, исповедывал, отпускал грехи, отпевал погибших. Для Ермака и есаулов он варил каши и вел учет продовольственных запасов, а если возникала необходимость в составлении грамотного письма, то он мог это сделать не хуже любого дьяка Посольского приказа.

Выполнив поручение, предупредив всех крестьян, чтобы собрались возле шатра атамана, монах отправился к раненым с мазями из трав.

Перед собравшимися Ермак произнес короткую речь:

— Горемычные мужики и жены! Рано радоваться обретенной свободе. Неровен час и прилетит сюда для мести ханская конница. Погублю я отряд в неравном бою и вы поляжете перебитыми. Пока есть время, берите сколько надо коней и повозок, одежды и снеди, и бегите на Русь. Идите лесами, прячьтесь в них, отыщите себе безопасное место. А кто из мужиков, потерявших домашний очаг и семью, хочет войти в дружину, того приму с радостью. Только не думайте, что ждет вас легкая судьба в жизни неприкаянной вольницы. Видели сами вы мертвые тела товарищей наших, павших сегодня в бою за ваши жизни.

После таких слов селяне засуетились, взяли в дорогу самое необходимое, а остальное оставили казакам. Отряду досталось около сотни лошадей, а мужиков, пожелавших стать казаками, набралось три десятка.

Вместо того, чтобы сразу сняться с опасного места, Ермак приказал выставить у переправы оставшиеся повозки и обсыпать их песком. Получилось хорошее укрытие от вражеских стрел, из-за которого пищальники могли вести прицельную стрельбу. Такое решение атамана было продиктовано крайней необходимостью дожидаться вестей из Астрахани, где у него были свои «глаза и уши». От этого во многом зависело — куда следует увести отряд на зимовку. Поэтому уже целую неделю боевая флотилия кружила по соседним рукавам и протокам, держась вблизи переправы в ожидании гонца. Одного не знал Ермак Тимофеевич — какой путь избежит вестник. То ли приплывет на ладье, то ли прискачет из степи к условленному месту. Не так-то легко ускользнуть незамеченным от бдительного астраханского гарнизона. В силу этого обстоятельства в планы Ермака не входило утреннее сражение. Если бы не крестьяне, которых гнали в рабство, он бы на этот раз позволил уйти басурманам, продолжая без особых опасений дожидаться необходимых сведений. Теперь же не оставалось другого выхода, как подготовиться к обороне на случай появления ногайцев.

Худшие предположения атамана вскоре подтвердились. На закате солнца к противоположному берегу прискакало двадцать всадников. Судя по всему, это был разведывательный отряд. Они безбоязненно гарцевали вдоль песчаной отмели, выкрикивали ругательства и угрозы, указывали руками в сторону погибших соплеменников, давая понять, что хотят забрать мертвых и еще вернуться для этого с большой силою. Показывая также направление вверх по реке, они предлагали казакам уйти туда, чтобы осуществить свои намерения без дальнейшего кровопролития. В ответ на это дружинники указывали на солнце и трижды выбрасывали вверх руки, что означало намерение пробыть тут еще не менее трех дней. Разъяренные кочевники выпустили из луков стрелы, которые, преодолев

почти двухсотметровое расстояние, воткнулись в укрытие из повозок, не причинив никому вреда. Обмениваться на это выстрелами из пищалей не имело смысла, так как убойная сила пуль ограничивалась всего пятидесятью метрами.

Теперь не оставалось ничего другого, как быть готовым к отражению противника. Во все стороны степи Ермак разослал усиленные караулы, по Волге вверх и вниз было послано по два струга со стрелками, а вдоль повозок на берегу казаки расположились группами по три человека. Лучший из них по стрельбе должен был вести непрерывный огонь, а двое других заряжать пищали, так как на одну зарядку затрачивалось до трех минут. По установленным правилам каждый дружинник должен был иметь при себе две пищали с запасом пороха и свинца, достаточным для суточного сражения, поэтому в распоряжении каждой тройки казаков было по шесть единиц стрелкового оружия, что давало возможность за одну минуту делать два-три выстрела. При отражении атаки это имело решающее значение. С помощью такого непрерывного огня дружина Ермака уже не однажды останавливала наступательные броски врага, превосходящего по силам в десятки раз. Вот и теперь весь расчет строился исходя из имеющегося опыта.

Приняв все возможные меры предосторожности, Ермак, не раздевшись, а отстегнув только саблю, растянулся на овчинной подстилке и задремал. Однако эта ночь не была создана для сна. Не прошло и часа, как атамана разбудил десятник ертаульной службы. Он сообщил, что его разведчики захватили ладью с подозрительным человеком в форме царского стрельца, который говорит, что у него важное сообщение для атамана и требует немедленной встречи, невзирая на ночь и сон.

Встрепенувшись от догадки — кто это может быть, Ермак приподнялся, опираясь на локоть, и нетерпеливо сказал:

— Ведите его сюда! И быстро!

Незнакомец — высокий, худощавый, с длинными руками, похожими на гребные весла, войдя в шатер в сопровождении двух казаков, отвесил поклон Ермаку и огляделся по сторонам. В углу, перед образом Святой Богородицы, тусклым светом мигала лампада в серебряной оправе. Незнакомец перекрестился, низко склонил голову перед образом, затем снова поклонился атаману и опять обратился к образу в поклоне, и еще раз перекрестился, и только после этого попросил разрешения сесть, сославшись на усталость.

Ермак в знак согласия кивнул головой и указал на скамью. Стрелец был высок, а скамья низка. Когда он уселся, неуклюже поджав под себя ноги, атаман коротко приказал:

— Говори!

Но стрелец, прищурившись, взглянул в глаза атаману и многозначительно перевел взгляд в сторону казаков.

— Выйдите на время, — сказал им Ермак.

После их ухода незнакомец заговорил приглушенным голосом:

— Атаман, я имею сведения особой секретности, которые изложены в Приказе государя, полученном воеводою Астраханского гарнизона.

— Откуда тебе знать, что писано в такой важной бумаге? — спросил недоверчиво Ермак.

— Известный тебе друг, имени которого называть не следует, — стрелец повертел головой, прислушиваясь к шорохам за пологом шатра и переходя на шепот, — этот друг просил из великой предосторожности все запомнить и передать на словах.

— Рассказывай! И говори, а не шепчи.

— Тебе виднее, атаман... Государь приказал, чтобы до зимы число ратников Астраханского гарнизона довели до двух тысяч душ.

— Мудрое решение, так как крымский хан все еще надеется завладеть Астраханью, а этого нельзя позволить. Слишком много казацких голов положено у ее стен.

— Это еще не все. Для смирения бунтующей черемисы, подстрекаемой ногаями, идет большое войско. Недели через две оно будет у Казани.

— Неприятная весть, но не столь страшная. Если государь недоволен ногаями, то не должен гневаться на казаков, которые бьют их на переправах за ограбление Руси.

— Хорошо бы так, да не так, — с горечью в голосе сказал незнакомец. — Донесли государю, будто собрал ты дружину великую, что бьешь ты послов ногайских, вызывая в них месть. Оттого, мол, и вся смута идет.

— Неужели государь верит этому? Что сказано далее в Приказе?

— А сказано далее, что бухарских купцов грабишь, да и русскими не гнушаешься, нанося тем ущерб царской казне.

— В этом есть правда, — согласился Ермак. — Но где мне прокорм для дружины найти? Что еще?

— Повелел Иван Васильевич собрать против тебя тысячу конных стрельцов, да судовую рать из тысячи душ, да пушки им дать, чтобы разом покончить с тобою и другими воровскими атаманами. А оставшихся в живых велел переловить и повесить.

— Вот за эту весть благодарствую очень. Уважает государь силу казацкую, посылая против нас такое войско большое. Только слеп государь — не там видит врагов своих, где есть они. Забыл о тех, кто Москву пожег... А нас не взять ему!

Гневом засверкали глаза Ермака Тимофеевича, но, укротив себя, спросил:

— Кого же воеводою посылает против нас Иван Васильевич?

— Своего стольника Мурашкина, мало искусного в военном деле.

Ермак расхохотался и сказал:

— Знать, опостылел царю этот боярин, а чтобы под опалу его подвести — поручил ему дело безнадежное. Сказано еще что-нибудь в бумаге государевой?

— Сказано. Велено волжских казаков на Дон не пускать, для чего от Иргиза до волока пять караулов поставить.

— Так... так... Не в шутку решил государь расправу учинить. Но это уже бывало... — в раздумье произнес Ермак и спросил:

— Как тебя звать-то, храбрец?

— Алексеем Галкиным величают.

— Не помилуют тебя в Астрахани, если вернешься?

— Не простят, — подтвердил Галкин. — Нельзя мне возвращаться, атаман.

— А какую службу нес в гарнизоне?

— Десятником у пушкарей.

— Важная служба, — одобрительно заметил Ермак. — Знание пушкарского дела и нам может пригодиться. Останешься?

— Останусь.

— Вот и ладно. Поставлю тебя пятидесятником над пищальниками. Сумеешь?

— Сумею. Ратному делу обучен.

— Гей! — негромко вскрикнул Ермак.

Вошли ертаульные казаки.

— Этого стрельца в свои товарищи берем, — сказал им Ермак. — Проводите его к сотнику Черкасу.

Оставшись один, Ермак погрузился в глубокие раздумья. Теперь было не до сна. Он обдумывал пути сохранения своего отряда. В это время снаружи донесся многоголосый шум. Атаман с легкостью вскочил на ноги, опоясал себя ремнем с саблей, надел шлем и вышел из шатра.

У берега толпились взбудораженные казаки. Из воды на песок выскакивали заостренные носы стругов. С головного судна выпрыгнул ловкий, подвижный человек и направился к Ермаку.

— О, это ты, друже?! — радостно воскликнул Ермак, узнав Ивана Кольцо.

Они соединились в крепком объятии.

— Полегче, полегче, — сказал Кольцо, — у меня кости трещат. Ну и силища в тебе, братец! На десятерых хватило бы.

— Не жалуясь еще, — весело ответил Ермак. — Откуда пожаловал?

— Между Иргизом и Самарою ногойцев поджидал, которые ходили пограбить Русь.

— Дождался?

— А как же? Побил демонов, а наших, что в полон попали, по домам отослал. Только вижу, что и ты со скукою не сдружился. Зачем вал соорудил?

— Нужда заставила. Видел, сколько басурманов на берегу побитых?

— Видел. Так и ушел бы. Зачем зря рисковать?

— В том-то и дело, что не зря. Идем в мои палаты — там все и расскажу.

Войдя в шатер, Кольцо усмехнулся.

— Ну и палаты у тебя! У меня и то краше.

Ермак пододвинул ему скамью и стал посвящать в планы государя Ивана Васильевича. Кольцо внимательно выслушал и озабоченно спросил:

— Что предлагаешь делать?

— Нужно где-то переждать лихолетье. Не будем же мы собирать свое войско, чтобы драться с братьями нашими.

— И то верно. На Яик пойдешь?

— Сегодня Яик — уже не убежище. Воеводы знают о нем и обложат с двух сторон, на ладьях и конях. В диком поле, на Хопре, тоже все наши станы известны и Москве, и крымцам. Думаю, что самые безопасные места — это выше Иргиза. Леса на Самаре — вот надежное укрытие для всех казаков. Туда и пойду.

— Удивляюсь я прозорливости твоей, друже. Пустишь меня к себе на Самаре?

— Встречу с радостью.

— Тогда обязательно приду, но только попозже. Пока Мурашкин сюда доберется, мои ребятки успеют погромить ногойские станы. Соберем поболее продовольствия, и на твою дружину возьмем запас. А ты землянки порой для нас. Коней только у меня мало. Не позаимствуешь отбитых у кочевников?

— Бери всех, что есть, а на Самару пригони табун. Там в зиму пригодятся для походов и на случай, если зверя мало добудем.

— Добре. А что другим атаманам говорить?

— Расскажи все, о чем знаем сами. Советуй ко мне идти. Чем больше соберем войско, тем безопаснее зимовать будем.

Кольцо от удовольствия хлопнул в ладоши.

— Ох и подложим мы свинью Мурашкину! — ликующе воскликнул он. — Представляю, как раздосадуется воевода! Какие оправдания придумает! Так, мол, и так, государь, не нашел я на Волге казаков. Сгинули без следа!

— Кстати, о государе... — в раздумье проговорил Ермак, не разделяя веселья приятеля. — Как думаешь, Иван, не послать ли нам в Москву казаков для доклада царю о бесчинствах ногаев? Пусть правду узнает в наше оправдание. Вдруг да отменит поход Мурашкина?

Кольцо безнадежно махнул рукой.

— Не верю я в государево разумение. Не любит он нашего брата.

— Думаешь, я верю? Кого-то Мурашкин все равно выловит и повесит. А что, если от посольства прок выйдет?

— Для совести и попробовать можно, — согласился Кольцо. — Только так все продумать надо, чтобы не погубить казаков.

— Об этом я позабочусь, — пообещал Ермак. — Если и случится беда, то малая. Оставь мне двадцать коней на эту затею.

— Оставляю. А на остальные посажу ребят и пусть перебираются на ту сторону Волги. Там пойдут вдоль берега к низовью, а я рядом на стругах.

Друзья попрощались крепким рукопожатием, и Ермак сразу же занялся неотложными делами.

Он вышел из шатра и с удовлетворением отметил, что по-прежнему дует южный ветерок, который значительно облегчит продвижение стругов против течения, если поднять паруса, хотя казаки не очень их жалуют и предпочитают весла. Ермак прикинул, что при такой погоде, если она сохранится, можно дойти до Самары за неделю, делая в сутки не менее сорока верст. Окинув взглядом лагерь, он убедился, что люди еще бодрствуют после встречи с казаками дружины Кольцо, и решил воспользоваться этим обстоятельством для сборов в дорогу.

— Гей! Савва! — позвал он монаха.

Тот вылез из-под полога низкого шалашика, расположенного рядом с шатром атамана, и с отрешенным выражением лица стал протирать заспанные глаза.

— Ну и горазд ты спать, когда другим не до сна, — без упрека, с улыбкой, сказал Ермак.

— Ночь — это Божий дар не только для разбойников, но и для сна праведников, — парировал монах.

— Это ты праведник, что ли?

— Я! А что?

— Праведники не едят мяса в Великий пост.

— Каюсь. Грешен. При нашем бытие — где без мяса силы взять? Понимаю так, что я понадобился тебе, Ермак Тимофеевич?

— Правильно понял. Обойди всех казаков и скажи, чтобы сворачивали свои кибитки и грузились на струги. Но без шума! А Черкаса и Гаврилу Иванова ко мне пошли.

Монах ушел выполнять поручение, а Ермак вернулся в шатер.

Через несколько минут входной полог откинулся и вошел Черкас, молодой человек лет двадцати пяти, чернявый, с короткими, торчащими в стороны, усиками и небольшой клиновидной бородкой. Вслед за ним, переминаясь с ноги на ногу, появился бравого вида казак средних лет в полном боевом снаряжении — с саблею и двумя пищалями.

— Садитесь, слушайте и хорошо запоминайте, — сказал им Ермак. — Времени у нас мало. До рассвета дружина должна уйти от переправы как можно дальше. Но прежде — есть срочное дело.

— Говори, Ермак Тимофеевич, — откликнулся Гаврила. — Я так понимаю, что это дело меня касается.

— Верно. Двадцать лет мы вместе ходим, хорошо знаем друг друга, потому и выбрал тебя для очень важного поручения.

— Жизни лишусь, а выполню!

— Мне нужно, чтобы ты живым вернулся и доложил о результате. Посылаю я тебя со станицею к самому государю Ивану Васильевичу. Подберите с Черкасом молодцов по усмотрению своему, бери коней и скачи на Москву. Но скачи с разумом, чтобы кони не пали и чтоб под царскую рать не попасть. В пути таись по лесам, да и в Москве затаись, а к государю пошли только одного казака, о котором особая речь. У государя наш человек должен быть в сентябре, не позднее двадцать пятого дня, так как первого октября воевода Мурашкин выступает в поход, чтобы ловить и вешать волжских казаков. Если что-то задержит в пути, если опоздаешь к сроку, то и посольства не надо. Сразу возвращайся. Наш караул в устье Самары встречать будет. Это запомнил?

— Как Божью заповедь!

— Теперь о казаке, которому суждено перед государем речь держать. Говорить надо так с умом, чтобы гнева его не вызвать. По своей воле должен решиться на это казак, так как велик риск потерять голову.

— Может быть, мне самому управиться с этим делом? — спросил Гаврила.

— Тебе нельзя, — возразил Ермак. — За один разбойничий вид попадешь на кол. Тут умильная физиономия нужна.

— С такой рожей у нас есть один.

— Кто таков?

— А Никитка Благой. Он и говорит, словно медом потчует. И храбрости в нем недостаток есть, и благодушия. Разрубит басурманина пополам — и тут же счастья ему пожелает на небесах.

— Такой подойдет.

— А что говорить ему?

— А то, что плачет Русь, что ногаи разоряют села и огнем палят, а людей государевых в рабство угоняют. От них, мол, и купцам всяким разорение, а подводят под подозрение казаков волжских. А казаки, мол, оберегают границы Руси, встречают воров на обратном пути, отбирают полон и добро награбленное. Просят, мол, казаки царского благословения на святое дело против неверных. Разумеешь?

— Как Отче наш!

— Ну, добре! А тебе, Черкас, пусть Никита Благой, будто перед государем, речь скажет. Если надо — поправь что не так. С Богом!

Через час после этого разговора станица из двадцати человек во главе с Гаврилой Ивановым ускакала на конях в сторону Москвы, а дружина поплыла вверх по Волге.

7087 год от сотворения мира.

Сентябрь 1578 года.

Беспрепятственно миновав устье Иргиза, на берегу которого виднелся еще пустыющий царский острожек, флотилия из тридцати стругов вошла в реку Самару.

Проплыв несколько верст вдоль лесистых берегов, казаки свернули в узкий рукав, напоминающий глубокий овраг, и стали выносить поклажу на высокий яр.

Сплошные заросли кустарников, преграждая путь к многовековым делям, встретили пришельцев. Пробившись с помощью топоров сквозь колючий шиповник высотой в полтора человеческого роста, люди остановились, растерянно вглядываясь в глубину черневых прерий, которые казались мертвыми и непроходимыми. Всюду среди густой растительности виднелись полусгнившие пни и стволы деревьев, лежащие на земле. Там и тут торчали безжизненные пихты и осины с обломанными верхушками, облепленные трутами и обвитые хмелем. И среди всего этого хаоса, творящегося на земле, величественно выступали столетние ели, одинокие могучие кедры, гигантские лиственницы, голые снизу и уродливые своими корявыми ветвями наверху, покрытыми мелкой светло-зеленой хвоей, а кое-где зелеными пятнами выделялись густые поросли молодого осинника.

Для начала, вырубив часть кустарников и подготовив площадку под временное складирование пожитков, казаки направили несколько небольших групп для поиска подходящего места лагерной стоянки. Совсем рядом, среди делям, был обнаружен широкий прогал, расположенный параллельно берегу, середина которого имела мокрую черную почву и ленту растительности, состоящей из

деревьев черемухи и рябины, кустов калины, таволги и белоствольных березок. Вся площадь прогала, как и лесная чернь, была покрыта густою высокою травою зонтичных растений и гигантским осотом. Тучи бабочек, белых капустниц, носились над свободным пространством, а полчища комаров и мошкары набрасывались на людей, забирались под одежду и жалили немилосердно.

Многим казакам, привыкшим к менее устрашающим лесам средней полосы и к просторам донских и волжских степей, стало казаться, что они попали в логово дьявола, в обитель колдунов и леших. И в то же время каждый понимал, что как не здесь, где ни пешему, ни конному не пройти, можно уберечься от преследования царских хищников.

Вначале казалось, что нет тут места даже зверю и птице, а далекая кукушка жалобно кукует от одиночества. Однако, стоило вклиниться в травяное море, как из-под ног стали выпархивать глухари и тетерева, а на сырой земле среди ягодников вдруг обнаружился отчетливый след косолапого хозяина леса.

Когда местность была тщательно обследована и стало ясно, что кроме как с реки она недоступна с любой стороны, Ермак распорядился прорубить к прогалу просеку, а вдоль прогала, примкнув к лесу, рыть ямы под землянки. Рыли не очень глубоко — всего на один метр, а затем из бревен выкладывали сруб и односкатную крышу с отверстием для трубы. Порыскав по яру, казаки нашли глину, стали делать кирпичи, обжигая их на костре, и выкладывать печи.

Такая работа не в новинку была большинству казаков. Беглые от господского ярма, голода и язвы — они с малолетства приучены были к плотницкому и каменному делу, умели и пашню пахать, и зерно сеять, и хоромы строить. А тот, кто к этому неспособен был, тем занятие в дружине другое нашлось. Собрали их под начало пятидесятника Богдана Брызги и поручили пополнение запасов продовольствия за счет даров природы. В эту пору и грибов, и ягод, и трав лекарственных было изобилие. Монах Савва вместе со сборщиками лазал по кустам, лужайкам и болотцам, учил сбору и следил, чтобы не набрали отравы. Другие же били в лесу зверя и птицу, ловили в реке и ближайших озерах рыбу.

Постепенно люди привыкли к местным особенностям, дикие дебри не только потеряли пугающее воздействие, но и стали восприниматься как надежные стены домашнего очага. Особенно хорошо были изучены окрестности охотниками и рыболовами. За короткое время в округе на десяток верст им стали известны все особенности рельефа: протоки, ручьи, озерки, приметные пригорки и ложбины, прогалы и заболоченные впадины. Они уже не продирались сквозь густые заросли, не спотыкались о валежины, не про-

валивались в ямы от прогнивших пней, а без особых трудностей передвигались по звериным тропам, которые, пересекаясь одна с другою, приводили в конечном итоге к какому-нибудь водоему или очерчивали границы обитания зверья.

Для охраны лагеря, несения караульной службы был сформирован специальный отряд. Трижды в течение каждых суток к устью Самары отплывало по два струга для смены караула, которые обязаны были не только отслеживать проплывающие суда и сообщать о возможной опасности, но и встречать прибывшие казачьи дружины. Караулы состояли преимущественно из молодых людей под стать их сотнику Черкасу Александрову.

Отряд Брызги также состоял из молодых людей в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, и только двум казакам, десятникам Карчиге и Окулу, перевалило за сорок. Самому Брызге этим летом минуло всего двадцать два года. Хотя Богдан и был ворчлив, за что и прозван Брызгой, его все любили за самоотверженное отношение к любому делу, повышенное чувство товарищества, безрассудную храбрость, аккуратность и хозяйственную жилку. Это был человек, которому всегда и до всего было дело, всюду он совал свой нос, желая навести порядок, и при этом негромко ворчал. Единственной, но чрезмерной слабостью Богдана было любопытство. Но более всего оно проявлялось относительно обожаемого им атамана Ермака Тимофеевича. Он видел в нем необыкновенного человека, великого и загадочного рыцаря справедливости, защитника обездоленных людей любой нации и веры. Кто он? Откуда он? Богдан хотел знать все и часто докучал вопросами Карчиге и Окулу, которые более двадцати лет были близкими боевыми товарищами атамана.

Окул обычно отмахивался от назойливых вопросов и предлагал:

— Давай-ка, чем болтать, сыграем в кости.

А Карчига своим обычным голосом с хрипотцой полунасмешливо спрашивал:

— Не собираешься ли ты, сынок, написать о святости жития атамана разбойников?

— Не разбойник он! — гневно восклицал Богдан. — Разбойники для себя грабят, а он все бедным раздает!

— Что верно — то верно, — согласился как-то Окул и посоветовал: — Ты монаха Савву расспроси. Тот что-нибудь да знает, и расскажет складно, словно по писанному. А мы с Карчигой не умеем. Наше дело саблей махать да кашу варить.

Этот совет Брызга хорошо запомнил и решил сберечь для удобного случая.

Первым прибыл на Самару к Ермаку атаман Матвей Мещеряк. Он привел двести пятьдесят казаков, ни один из которых не

был старше своего предводителя. Несмотря на свои тридцать три года, Мещеряк производил впечатление бывалого вояки, был подвижен, но при этом по-кошачьему бесшумен, имел острый взгляд, будто насквозь пронизывающий собеседника. Атаманы встретились не впервые, их пути часто пересекались на волжских и донских просторах, и поэтому каждый из них в достойной мере знал отличительные свойства другого. Трудно было представить, что отважный, но не безрассудный Матвей Мещеряк вздумает тягаться в первенстве с Ермаком Тимофеевичем, слава о котором, как о мудром и талантливом полководце, давно уже укрепилась в умах всей казачьей вольницы. Не однажды под его знамя собирались разрозненные отряды казаков, чтобы изгонять из своих владений южных окраин крымские и ногайские орды, чтобы не допустить их к Астрахани, потеря которой означала бы потерю всего междуречья для гулящих людей. Признавая, без каких-либо признаков ущемленного самолюбия, старейшинство Ермака, Мещеряк сразу же, пожимая руку, заявил, что полностью отдается под его власть, готов подчиняться любому приказу и выполнять со своими дружинниками любую работу.

— Забота теперь у нас одна, — ответил ему Ермак, — встретить зиму в тепле и не в голоде, но и хорошая разведка нужна. Что скажешь на это?

— В точку попал, — удовлетворенно заметил Мещеряк. — Разбираешься ты в людях, атаман!

— В нашем положении чему не научишься? — усмехнулся Ермак. — Кольцо сказал тебе, как государь обложить нас задумал?

— Все в подробности.

— Тогда не мне тебя учить, чем разведка должна заняться.

— Дело ясное. Отберу сорок казаков, а остальные пусть роют землянки и промыслом зверя и рыбы занимаются. Еще хочу сказать, что встречался с Грозою Ивановичем и Яковом Михайловым, они скоро здесь будут. Пока они внизу, дозор пошлю на Казань и вверх по Самаре, а там видно будет.

Казалось, все нужное было сказано, но Мещеряк не уходил, хмурия брови. Ермак заметил это и спросил:

— Что за дума тебя мучает? В чем-то сомневаешься?

— Не то чтобы сомнение, а беспокойство есть от мыслей о Грозе Ивановиче. Знаю, например, что Яков Михайлов, подобно мне, сразу твое старшинство признает. Потому прошу — сделай то, что ему любо. Терпит он струги и ходит на них из нужды. Ему бы только в пешем бою рубиться, а не с ладьи стрелять. Так ты поручи ему в зиму лыжные походы, а кони появятся — то и на конях. Это он любит. А с Грозою Иванычем — не знаю как и быть. Очень самолюбив. Силу богатырскую имеет, грамоту знает — вот и дума-

ет, что он выше всех. А умом-то не шибко богат. Может быть, захочет соперничать с тобою. Любит хвастать, что одно имя его бросает в ужас купцов и ногайские улусы. К тому же, из-за мелочи вспылить может. Хочу совет тебе дать ради сохранения общего миролюбия. Как только он появится, сразу собери круг из атаманов, сотников, десятников и бывалых казаков, чтобы мы твое старшинство утвердили. А его, советую, сделай первым помощником. Тогда он покорится.

Ермак улыбнулся и успокоил:

— Не волнуйся, Матвей. Не будет Гроза Иванович козни строить. Однажды мы подружались, померявшись силой.

— Значит, ты пересилил его! — обрадовался Мещеряк. — Он ведь верховодство только по силе признает.

— Не совсем так. Он не только в самолюбии уязвим, но и душевную доброту имеет. А чтобы стать ему моим сверстником — я согласен. И советы твои учту здравые, ибо сила наша не в распрах, а в братском единстве.

— Ну, добре, — удовлетворенно сказал Мещеряк и ушел готовить разведку.

Через две недели он привез первые сведения, полученные от чуваша и посла пермских купцов Строгановых. Чуваш плыл в Каму на узкой долбленной ладье, а посланец купцов направлялся в низовья Волги на струге, в сопровождении двадцати служилых казаков. Чуваш рассказал, что в Казань пришло с Руси царское войско, что луговые черемисы и чуваша покорились и заняты сбором урожая зерна, а левобережные ушли в леса, ближе к горам, и оттуда ведут ожесточенную войну. Их бунт вызван непомерными поборами со стороны казанской власти. А посланник купцов Строгановых сказал, что идет на поиски опальных волжских казаков, чтобы пригласить их на службу для защиты вотчины в Пермской земле от набегов башкирцев, вогулов, остяков и черемисы, которые на реках Каме, Чусовой и Сылве разоряют деревни и соляные промыслы, угоняя в плен крестьян и работников. У этих купцов на десятки верст распаханы земли, имеется в достатке хлеб, крупы и толокно, не говоря о соли, которая добывается в двадцати семи варницах. Есть у них и рудный промысел, изготавливаются пицали и пушки, добывается селитра для пороха. Строгановы знают о посылке против казаков царского войска и поэтому готовы принять их, соблюдая тайну. Если будет обоюдная заинтересованность в сделке, то и бояться нечего. Казаки переждут в вотчине лихолетье и честною службою заслужат помилование царя, о чем будут бить ему челом.

— А как ты объяснил свое появление на Каме? — спросил Ермак.

— Я сказал, что ходил по делу на Казань, да дело не вышло, что там царская рать и пришлось уносить ноги. Он и поверил.

— Что дальше?

— Всю ночь сидели у костра под защитой леса. Я сказал, что нет смысла тратить им время и продолжать спускаться по Волге. Мы, мол, возвращаемся и известим всех атаманов о приглашении на службу. Посланник с охотою согласился.

— Очень хорошо.

— Еще удалось переговорить со служилыми, отойдя в лес.

— И что говорят казаки? Не заманивают ли купцы в ловушку?

— Этого нет. Им и вправду туземцы доставляют много хлопот. Но это все от жадности купцов. Обложили все окрестные племена непомерным ясаком по мягкой рухляди. Не так в казну государеву сдают, как сами богатеют. А тут еще Сибирский царь Кучум отказался быть данником Руси и всем племенам запрет дал по ясаку. Вот они по научению Кучума и жгут купцов. Только не воистые эти туземцы. Нападают на деревни, которые без защиты, а острогов боятся. Казаки говорят, что эти племена не только мехами богаты, но и серебром, и златом. Бухарские купцы везут им кубки и чаши золотые, и материи всякие в обмен на соболя и лисицу. Вот где можно было бы пошарпать, атаман!

— Соблазн велик, Матвей! Ты эти сведения при себе держи до времени. Дождемся, когда мое посольство из Москвы вернется, тогда и думать будем.

На следующий день прибыли одновременно отряды Якова Михайлова и Грозы Ивановича, которые сразу включились в общую работу. Об Иване Кольцо пока ничего не было слышно.

Атаманы собрали круг и на нем выбрали своим старейшиной Ермака Тимофеевича.

Глава 3

АНГЕЛ ТЬМЫ

7087 год от сотворения мира.

25 сентября 1578 года.

Государь Иван Васильевич был в прекрасном расположении духа от ливонских завоеваний. Чувствуя себя утружденным и усталым, он не захотел возвращаться в Москву с поля брани, а решил уединиться в Слободе Александровской.

Впервые в жизни возглавив военный поход по своему желанию и добившись в два месяца блестящих успехов, он был горд собою и умилялся воспоминаниями о подвигах тиранства. А ведь в самом начале все было очень скверно...

Решившись в ноябре 1576 года отобрать у Швеции и Польши владения в Ливонской земле, Иван Васильевич уже в январе 1577 года безрассудно послал из Новгорода на Ревель передовой пятидесятитысячный отряд. Он рассчитывал, что шведский король, изменивший вере и потерявший под каблуком жены любовь народа, не сможет дать значительного отпора. Этим легкомыслием Иван Васильевич обрек россиян на гибель от мужества осажденных, от невероятного холода и болезней, от измены мурзы Булата, сбежавшего в крепость противника. Ушли из стана и донские казаки в родные степи.

Король шведский, желая предотвратить войну, писал российскому государю, что продает Ревель немецкому императору и что царь может требовать его от наследника Максимилианова. Напрасно граждане Ревеля ждали помощи морем из Швеции и Финляндии. Убийственные ветры и метели возвращали назад корабли с продовольствием и воинами. Казалось, что Божья кара обрушилась на обе стороны, дабы вразумить государей. Море Балтийское гоня-

ло волнами осколки разбитых кораблей, а берега и зимние дороги были усеяны трупами.

Но Ревель стоял непреклонно под начальством мужественного шведского генерала Горна — и никакие попытки взять город не имели успеха. В расчете на легкую победу российское войско было сформировано наспех, оно почти наполовину состояло из татарских полков, которые были заинтересованы только в грабежах и наживе. На поводе у татар оказался и юный князь Федор Мстиславский, освободивший их конницу от осады Ревеля и позволивший им уйти для опустошения Финской земли, несмотря на мирный договор с Финляндией. В то же время старший полководец Иван Васильевич Шереметьев был убит пушечным ядром.

Штурм крепости закончился тем, что после шестинедельной осады россияне сожгли свой стан, наполненный одеревеневшими трупами, и вернулись в Новгород.

Вслед за тем по российским владениям в Ливонии загуляла месть. Шведы, немцы и эстонские крестьяне стали громить русские гарнизоны. Сын ревельского монетчика Шенкенберг, возглавив толпы вооруженных земледельцев, захватил Виттенштейн и ряд других городов, в которых злодейски мучил и убивал русских пленников.

Узнав о таком разорении, царь Иван Васильевич решился сам пойти на Ливонию. Однако будучи человеком малодушным и трусливым, он сначала в Новгороде, а затем во Пскове, в течение двух месяцев собрал все ратные силы своего обширного царства, надеясь не столько на их надежные воинские качества, сколько на устрашающее количество. Из всех земель и городов, от южных границ до северных, с берегов всех морей, омывающих русские владения, по призыву великого самодержца сходились христиане и иноверцы, ногаи и татары, черкесы и зыряне, и другие народы и племена. Собралось трехсоттысячное войско — какого еще не видала Россия. Но под рукою царя начальствовал не заслуженный русский воевода, а бывший касимовский царь Саин-Булат. Только отдельными русскими полками предводительствовали князья: Иван Шуйский, Василий Сицкий, Федор Мстиславский, Шейдяков и боярин Никита Романович Захарьин, шурина царя.

Все думали, что Иван Васильевич ринется со всей сокрушительной силою на непокорившийся Ревель, дабы смыть недавний позор. Но этого не произошло. Зачем было идти опасной дорогой и рисковать своей репутацией, если есть более легкий путь? Неожиданно для всех он впал в предательство к дружественной Польше, с которой имелся мирный договор. Не успели поляки опомниться, как царь Иван, подобно ангелу тьмы, пронесся над

безмятежной землею, взяв без всякого сопротивления несколько городов.

Пока все сходило ему с рук. В зависимости от настроения он казнил или миловал поверженных, находя в этом подтверждение своего божественного предназначения, чувствуя себя Божьим помазанником, властелином судеб не только холопей, но и целых государств.

Одно только трагическое событие повергло Ивана Васильевича в величайшее уныние: при осаде Виттенштейна, захваченного ранее ревелским монетчиком, погиб его любимый подручный по кровавым злодеяниям Малюта Скуратов. Но смерть царского палача с лихвою была отомщена — все пленные немцы и шведы были заживо сожжены, а женщин и девиц он велел татарам насиловать прямо на улицах и после этого убивать. Весь город был загроможден трупами.

В результате похода царский обоз был переполнен золотом и серебром, драгоценными камнями и украшениями, дворцовой утварью и другим награбленным добром.

Вернувшись в Слободу, царь призвал к себе только своих советников и любимцев, в том числе Никиту Романовича Захарьина, Бориса Годунова и Богдана Бельского, которого наградил золотой цепью за взятие без боя Вольмара. Этот город считался одною из важнейших крепостей, и поэтому именно там, торжествуя победу, Иван Васильевич дал великолепный пир российским воеводам и освобожденным знатным литовцам. Он считал, что этого вполне достаточно и нет необходимости делать ущерб казне устройством праздника в Москве.

Пребывая под влиянием своих успехов на западе, Иван Васильевич не спешил думать о южных и восточных рубежах, как, впрочем, и на протяжении всех двадцати лет ливонской войны. Остановившись в свое время на полпути разгрома крымского ханства, он стал единственным виновником многих бед, свалившихся на россиян от последующих нашествий татарских орд. Теперь же, выставив по Оке сторожевые полки и послав рать против мятежной черемисы, он был настроен на длительное заигрывание с крымским и ногайским властелинами, отдавая им на растерзание людей российских окраин.

Когда летом 1576 года крымский хан Давлет-Гирей, желая напомнить о себе Руси, явился с пятьюдесятью тысячами всадников к берегам Оки, то воевода Михайло Воротынский дал ему достойный отпор, чем заслужил благодарность народную и зависть государю.

Нынешним летом Давлет-Гирей умер, а его приемник Магмет-Гирей, выказывая дружелюбие к русскому государю, напал на Лит-

ву и разорил ее. После этого он решил снарядить посольство в Москву для подписания мирного договора.

Иван Васильевич, не видя угроз ни с одной стороны света, решил в тишине Александровской Слободы составить свое счастье новой женитьбой и, походя, расправиться с живыми остатками бывших друзей Адашева, к которым относился и доблестный воевода, шестидесятилетний князь Михайло Воротынский.

Но прежде, чем начались казни и состоялась женитьба, сразу же после приезда царя в Слободу, произошло событие, повлиявшее на судьбу всего волжского казачества.

В этот день, по стечению обстоятельств, к Ивану Васильевичу прибыли одновременно послы от Магмет-Гирея и ногайского мурзы Уруса. А посланец Ермака Тимофеевича уже две недели дожидался приезда государя и добивался разрешения предстать пред его очами.

Магмет-Гирей предлагал царю Ивану свою дружбу в обмен на Астрахань, обещая также отдать Литву и Польшу, и просил убрать казаков с Днепра и Дона.

На это Иван Васильевич ответил:

— Не можно мне отдать Астрахань, где оружие и вера навеки утвердили ее за Россией. Там уже живут коренные христиане и воздвигнуты храмы Бога христианского. А свести казаков я никак не могу, так как мне они не подвластны. Днепровские служат новому королю Баторию, а донские — это беглые российские и литовские, коих велено казнить, где явятся в наших пределах.

Тут Иван Васильевич вспомнил, что ему докладывали о посольстве сибирского царя Кучума к крымцам, и он спросил:

— А чего домогался от вас сибирский хан, данник мой?

— Пушки просил и зелье, чтобы воевать твои пермские земли и Казань.

— А что ответил твой владыка этому низкородному киргизу?

— Из дружбы к тебе — отказал ему в помощи. Но и передумать может.

Не ответив положительно ни на один вопрос, Иван Васильевич, между тем, распорядился послать крымскому хану богатые дары. Затем он сказал, чтобы допустили к нему посланника Уруса.

— А ты с чем пожаловал? — грозно спросил Иван Васильевич. — Слышал я, что чините вы для Руси всякие неудобства, подбиваете к бунту черемису и чувашей.

— Врут тебе, великий государь! Врут! Оттого я и с жалобой явился.

— На что же жалуется твой мурза?

— На казаков, великий государь! От них вся смута по Волге идет. Объявился там разбойный атаман, Ярмаком кличут. Собрал

он войско несметное и громит улусы Урусовы. Угнал этим летом шестьдесят коней, да конницу нашу побил и тех коней тоже себе взял. Просит Урус, чтобы выдал ты ему Ярмака.

— Как же я выдам, коли он не в моих руках?

Богдан Бельский, который стоял рядом с креслом государя, наклонился и негромко сказал:

— Тут как раз от этого Ермака казак дожидается твоего приема.

— Ну-ка, веди его сюда!

Бельский вышел и привел Никиту Благого.

Иван Васильевич долго рассматривал, как вошедший иступленно отбивает земные поклоны, и недоверчиво спросил:

— Да казак ли ты? Более на Божьего человека похож, нежели на разбойника.

— Казак! Казак! — Никитка радостно закивал головой.

— Ну, если и вправду казак, то говори — зачем отнимаешь у меня время дорогое?

— Пришел я к тебе, милосердный государь, со словом от славного атамана Ермака Тимофеевича, поборника веры нашей христианской и справедливости на земле твоей, во благо царствованию твоему.

— И что же говорит мне атаман твой?

— О, государь! Плачет Русь от неверных, от нехристей. Лют слезы жены над своими кормильцами, посеченными саблями, горят деревни и пашни крестьянские, мрут дети, потеряв родителей, увозят басурманы добро и угоняют русских невольников на чужую сторону. Залита слезами русская земля!

— Врет он! Врет! — воскликнул посланец Уруса.

— Видит Бог — не вру я, государь! Отбили мы полон на берегу нашей Волги-матушки, молили крестьяне о защите от недруга, послали меня бить челом тебе. Благослови, государь, славного атамана Ермака Тимофеевича на защиту от ногаев границ Руси.

— Врет он! — снова воскликнул посланец. — Мой повелитель хочет дружбы с тобою, великий царь, а казаки делают раздоры между нами.

— Помолчи пока, — раздраженно сказал ему Иван Васильевич и вкрадчиво спросил Благого: — Скажи-ка, казак, ты один пришел, горемычный? Может быть, и станичники мыкаются недалеко?

— Один! Один! — замахал руками Никитка. — Степями шел, вдоль речек шел, лесами пробирался, кормился милостью Божьей. Долго шел, милостивый государь, ноги уже не держат, а рад, что могу лицезреть тебя!

— Ну, хорошо... О благословении моем ты узнаешь после. Ступай пока, а я подумаю над твоими словами.

Царь что-то нашептал Бельскому, и тот вышел из дворца вслед за Никиткой Благим.

Прошло не более десяти минут, как Бельский вернулся с ларцом в руках, который поставил у ног государя.

Иван Васильевич криво усмехнулся и сказал:

— А ну-ка, холоп Урусов, открой ларец. Там дар твоему владыке.

Посол приподнял крышку и удовлетворенно осклабился. Из ларца на него смотрели широко открытые, остекленелые глаза Никитки.

Глава 4

ЗИМОВЬЕ

7087 год от сотворения мира.

Октябрь—ноябрь 1578 года.

Веселым взглядом Ермак Тимофеевич окидывал улицу, возникшую на лесном прогале, которая убегала вдаль почти на версту.

Несомненно, что всякому мыкающемуся человеку свойственны мечты или воспоминания детства об уюте и тепле домашнего очага. Не по этой ли причине казачий городок, построенный всего лишь на время, на одну зиму, впечатлял своею добротностью, строгостью линий и чистотой.

Деревья рябины, голые снизу, радовали глаз зонтиками красных ягод, оставленных казаками на верхушках для красоты и привлечения птиц. Между серединными порослями и домами вся трава была скошена и уложена в высокие золотистые стога. На вырубках, под ветвями сохраненных гигантов, видны были поленицы дров, одернованные крыши погребов и лабазы на высоких столбах. При всем этом, особой примечательностью было обилие рубленых бань — по одной на каждые десять землянок-домиков, в каждом из которых помещалось десять человек, включая десятника. Таким образом, каждая казачья сотня имела свою баню.

Кое-где из труб домов и из отверстий куреней вился дымок, и к запахам хвои и свежего сена примешивались аппетитные ароматы вареного мяса и рыбы. Это сотенные повара готовили похлебки к возвращению людей с работы и караульной службы.

Все указывало на благополучие и достаток, на способность повольников быстро перейти к оседлой жизни. В то же время дух временности и обреченности словно пронизывал воздух. Отсутствие женщин и детских голосов привносило отпечаток суровости и постоянно напоминало, что это всего лишь военный лагерь.

В хлопотах по подготовке к зиме незаметно пролетели дни сентября и октября. Наступившие ноябрьские холода грозились в любой час сковать ледяным панцирем озера и реки. Из небес доносились прощальные крики гусиных стай, а на смену улетевшим голубям, скворцам, синицам и ласточкам-береговушкам уже прилетели вездесущие снегири.

Неумолимо надвигалась зима, а об Иване Кольцо и посольстве в Москву пока не было никаких известий.

С окончанием строительных работ сотни казаков отправились на болота собирать клюкву. Ермак знал, что цинга может наносить не меньший урон, чем пули и стрелы. Поэтому сохранение здоровья дружинников считал своей первой обязанностью. Он всегда принимал меры против страшных эпидемий, которые опустошали целые деревни и города. При появлении новых людей он приказывал им держаться обособленно, пока не убеждался, что они не несут заразы. Он всегда следил за тем, чтобы казаки регулярно мылись, а тех, кто нарушал это правило, подвергал суровому наказанию. Таких насильно мыли и на три дня сажали на цепь. Так же поступали с теми, кто был замечен в разврате. Ему нужно было здоровое, боеспособное войско.

К середине ноября все струги были уже на берегу, на высокой площадке, недоступной для весеннего ледохода и паводка. На плаву оставались пока только два разведывательных судна. Караулы добирались теперь пешком до устья Самары, прорубив проходы в кустарниках вдоль обрывистых берегов. Пользуясь тайной тропой, по которой должен прибыть Кольцо, разведчики делали вылазки вниз по Волге. В один из таких дней они встретили станицу из Москвы.

Пока казаки добирались до зимовья, короткий день сменился ночью. Загнанные кони, с кровоточащими ранами на ногах, спотыкались о каждую ветку и кочку, а седоки напрягали все силы, чтобы не выпасть из седел. Двадцать дней дальнего пути по бездорожью вконец изнурили людей и лошадей.

По прибытии Гаврилы Иванова Мещеряк и Черкас сопроводили его к Ермаку. Гаврила был мрачен, лицо его осунулось, но бороду он успел расчесать и старался сохранять бравую осанку. Однако, встретив ожидающий взгляд атамана, нахмурил лохматые белесые брови и опустил голову.

— Что, плохо? — спросил Ермак.

— Хуже не бывает, — вздохнув, сказал Гаврила, — не уберег я Никитку.

Все смотрели на него с жалостью, и видели, что этот гигант еле держится на ногах. Тело его слегка покачивалось из стороны в сторону.

— Садись на лавку, — сочувственно произнес Ермак.

Гаврила последовал приглашению, присел на край скамьи, помолчал с минуту, собираясь с мыслями, и затем приступил к обстоятельному докладу:

— Доскакали мы до Москвы справно, коней не загоняли, думая об обратной дороге, но и не теряли время попусту. Подойдя к месту, вся станица затаилась в балке, а десятник Матюша, по моей посылке, пеше дошел до Кремля. Там на площади много люду собралось, ликующего от победы над Ливонией. Все ждали прибытия государя царя, готовились к торжеству. Но царь не объявился... Пять дней ходил Матюша без проку. А потом приказной дьяк объявил народу, что государь в изнеможении от ратных подвигов ушел напрямиком на отдых в Слободу и празднество отменил. Вот выпала неудача! Но что поделаешь? Освободили мы нутро свое от досады матерною бранью и отправились вслед за царем. Уж коли одолели тысячу пятьсот верст, то напоследок и восемьдесят не помеха — всего день пути. Думали так, да не так вышло. Не знали мы загодя, что за три версты перед Слободой оберегает дорогу царская стража из стрельцов. Так бы и столкнулись с нею, если бы я не додумался послать вперед разведку. Дорога ведь боярская да княжеская. Словом, пришлось нам с той дороги съехать и сквозь лесную чащобу стороной пробираться. По везению сельцо попало на подходе. Там мы одежонку старую прикупили, чтобы среди черного люда не выделяться, когда надобность будет. Еще встретили монахов... И, да простит нас Бог, позаимствовали у них ризы длиннополые, под коими удобно сабельки укрыть. В версте от Слободы выбрали мы место надежное, сменили обличье, пристроили коней под присмотром, и отбыли ко дворцу. Одного Никитку оставили при своем наряде. Мы среди нищих и богомольцев схоронились, а он сразу пошел заявить о себе. Какой-то боярин записал все о нем и сказал, чтобы дожидался недалеко. Мол, позовут, когда царю угодно будет, когда от дел освободится. А какие там дела важные, если на всю округу слышать, что во дворце пир на весь мир и русалочки игрища. На площади перед дворцом собрались и посадские, и хлебопашцы с соседних деревень и хуторов, и странники, и убогие. Кого только не было! Им, по цареву велению, то бочку с медом выкатывали, то медведя выпускали на потеху, чтобы задрал одного-другого. Царь в тот миг из окошка любопытствовал, глазел, как все разбегаются. Люди говорили, что это любимое развлечение у государя. А еще говорили, что любит он, шутки ради, кому-нибудь из бояр ухо отрезать...

Так девять дней мы промаялись, ожидаючи. А на десятый — вдруг вышла стража и отогнала народ в сторонку. Глядим — а по дороге скачут послы татарские. По обличью, мы враз догадались, —

одни из Крыма, а другие из Ногайской Орды — враги нашего волжского казачества. У меня сразу сердце защемило от недоброго знака. Эх, думаю, ранее нам бы встретиться на дороге лесной...

Татары, меж тем, на площадь въехали, а там стрельцы сплошным тыном стоят, к дворцу не пускают. Вышел к ним кто-то из подручников царя, отобрал саблю у крымского посла и велел пропустить. Через час вышел он с красной рожей, злющий, плюнул на крыльцо и, видать, выругался на своем языке. Тут же впустили гаденыша ногайского. Совсем мало времени прошло — выходит боярин, что запись вел, и выкрикивает нашего Никитку. У меня совсем сердце упало. Шепчу я своим ребятам, чтобы наизготовке были.

— Ты что — бой собирался устроить у дворца? — удивился Ермак.

— Устроил бы, если бы Никитку под стражей вывели. Только выходит он один, невредимый и веселый. Обрадовались мы, что дело вроде сладилось, и ждем — когда он подойдет. Но тут выбегает за ним вслед молодой боярин, догнал его и руку на плечо положил. Ну, думаю, дело лучше, чем можно было ожидать, раз боярин к нему с такою лаской. Прошли они рядом совсем малость, и боярин что-то обронил. Никитка, видать, решил услужить, нагнулся, чтобы поднять ту штуку. Вот тут-то все и случилось, чего мы не могли додумать. Боярин вдруг выхватил саблю и одним махом отсек Никитке голову. Мы и ахнуть не успели. А тот злодей взял за волосы голову и унес во дворец.

Ермак слушал, до боли сжав огромные кулаки. Его светлые зрачки потемнели. Почти не разжимая жестких губ, он тихо сказал:

— Знаю, Гаврила Иванович, что ты не остался в долгу...

— Не остался... Сжала сердце жалость и обида. Решил я обо всем дознаться.

— Дознался?

— А как же! Вышел из дворца ногайский посол с ларцом в руках. Рожа довольная, улыбка злорадная — я и смекнул сразу, что за ноша у него. В ответ на наши хлопоты государь царь мурзе Урусу подарок посылает. И тогда надумал я свой порядок соблюсти, угодный Богу. Сначала ж выкрали тело безголовое, а потом взялись за то, чтобы отобрать ларец у татар. Выследили их на обратном пути, устроили засаду и всех перебили, кроме одного, да и самого посла живьем взяли. Учинили ему допрос и выведали о беседе во дворце. Никитка, как было условлено, сказывал царю о разорениях от ногаев, о страданиях людских, и просил для тебя грамоту по бережению Руси. Царь будто бы согласился — и потому Никитка вышел веселым, не догадываясь о злохитростном коварстве...

Отсек я голову богопротивному послу и сунул ее в тот ларец, вместо Никиткиной, а татарину, которого в живых оставил, наказал

отвезти Урусу подарок казацкий, взамен царского. После того нашли деревню с церковью и по-христиански, с отпеванием, погребли павшего за правду товарища в собранном виде.

Закончив печальное повествование, Гаврила обвел взглядом своих старших начальников и застыл в ожидании суда.

— Ты все сделал правильно, Гаврила Иванович, — сказал Ермак, — благодарствую, что отстоял честь казацкую и свершил справедливость. Коварен государь Руси — и потому у нас с ним разные дороги.

— И мой поклон тебе, Ермак Тимофеевич, за добрые слова, в утешение сказанные. Все равно я казню себя. Эх... Пойду к братьям своим.

— Ступай. Отдыхайте три дня, а потом и делом займетесь. Помойтесь в бане с дороги, попейте смородинового меду.

Когда Гаврила ушел, Ермак сказал:

— Теперь, други, еще крепче думать надо — куда весною идти.

Через два дня разведчики Мещеряка, на той же тропе, встретили передовой конный отряд Ивана Кольцо из тридцати казаков, возглавляемый Василием Красным. Красный тут же отослал группу из пяти всадников к своему атаману, чтобы предупредить о состоявшейся встрече, а с остальными казаками отправился в лагерь на Самару.

Разговор с Ермаком состоялся сразу же по прибытии.

Несмотря на легкий морозец, день был солнечным и приятным для беседы на свежем воздухе. На такие случаи перед землянкой атамана стояло десятков колод, заменяющих лавки. На них-то и уселись собеседники.

Окинув взглядом улицу, Василий Красный сказал:

— Красивый город. Пожить бы в таком семьею...

— У тебя где-то семья есть? — участливо спросил Ермак.

— Была... Пять лет уже как чума их прибрала, жену да двух детишек.

— У многих так... А у кого есть родные, те по осени навещают их с деньгами. Я им не препятствую.

— Слышал я о тебе, атаман. Многим казакам ты в устройстве семейном помог. Богу они молятся, желая долгого здравия тебе.

— Я тоже им здравия желаю... Однако давай о деле поговорим. Как с ногами управились?

— Ладно управились. Более тысячи коней от них угнали. Наш караван версты на две тянется. Вижу, что сена много заготовлено. Только хватит ли?

— Не печалься — хватит. Найдем куда лишних коней девать. Хлеб везете?

— Хлеба мало, ячменя в достатке. Еще овец везем живьем, привязав к хребтам лошадей.

Ермак рассмеялся.

— Узнаю Кольцо — горазд на выдумки. А казаки пеше идут?

— Большинство ведут коней за узду. На них ведь еще сумы переметные. Сподручнее, конечно, было бы на стругах, но на всех перевозах уже стрельцы объявились. Пришлось попрятать струги до весны. Вот и шли, придерживаясь леса и гор, чтобы караулы не приметили.

— Воеводская разведка не выследила вас?

— Не думаю. Атаманы конные разъезды для охраны держали и следили, чтобы побегов не было. Только двое как-то побежали, но их догнали и казнили, в науку для других слабодушных. Теперь караван уже близко, в двух днях пути. За Кольцо, со своими людьми, пошли Никита Пан, Савва Болдыря и Богдан Барабоша, да еще несколько малых ватаг, которые, прослышав о царских карателях, упросились на Самару. Есть и вызволенные из плена, черемисы да башкирцы с чувашами, да наши русские.

— Ну, добре... Я, как обещал, куреня вам построил. Ты походи, посмотри — все ли ладно? А к приходу людей бани истопи. Другие атаманы, когда придут, будут сами для себя строить жильё.

Оставшись наедине, Ермак погрузился в размышления. Прикинув в уме, что на зимовье соберется не менее трех тысяч человек, привыкших к разным правилам в своих товариществах, нелегко будет ему принудить всех к единым законам для соблюдения порядка. Для начала следует убедить атаманов, чтобы отобрали у повольников всю брагу и установили норму и условия выдачи, иначе не избежать буянства. А об остальном можно порешить и после.

Подозвав казака, который рубил дрова у поленницы, Ермак послал его за Мещеряком, помогающим размещению прибывших людей в конце городка.

— Разговор есть, Матвей, — сказал Ермак, когда Мещеряк пришел.

Тот уселся на колоду и лихо сдвинул баранью шапку на затылок, давая понять, что готов слушать.

— Хочу услышать твой совет, друже, как удержать в узде такое скопище, которое завтра соберется. Здесь дятел застучит — за версту слышно. Без шума, конечно, не обойтись, но надо, чтобы он по надобности был только. Воевода, если не дурак, разъезды пошлет во все стороны, как станет мороз наводить мосты на реки, озера да болота. Нам тоже, в ту пору, не помешало бы встречные разъезды послать. Как думаешь?

— Думаю, что надобно.

— Порешили... Теперь другое — как оградить себя от побегов повольников? Если какого беглеца половят ратники, то считай, что наше зимовье выдано. Еще хуже, если в ватагах, среди новых лю-

дей, есть воеводские лазутчики. Такие сразу к Мурашкину побегут. Может быть, закрыть все пути и тропы разъездами? Благо — коней будет в достатке. А кого поймаем — накажем смертью...

— Полностью с тобою согласен, — сказал Мещеряк, — и предлагаю каждого из новых людей допросить. Накажи мне, Михайлову, Черкасу и монаху составить списки и провести беседы. Тех, кто попадет под подозрение, будем пасти, чтобы на виду были. Если кто-то вздумает побежать, то мешать не будем, а устроим засаду. В крайности догоним. Зимой трудно от погони укрыться.

— Умно! Так и действуй. Только не думай, Матвей, что я Мурашкина забоялся. Если он вздумает напасть, так мы его быстро побьем. Ты и сам в этом уверен. Просто мне не хочется людей под пушки подставлять и вести ненужную войну. На наш век и татар хватит...

— Верно! А скажи — атаманов соберешь на совет, когда появятся?

— Это у меня впереди всех дел. Хочу знать — у кого какая думка на лето и кто из них к нам примкнет. От этого зависит — сколько стругов загодя делать, сколько еды готовить в запас. Кольцо обещал за постройку куреней припасы для нас привезти. Их надо будет переписать, сложить с нашими остатками и подвести итог. Тогда будем знать, как проживем до весны и что еще надобно добывать. Этот список сделает Савва, он всем учетом ведает. А для всех на зимовье, чтобы порядок был, я установлю нужные законы.

Как пообещал Василий Красный, на третий день городок наводнили люди, кони и блеющие овцы. Сразу возникло множество неудобств. Построенного впрок жилья едва хватило на триста человек, и пришлось временно потеснить казаков, обжившихся в своих землянках. Вновь застучали сотни топоров, застонал лес, заухали, падая, красавицы ели. Через две недели городок удлинился еще на полверсты.

Иван Кольцо, получив от Ермака готовое жилье, все усилия направил на сооружение укрытий для лошадей и овец. Это оказалось непростым делом, и сразу стало ясно, что весь табун не укрыть, не оберечь от зимних трескучих морозов, которые уже начали напоминать о себе. Ермак предложил сделать, не откладывая, выбраковку животных и произвести заготовку мяса, а остальных распределить между атаманами, чтобы каждый проявил заботу о своем табуне.

— Сколько хочешь коней получить ты? — спросил Кольцо у Ермака.

— Верни мне мою сотню и дай еще голов сто пятьдесят. Это я прошу не только для себя, а для Мещеряка, Михайлова и Грозы Ивановича, которые не участвовали в добыче и перегоне коней.

— Согласен. Забирай свою долю, — сказал Кольцо.

Получив также несколько десятков овец, четыреста пудов овса и десять пудов соли, Ермак проследил, чтобы была обеспечена сохранность добра, и после этого не спеша прошелся вдоль всего городка. Он вглядывался в лица повольников, занимающихся разными хозяйственными делами, вслушивался в голоса и звуки, доносящиеся из землянок, морщился, увидев груды неубранного мусора, и, наконец, замер возле одного из куреней. Судя по шуму, там происходила потасовка. Не успел он сделать и шага в направлении входа, как оттуда выскочили двое верзил в разорванных рубахах и, вцепившись друг в друга, стали кататься по земле. Ничуть не растерявшись, Ермак спокойно подошел к дерущимся, поймал их лохматые чубы, приподнял головы на уровень своих плеч и с силою стукнул лбами.

На какое-то время драчуны потеряли сознание и безжизненно распластались у ног силача. Вокруг уже, плотным кольцом, стояли сбежавшиеся зрители. Прискакал с казаками и Мещеряк, который не выпускал из виду атамана во время его прогулки.

Холодная, покрытая коркой льда постель возымела свое действие — верзилы очухались и с видимым усилием стали на ноги. Один из них, осознав случившееся, вызывающе глядя в глаза Ермака, сказал:

— Какого черта ты влез не в свое дело? Ты нам не указ. Нам указ — наш атаман Барабоша.

— Я старший атаман на зимовье, и мой указ одинаков для всех атаманов и казаков, — невозмутимо ответил Ермак и отдал приказ Мещеряку: — Посади этих удальцов на цепь, на три дня, пусть одумаются. Потом позови ко мне всех атаманов на совет. Еще загляни в этот курень — много ли там браги и мусора?

Через час атаманы собрались у Ермака. Все уже знали о происшедшем событии.

Барабоша ерзал по лавке и недовольно хмурил брови. Все поглядывали на него с ухмылкой.

— Нечего скалить зубы, — огрызнулся он. — Или у вас не пускают в ход кулаки? Я и сам могу со своими разобраться без помощников.

— Ты не ерепенься, Богдан, — осадил его Ермак. — Твои буяны сами мне под руку подкатили.

Кольцо не удержался, чтобы не расхохотаться.

— Открой тайну, Ермак Тимофеевич, — сказал он, смахивая слезу со щеки, — чем тебя родители в детстве кормили? Это надо же — каждую рукою, в один раз, поднять с земли таких лошаков! Хорошо хоть, что лбы им не расколот как орехи. Пожалел небось?

— Угомонись, Иван. Не только у Богдана буянят, не только у него в куренях браги обильно, нечистоты и вонь, но и у других есть.

Если так и далее пойдет, то не избежать нам заразы. Вы уж, братцы атаманы, научите своих казаков законы блюсти. Какой мне резон без нужды вступать в ваши дела? Однако всю брагу отберите и давайте в меру тем, у кого в доме чисто и сами они в бане помылись. А для несогласных — есть плети и цепь. С новых повольников поскорее клятву примите с целованием сабли. Не распри и бражничество должны заботить казаков, а думы и дела по бережению всего товарищества. Пусть потерпят до весны, когда все разбежимся. Тогда будете по своим правилам жить.

— Ты только для этого нас позвал, чтобы уму-разуму научить? — спросил Кольцо. — Или, может быть, важнее дело есть?

— Это тоже важное дело, но есть и другое... Давайте, други, выскажем свои помыслы на будущее лето. Не случайно затаились мы в дебрях до весны, и не кончается на этом лихолетье. Какие выберет дороги каждый из нас? От того зависит, с какою пользою проведем зиму, вместо отлеживания на лавках. Скажу прежде о том, что сам думаю. По Волге гулять — Мурашкин нас поджидает с пушками. Не хочу зря людей губить. Если на Дон пробиться с боем или хитростью, то все равно удачи не ждать, так как под крымскую Орду попадем. Полки-то русские на Оку ушли. К тому же воеводы станут понуждать нас отдаться в наем к царю. А кто этого желает, кроме донцов? Если же снова на Яик идти — путь далек, а добыча мала. В голод попадем, без хлеба будем, ибо на Астрахань путь закрыт. Поэтому, братцы, самый лучший путь — это вверх по Каме, куда Мурашкин по своей воле не сунется. Ему хватит низа Волги и Казани, чтобы гулебщиков вешать и черемису в узде держать. А там, куда я вас зову, между Камою и Каменным Поясом, места вовсе глухие, неизведанные. Имея в том крае надежное укрытие, можно вылазки делать за Камень, шарпать татар и союзные с ними племена. Говорят, что у них не только мягкая рухлядь есть, но и серебро, и золото, и каменя драгоценные. Той стороною, из степей киргизских, хаживают бухарские купцы и много добра возят. Там для Руси — чужая окраина, и ни царь, ни черт — не помеха. Там сами царями будем.

Иван Кольцо и тут не удержался, чтобы не рассмеяться.

— Ну, друже! — воскликнул он. — Умеешь ты убеждать! Так и подмывает сорваться с места и броситься вслед за тобой, закрыв глаза. Только сидит во мне бес и подсказывает: «Рискни, Ваня, еще разок ногаев потрепать». Не все еще долги взысканы с них. Да и струги добрые там оставлены, и кони есть. Почему бы не погулять по улусам, вдали от царских караулов? Нет такого ума у Мурашкина, чтобы меня изловить. И зимовье это еще пригодится. А когда вдруг обложат меня со всех сторон, тогда и побегу к тебе.

— А я не побегу, — сказал Богдан Барабоша, не скрывая самолюбия. — Тягостна мне любая власть надо мною — что царская, что твоя. Извиняй... И холода я не выношу. Любо мне поближе к морю. К тому же у меня сговор с Митькой Бритоусовым, Матюшей Мещеряком и Ермаком Петровым. Они на Яике будут дожидаться моего прихода для совместного промысла.

Ермак пожал плечами и предупредил:

— Попомни мое слово, Богдан, — и до Яика доберутся воеводы. У них туда ногаи вожами будут, чтобы изгнать вас.

— А я их не боюсь. Если сунутся, уйдем на время к островам Хвалынского моря, у которых ты персидские бусы ловил. В накладе не будем. Могу скопом с атаманами и стрельцов царских побить, чтобы оружие у них взять.

— Вольному — воля, — сказал Ермак и перевел взгляд на Никиту Пана. Тот в раздумье водил пальцем по узору расцветченной скатерти, свесив набок чуб-оседлец на бритой голове.

— А что ты, Никита, надумал? — услышал он вопрос и, будто нехотя, поднял голову. — В твоих краях, — продолжал Ермак, — крымцы засеку порушили и замучили до смерти Вишневецкого. Не бежать же туда, откуда пришел?

— Вишневецкого мне не жалко. Жалко запорожцев, которых он бросил, чтобы выгоднее продать свою шкуру. Он то из Литвы бежал услужить вашему царю, чтобы получить от него княжество, то обратно в Литву. А казнили его не крымцы, а турки.

— Я тебя не о ясновельможном пане спрашиваю.

— Знаю... Ты, друже, на меня не досадуй: в это лето я с тобою не пойду. Мы уже с Кольцо сговорились.

— Я тоже, ради дела, иду под власть Кольцо, — сказал Савва Болдыря. На Волге, хотя и опасно, но привычно. А на севере — земли неведомые, самоедские. Они мне не по нутру.

— Силком я никого не тяну, — нахмурив брови, отрезал Ермак. — Матвея и Якова я не спрашиваю — они в согласии со мною. Теперь последнее слово Грозы Ивановича.

— Я еще думать буду, — сказал Иван Гроза, потеряв широкий лоб кулаком.

— Думай, думай... Но не продумайся.

Ермак встал из-за стола, прошел в угол, зачерпнул там ковшом воду из тяжелой медной енды, залпом выпил и сказал:

— Не обрадовали меня ваши помыслы, но желаю от сердца — избежать лиха. А кому это зимовье будет потом удобно, то пользуйте. Не будем его жечь.

— Мне оно не удобно, — пренебрежительно проворчал Барабоша. — На Жигулях — куда лучше. Зачем было выбирать лешее место?

— Не хитри, Богдан! Или ты случайно оставил на Яике своих братьев атаманов? Почему не остался с ними? А о Жигулях я думал, прежде чем на Самару свернуть. Только ославили мы их громко в свое время. Весною воеводы могут закрыть выход из Усы в Волгу, да струги потопить или пожечь. Хорошо ли потом лезть через утесы и буераки более ста верст?

— Жигули и впрямь уже не укрытие, — поддержал Кольцо, желая остановить пререкания. Он, как и Барабоша, стремился к первенству, но не хотел выдавать себя, как это сделал Богдан.

— У меня уже в глазах запестрело, — сказал Кольцо. — Пора бы разойтись. Схожу посмотреть по своим куреням — какие есть пакости у моих хлопцев. А потом выпью чарку полугара под баранину. Хорошо бы еще девку — да где ее взять?

Атаманы стали прощаться, наделяя своего велеречивого старейшину крепкими рукопожатиями.

Мещеряк и Михайлов продолжали сидеть за столом, ожидая разговора в своем кругу, а Иван Гроза, подойдя к порогу, нерешительно затоптался на месте.

— Если желаешь, мил друг, то останься, — предложил ему Ермак. — От тебя у нас нет тайн. Послушай наши думки.

Гроза вернулся и занял прежнее место.

Для обсуждения дел решили позвать Черкаса Александрова, Богдана Брызгу, Алексея Галкина и Савву. Когда они пришли, Ермак стал подводить итоги совета атаманов и излагать свои мысли:

— Теперь, верные мои соратники, у нас наберется более тысячи казаков — без трех сотен Грозы Ивановича. Если он вздумает волочиться на юг, то бросит свои пятнадцать стругов, так как Мурашкин их пушками побьет вместе с людьми. А нам они сгодятся, если кто из ватаг и полонников не захотят примкнуть к Кольцо или Барабоше. В другом случае будем строить новые струги. Коней-то Грозе Ивановичу дадим, — его доля пятьдесят голов, — но ему этого мало. А у Кольцо лишних коней не осталось — так что пойдет Гроза Иванович пеше.

Все слушали атамана, сохраняя серьезность и невозмутимость лиц, и только Мещеряк и хитроглазый Савва с трудом сдерживали смех, заметив, как ерзал по лавке широкогрудый Гроза.

А Ермак, между тем, продолжал:

— Сегодня кони нам очень надобны. Брызге и Галкину даю по пятьдесят штук, чтобы денно и ночью обеспечили разъезды десятников со своими людьми. Куда и как — это Мещеряк знает, а Черкасу возглавлять сотню. Остальных коней используем для походов к черемисе и чувашам за хлебом и медом. Наши лазутчики вернулись вчера с вестями из тех мест.

Мещеряк понял, что настало время для доклада, и сказал:

— Луговая черемиса уже прекратила бунт и покорилась силе. Стрельцы надзирают за нею. Идти туда надо с хитростью, взяв вожей, и иметь в достатке пороха и свинца, чтобы при случае вести бой. А горная черемиса с чувашами попрятались в дебрях и воюют с яростью. Там трудно без умения пройти на конях по скалам.

— Я пройду, — заверил Яков Михайлов.

— А я на луга пойду, — неожиданно для всех высказался Гроза. — Чем на зимовье от тоски маяться, так лучше повоевать и мечом помахать. По всему телу уже какая-то нуда нудит. На чем только хлеб тащить?

— На санях и в сумах переметных, — ответил Ермак. — Как зима мосты наведет, так и в путь-дорогу.

— Годится... Тогда дайте мне сотню коней, а Якову для гор и пяти десятков хватит.

— Годится, — поддакнул Мещеряк и подмигнул Ермаку.

— Одно мне не ясно, а я хочу знать — где следующую зиму зимовать мыслите? — ворчливо спросил Гроза, будто его окончательное решение зависело только от этого.

Ермак понимал чувства, которые рвали сердце этого вояки неукротимой силы. Он никогда не пойдет в зависимость к Кольцо, Барабоше или к любому другому атаману, которых считал ниже себя. Он, так или иначе, может пойти только под власть атамана, старшинство которого всеми признано. А ходить в одиночку — уже резона нет и небезопасно.

— Зимовать будем на реке Сылве... — ответил Ермак и выжидательно впился взглядом в лицо Ивана Грозы.

— Сылва... Сылва... Что-то не слышал о такой реке.

— Это река, что впадает в Чусовую, в ста поприщах от устья при Каме.

— Угу... Понял.

— Я-то, Гроза Иванович, шибко на тебя рассчитываю по походу. Люб ты мне, и помощь твоя нужна. Будешь моим сверстником, а я прав твоих не трону. Давай по рукам!

— Ну, давай, — согласился Гроза и улыбнулся почти по-детски. — Только разъясни для моего любопытства — чем то место знаменито?

— Всего я и сам не знаю, но место там более лешее, чем тут, как высказал Барабоша. От него далеко воеводы и досаждают нам не будут. Зато близко солевары и купцы Строгановы, в вотчине которых мое детство безрадостное прошло. Эти купцы ныне не только соль варят, но и хлеб сеют с вывозом его на Астрахань в тысячах пудов. Еще они пушки льют, пищали делают и зелье для них. Мы у купцов много чего можем позаимствовать. Побьем татар и воистые племена, которые им разоренья чинят, так неужто они

не поделятся с нами, чем богаты? А не захотят давать, то и сами возьмем. А о добыче у татар и подвластных им племен я уже на совете известил. В той Пермской земле есть только один порубежный острог с воеводою, но от Чусовой он за триста поприщ стоит в Чердыни. Это все, что мне известно, а остальное увидим...

— Ну, добре... А что взять для меня с черемисою?

— Бери седла конские и уздечки, украшенные серебром, холсты расцвеченные, ковры для подарка какому-нибудь князьку, а еще мешок с алтынами. Подбери наших чувашей, освобожденных из полона, чтобы были жожами и толмачами их языка. Кто из них захочет у своих остаться — не препятствуй. Они в благодарность и постараются. Еще о лыжах позаботься: вдруг снега изобильно выпадут. А ты, Савва, выдай каждому казаку двойную норму еды с расчетом дней пути.

— Всем дело нашлось, — сказал Мещеряк, — а у меня только разведка. Могу взять на себя соорудить конюшню и сделать струги.

— Нужное дело, — одобрил Ермак, — забери всех плотников и приступай.

— Моих тоже ставь на дело, — сказал Гроза, — кроме тех, что отберу для похода.

С этого дня жизнь в лагере приняла определенную направленность. Все были вовлечены в подготовку к походам и к дополнительному обустройству зимовья. Бражничество и буянство прекратились благодаря стараниям атаманов и здравому разумению большинства повольников. Люди не так боялись телесных наказаний, как позора быть вселюдно высеченными или посаженными на цепь.

С новыми людьми атаманы вели беседы, формируя новые десятки. На удивление Кольцо, большинство из них пожелало присоединиться к Ермаку. С ними стали работать Мещеряк, Черкас и Савва. Выведав все, что хотели, поверив, что гулебщик не врет, они стали обучать их ратному делу, а Савва взял с них клятву и поднес для целования саблю, смочив ее кровью из собственного пореза на руке. После этого он окропил каждого водой, принесенной из родника, и благословил крестным знаменем.

Теперь по всем направлениям вдоль берегов и по тропам скакали конные разъезды Ермака. Он доверял только своим казакам, которых хорошо знал, и не допускал чужих к обереговой службе, опасаясь предательства.

Дни становились все короче и короче, а ночи длиннее. Часто тягучие вечера Ермак проводил в кругу своих помощников-друзей и любимцев — Брызги и Черкаса. В такие часы или обсуждались текущие дела, или велись рассказы и воспоминания о былых летах.

Едва повольники успели обустроиться, как покрепчавший мороз дохнул на речные струи и в одну ночь преобразил Самару в ледяную извилистую ленту. А на следующий день повалил густой снег, накрыв дикие просторы пушистым покрывалом, превратив землянки в высокие сугробы, из которых курился сизый дымок. Косматые лиственницы и ели стояли как замороженные, поникнув от навалившейся на ветви тяжести, и словно вслушивались в безмолвие пустыни.

Ранним бодрящим утром по всей цепочке городка повылазили из жилищ многие дружинники и ватажники и, радуясь новизне, поребячески бросались снежками, гонялись друг за другом, устраивали борьбу, а некоторые испытывали собственноручно изготовленные лыжи. Богдан Брязга и Черкас Александров выскочили в одних подштанниках, босиком, и запрыгали как зайцы, захватывая горстями рыхлый снег и растирая им мускулистые, пышущие здоровьем тела. Их гортанные восклицания и повизгивания пробудили монаха Савву, который почивал под соседним сугробом. Исказив лицо гримасой в ответ на утробные звуки извне, он высунул из двери голову, обрамленную взлохмаченной растительностью, и выкрикнул с укором:

— Побойтесь Бога, окаянные! Рань-то какая!

— Вылазь, Савва, из своей берлоги, — позвал, хохоча, Брязга и кинул снежок, который угодил монаху в бороду. — Кто рано встает — тому Бог дает! Или ты забыл об этом?

— Бог мне дал — да ты отобрал, — рассердился Савва. — Отогнали вы поросячьими визгами божественное сновидение.

— Извиняй, Саввушка. Не подумалось мне, что тебе баба может присниться, — съязвил Брязга.

— Богохульник! Не буду впредь для тебя каши варить, — пригрозил монах и обратился к Черкасу: — Иванушка, ты ведь старшой. Обуздай этого молокососа. Мне-то во сне сама Пречистая Богоматерь руку протянула, чтобы я лобызнул. А я не успел... Сон-то был вещий.

Брязга сделал серьезную мину и поставил условие:

— Если желаешь, Саввушка, чтобы более не тревожили тебя в рань — позови нас в гости, да Расскажи сказку об атамане.

Монах пригладил волосы вокруг плешинки и, задрав вверх бороду, снисходительно вымолвил:

— Добре, супостат. Как смеркнется — можете пожаловать.

— Гей! — возликовал Брязга. — Ты уж, святой отец, к случаю такому беспокойство прояви, чтобы питье изобильно было к наслаждению нашему.

В эту минуту из своей избы вышел Ермак — и ликование Брязги вмиг угасло. Атаман повел могучими плечами под накинутым на них камзолом и бесстрастно пообещал:

— Чую, сынок, что сидеть тебе на цепи три дня.

— Не посадишь, — возразил Брызга.

— Это почему?

— А ты сам запрет по бражничеству снял с условиями. Мы с Черкасом в баньке так намоемся, что блестеть будем от чистоты. После того по новому приказу можно и медку попить, и вина басурманского.

Ермак добродушно улыбнулся.

— Если только согласно приказу, то можно, но в меру. Пейте, но честь не теряйте.

— Честь товарищества — прежде всего, — уверил Брызга и спросил с нескрываемым любопытством: — Неужто, Ермак Тимофеевич, ты решился бы пятидесятника оковать, доблестного в битвах?

— Решусь, если в пример для других потребуется.

— Грозен ты... — в раздумье произнес Брызга. — Но я согласен с тобой. Без порядка — и дружине гибель.

Возвратясь в землянку, Брызга обтерся сухой холстиной и развалился на лавке, а Черкас подсел к столу и достал с полки ларец, в котором хранил чернила, перья и бумагу. Брызга, не знающий грамоты, сгорал от зависти и любопытства, когда видел друга, занятого писанием.

— О чем писать задумал? — спросил он небрежно, хотя был озадачен поспешностью товарища.

— О тебе, Богдан, — загадочно улыбнувшись, ответил Черкас.

— Ой ли! — удивился Брызга. — Чем же я прославился, чтобы обо мне писать? Саблей давно не махал, головы басурманам не сек.

— Зато языком добре махал, Савву в растерянность ввел. Да и с Ермаком у тебя знатный разговор вышел.

Брызга обиделся, вскочил с лавки и стал одеваться. При этом он ворчал:

— Всем балагурство, шутование мое по нраву, а тебе не угодил. Писарь зловредный!

— Мне тоже твое шутование по сердцу, — возразил Черкас.

— Тогда зачем бумагу портишь?

— А для памяти.

Продолжая сердиться, уходя, Брызга буркнул:

— Пиши, иуда, коли делать нечего. А я баню истоплю.

Черкас невозмутимо воспринял упреки своего друга и заскрипел пером, выводя тщательно каждую букву. Спешить ему было некуда. С наступлением холодов не только у него, но и у большинства жителей городка появилось больше свободного времени, которое можно было использовать во благо своим личным интересам.

Казачи умели пользоваться передышкой, которую давала им зима, освобождая от тягот и забот кочевой жизни. В тепле землянок оттаивали их сердца и пробуждались склонности к любимым занятиям. Одни выстрагивали лыжи и весла, плели корзины из лозы и бересты, другие вырезали из дерева и наростов миски, блюда, корытца для рыбы, чашки для соли, черпаки и ложки, курительные трубки, плетеные тарелки и шкатулки из корней. Некоторые умельцы украшали ручки ложек и ковшей фигурками зверей или птиц, вырезали лосиные головы или волчью пасть.

Для этих изделий и посуды устраивали поставцы — столбы, вкопанные в земляной пол, уставленные со всех сторон полками. Люди стремились обустроить свое жилище таким образом, чтобы оно напоминало их прежнюю оседлую жизнь. Узкие, но длинные столы, которых в каждой избе было не менее двух, удивляли опрятностью полотняных или шелковых скатертей. Вместо лавок стояли добротные широкие скамьи, прикрепленные накрепко к стенам, на которых и сидели, и спали. На них были наброшены постели из войлока и овечьих шкур. Как правило, на стене, противоположной входу, вешали образа, а к потолку перед ними крепили висячий ночник. Второй ночник размещали либо на верхней полке поставца, либо также подвешивали в центре избы. Внутри помещения, даже в солнечный день, царил полумрак, поскольку для сохранения тепла делали всего одно небольшое оконце, обтянутое рыбьим пузырем. Пол застилали рогожею, а у входа укладывали плетенку из прутьев для чистки обуви. С наружной стороны двери приколачивали деревянный крест, чтобы оберечь вход от нечистой силы.

Веря в колдунов и ведьм, сглаз, чары и порчу, большинство казаков все же гнушались обращаться к чародейству за помощью от несчастий, считая их гневом Божиим, и прибегали к молитвам и иконам. Однако власть суеверий находила пути защиты, превращая языческих идолов в символы святых христианского мира. Многие, чтобы не отворачивалась удача, имели при себе различные талисманы.

Самыми главными чудотворными талисманами для всех повольников были полковые знамена, которые своей святостью обуздывали страх и воспламеняли дух храбрости.

Войско Ермака имело несколько знамен, но самым любимым и почитаемым было знамя головного отряда, которое в любом сражении было впереди и увлекало за собою людей. Здесь же, на зимовье, в праздники его поднимали на высокую лесину, вкопанную рядом с избой атамана, и там, развеваясь на ветру, оно радовало сердца.

На его синем полотнище, обрамленном кумачевой полосой с золотым шитьем и розетками цветов по углам, были изображены

две фигуры из белой холстины, расцвеченные чернилами. Слева — лошадь с длинным и острым рогом на лбу. Это инрог, олицетворяющий Белого Бога — символ света и чистоты. Справа — лев, стоящий на задних лапах грудью к рогу, символизирующий Черного Бога, властелина тьмы, дьявола, врага.

Знамя отряда Ивана Грозы также было синим. На нем, во все полотно, был разрисован Святовид — Добрый Бог, имеющий четыре головы и две груди. В одной руке он держал рог с вином, а в другой лук. Это древнее изображение являлось прародителем христианского Святого Вита.

Картина на знамени Матвея Мещеряка отличалась простотой и в какой-то мере соответствовала его характеру непоседы. На нем запечатлен был Немиза — повелитель ветра.

Бывало так, что вдоль всего городка развевались десятки знамен. В этот же день первого снежного заноса из сугробов торчали только голые шести.

Когда наступили сумерки, Брызга и Черкас постучали в двери землянки монаха и смиренно ожидали приглашения. Обычай вежливости не позволял им самовольно войти и застать врасплох хозяина. Савва не заставил их долго ждать.

— Входите, дорогие гости, входите! — донеслось до них из глубины помещения.

Молодые люди протиснулись в узкий проем, пошаркали подошвами по плетенке, очищая обувь от снега, и, не сходя с места, трижды перекрестились на образа, одарив монаха низкими поклонами, что привело его в умиление.

— Храни вас Бог, — сказал Савва, ответив поклоном. — Возрадовали вы меня, старика, ублажили уважением обычая и верою. Вы хотя и разбойники, но христиане. Не поддавайтесь же соблазнам бесовским, разрушающим веру, ибо она служит тому, чтобы выводить из тьмы.

От такой торжественной встречи и напутствия Черкас и Брызга застыли в недоумении. Нет ли подвоха в его речах? Но вид у Саввы был доброжелательный, взгляд ласковый, словно утром ничего не произошло. Однако последние слова монаха вызвали у Брызги подозрение. Не слишком ли он красноречив и нет ли тут намека ему, Богдану, что он пребывает во тьме? Ой, хитрит старик, врет, что забыл утренние неприятности. Не врут ведь одни только собаки... Все же, подавив в себе желание вступить в спор, Брызга подтолкнул в спину оцепеневшего Черкаса, но тот, сделав несколько шагов, остановился на полпути — там, где пол был устлан овечьими шкурами.

— Сбрасывайте обувь и кафтаны, — посоветовал Савва, — а то упреее.

Гости с охотою разделись и, почувствовав раскованность, уселись за стол.

В печке весело потрескивали маслянистые поленья, нагоняя жар. Из-под пола в углу Савва достал два кувшина, с медом и вином. Выпили по чарке, следом по второй, и по третьей. Теперь блаженство испытывали не только босые ноги, упирающиеся в шерстяной покров, но и разомлевшие души. Наступила пора слушать сказку.

Глава 5

СКАЗКА МОНАХА САВВЫ

— Начну я свой сказ с самого далека — с того, что от родителя когда-то узнал, а потом уже сам изведаль. Скажу без утайки, что были у меня беседы с атаманом о его житие и откуда родом он, но держал я это в молчании до сей поры. Теперь я стар, может быть, помру случаем, а вы память сохраните и когда-то другим расскажете. Благослови, Господь, Ермака Тимофеевича за сочувствие к немощи моей, за то, что к делу полезному пристроил, когда силы в руке не стало, чтобы саблю держать. Вы, молодцы, когда в дружину попали — я уже более десяти лет с атаманом по Волге и Дону гулял. Но не думайте, как, бывает, сказывают, что он из донских казаков выходец. Он, как есть, с этих краев. А вот другой атаман Ермак Петров — тот с Дона. Но не о нем сегодня речь. Начал с одного — а вон куда свернул! А обещал-то с самого далека вести сказ. Слушайте...

Давным-давно это было. Тогда и казаков таких не было, как теперь. Это татары сперва бездомовных бродяг казаками прозвали. А когда удальцы из них в ватаги сошлись и войну с грабежами повели, тогда стали выбирать себе атаманов и есаулов. Мы, русские, потом все прозвища от татар переняли. Да и как не перенять, если беглые с Руси в их ватаги вступали. Однако вначале на окраины мало бежало людей — больше по лесам пряталось, да по Оке ходило на ладьях. Они и поместья боярские жгли, и купцов грабили — тем и жили. Награбленное добро меняли на хлеб, а в лесу и реке промышляли зверя и рыбу. Только пришло время, когда бояре против них большую силу собрали, стали ловить их и вешать без суда. Тогда-то и стали все удалые головы убегать к Дону, да на низ Волги. Там только войною и кормились. Пашню пахать, хлеб сеять, скотину выхаживать кочевники не давали. Налетят, обшарпают, пожгут, да еще в Азов угонят людей на продажу туркам.

В те времена на Руси бездомовных тоже казаками стали кликать. Они по найму от одного хозяина к другому бегали, из одного села в другое. Гулящие нетяглые люди могли заниматься мирными промыслами, шатаясь с места на место, а тягловые и бобыли, которые за выти и двory налоги в казну государеву вносили, должны были тянуть это ярмо и с места не сходить. А кто уходил от ярма, того старались выловить, наказать плетями и вернуть к тяглу. Только удавалось это редко. Бежали люди от скудости, от неурожаев, холеры и язвы, от боярской жестокости. Одним из таких был суздалец посадский, Афонасей Григорьев, сын Аленин. Приметный мужик: широк в плечах, красив лицом, черная борода, кудряв, глаз острый и силищи богатырской.

— Ты в точности нашего Ермака Тимофеевича разрисовал, — сказал Брызга.

— То его дед был, а Ермак весь в него уродился. Но ты не мешай сказу... Этот Афонасей бежал от скудости во Володимир. Искать его не бросились, так как у бояр в тот месяц большое волнение возникло — великий князь Василий Иоанович Российскую державу принял. Каждый думал о том, чтобы под опалу не попасть от новой власти и имение не потерять. А Афонасей тем временем извозом занялся. Вначале он возил купеческие клади в Москву, Вологду, Кострому, Ярославль и в Нижний Новгород, пока в дороге, в муромском лесу, на него не напали разбойники из беглых людей. Он их разбросал, как котят, по траве-мураве, но другие из засады скопом его обступили и приставили к спине и груди пищали семипядные. Подивились разбойники его мужеству и силе — и не стали убивать, а предложили в шайку войти и атаманом стать, так как не было у них подходящего человека в предводители. Но к тому времени Афонасей девицу себе приглядел из посадских и собирался жениться. Поэтому не принял он их предложения шайку возглавить, но и не отказался в споможение оказывать, и сказал им:

— Братцы, я от ярма беглый, как и многие из вас, бояр и купцов не жалуя, а извозом купеческой клади занимаюсь, чтобы семьею обзавестись, хочу сыновей иметь и растить их. При моем занятии могу и вам большую пользу делать — брать по пути ваше добро и на хлеб его менять, а тот хлеб вам возить, а об остальном вы и сами позаботитесь.

На том и порешили они. Афонасей исправно свое обещание исполнял и большую выгоду от того промысла имел. Разбойники не скупались его одаривать. Бывало, привезет им хлебушка, круп да толкна, да заночует у них. А то и день-два поживет в их стане, на медведя сходит. Он этих медведей без пули — голыми руками брал, ножом орудуя. От его силы и ловкости разбойники в восторг приходили. А Афонасей, между тем, женился и двух сыновей народил,

Родиона да Тимофея. И все бы ничего, и семья жила в достатке, но случилась беда. Заночевал он как-то у разбойников, как обычно, а тут облава боярская. Одни убитыми полегли, другие разбежались, а Афонасей все кулачищами размахивает да тумачи раздает. Воевода видит дело такое и приказ отдает, чтобы живым его взяли. Потом, мол, в нагляд другим повесим его на видном месте, и пусть висит там неделю-две. Навалились на него стражники, оглоушили, повязали и увезли в тюрьму. А там на цепь посадили. Отсидит, мол, ночь, а поутру и казнь состоится. Ночью-то вспомнил он жену да сыновей, жалко ему их стало, как подумал о будущем их сиротстве — осерчал и порвал цепи железные, вырвал ограды и убежал. А убежав, забрал жену с детишками и подался в Юрьевец Повольский. Там-то Родион да Тимофей выросли во здравии и благополучии, жили в сытости, пока не похоронили мать, а потом отца.

Остались братья одни, без родительского покровительства, приняв от отца в наследство ярмо и налоги. Поначалу они разными промыслами на жизнь зарабатывали: то извозом, то наймом по поместьям, то в артельке какой. Но тут случился неурожай да голод, и болезни косить людей стали. Наступила скудость великая. Окрест многие дворы опустели. Ремесленные и крестьяне оставляли отечество свое и бежали искать воли или льгот на новых землях.

Стали Родион да Тимофей думу думать — как им-то быть? Согнули тяготы их плечи молодецкие, оскудели запасы нажитые — ненароком и помереть можно от голода. И решили они в путь-дорогу отправиться, счастье искать. Натурой они были не воистые, без соблазна воли удалецкой, чтобы на Дон податься и войною жить. А потому запрягли коней в колымаги, нагрузили их скарбом и направили стопы свои в обратную сторону, к морю холодному, к рекам северным, куда ни одному ворогу, ни одному татарину пути нет.

Где только не побывали братья. До верху Руси добрались, где Двина Северная со многими речками течет, и там в Борке присохли, но ненадолго. Потом в Тотемских вотчинах промышляли и прослышали случаем о купцах вычегодских. Те купцы на Вычегде соль варили, пашни пахивали, деревнями обстроились — и с ласкою принимали охочих людей, способных к ремеслу, и крестьян. Соблазнились братья слухами такими и не думая-не гадая поехали туда, где светила сытая оседлость.

Долго ли, быстро ли ехали Родион да Тимофей по дорогам накатанным и бездорожью, но в один из дней ясных подкатили на колымагах к крыльцу хором господских.

Вышел к ним сам глава дома купеческого Аника Строганов. Оглядел он коней ухоженных, молодцов опрятных — удивился, и спрашивает:

— Откуда же вы такие пожаловали?

А братья-то перед тем, как к крыльцу завернуть, коней в реке помыли, гривы и хвосты им расчесали, да и сами помылись, штаны и рубахи рваные выбросили, а из узелков достали одежду справную. Вот в таком виде и предстали перед купцом, и на вопрос его отвечают:

— Из Юрьевца Повольского мы, господин хороший. Прослышали, что люди тебе работающие нужны — и приехали.

Снова подивился купец, что такую даль одолели, а ущербу не видно, и говорит им:

— Догадываюсь, что молодцы вы brave, а на деле как — поживем и узнаем. Беру вас в холопы свои на долгие лета. Если надежды мои оправдаете, дам землю, чтобы растили хлеб да овес, разрешу лес рубить и избу ставить одну на двоих. Но условие есть — подберете жен себе из других дворов и детишек растить будете, к труду приучая. А я на три года от поборов вас избавлю. Величать же вас буду Повольскими.

Обрадовались братья кабале такой и дали согласие семьями обзавестись. Начали они избу рубить и землю пахать, по сторонам посматривая и невест приглядывая украдом. У нас-то на Руси как повелось: хочешь жениться — сватайся, а глаза не пяль и не проси, чтобы невесту тебе показали, — не положено до венца вблизи разглядывать. Бывало, покажут издалека одним боком, а с другого — глаз косой. Поэтому неосмотрительным подсовывали в жены и кривых, и косых. Но братьев трудно было обманом наказать: без спешки они, издали глядячи, красивых да дородных приметили и сведения о них тайком собрали, а потом уже и сватов послали. Получилось так, как замыслили — взяли жен пригожих, не хворых и старательных. За три года они пятерых сыновей народили: у Родиона — Дмитрий да Лука, а у Тимофея — Гаврило, Фрол да Василей... Этот меньшой Василей и стал нашим Ермаком Тимофеевичем. Только у меня сомнение есть, что это его крещеное имя, скорее мирское, чтобы уберечь от сглазу.

— Раз сомнение есть — значит, ты знаешь еще какое-то имя? — спросил, встрепенувшись, Брызга.

— Не знаю, не ведаю, — развел руками Савва. — Может быть, по отцу Тимофеем прозван, или Ерманом — не знаю. Такая тайна если и открывается, то при отпевании умершего, когда он всю свою жизнь на одном месте прожил и там в церковной книге его имя записано. А иначе — как узнать? Однако, чем говорить, навостри уши... Мысли мои спутал... Слушайте далее...

Как уже сказано, добавилось в доме пятеро едоков, а тут и срок льготы истек от поборов. Стали Родион да Тимофей подумывать — с какого края-боку к купцу Строганову подойти, чтобы

дополнительный надел земли попросить, пока скудость не явилась. Но побаиваются, что он осерчать может. Уж больно горазд был купец наказания раздавать, в этом у него главная щедрость была. А тут еще и страху всем добавил злодеянием своим. Родная дочь послушалась его в чем-то — так он ее в реке утопил. Как же соваться под руку с просьбой? А у купца тогда свои планы созрели, и судьба братьев уже была уготована, о чем они не знали.

Купец-то Строганов в Пермской земле, на реке Чусовой, торговый дом основал, хотя это только одно название такое. На самом деле целый город соорудил и крепостною стеною его обложил, плотбище открыл и стал струги в тридцать весел делать, чтобы с бухарцами и персами, и другими ордабазарцами торговать. На такую затею много всякого люда требовалось.

В городище том кто только не жил-служил: и люди торговые, и стража, и слуги, и кузнецы да плотники, грузчики да конюхи, гребцы да кормщики и другие умельцы. И всех их кормить нужно, возить им за тридевять земель хлеб да крупы и прочую снедь. А кругом лежали земли непаханные, ничейные и пустые, черные да урожайные. Почему бы на них хлеб не растить? Вот и надумали купцы, Аника и сыновья его, крестьян туда переселить из деревень вотчины своей на реке Вычегде. Стали делать отбор, но так, чтобы и хозяйствам крестьянским не было ущерб, и замыслы свои исполнить. От соседа брали соседа, от отца — сына, от брата — брата. Когда очередь дошла до Родиона да Тимофея, то выбор пал на Тимофея, так как у него жена вдруг померла перед тем за неделю, а за детишками бабка приглядывала. Так или иначе, а ему следовало давать надел из-за тесноты и чтобы большую семью прокормить.

Распрощались братья в слезах — и отправился Тимофей в путь дальний по весне с другими семьями в одном караване. У него две телеги со скарбом, корова да бычок, веревками прицепленные, в клетях птица — куры да гуси. Старшие сыновья на тюках сидели и баловали, а бабка с меньшим Василем на руках ворчала, приструнивая их. Так и ехали. Благо, что северные пути, в отличие от южных, были уже не единожды хожены, дороги накатаны на Чердынь да Соль Камскую, от которой до реки Чусовой и рукой подать — верст двести. Потому недели через три все благополучно на место прибыли, поставили там шалаши и начали землю пахать, так как для сева срок подошел. А когда с землею управились, то стали избы рубить. Так и обжились за лето. Их городок высоким тыном обнесли, по углам башни поставили и стражу на них посадили.

Время шло — и дети росли крепкими да здоровыми от сытости. Старшие стали отцу помогать по хозяйству, а Василей, сверстниками верховодя, военные игрища устраивал. Все его слушались, почитая ловкость и силенку не по годам, да и умом он отличался,

и речами складными. Ватага за ним куда угодно шла, через тын перемахивая, поскольку запрет был выпускать ребятишек за ворота. Они в лес убегают, копыта да сабли деревянные подделают и сражение устраивают. В ватаге все ловкачами и отчаянными были — хилых и опасных Василей прогонял. Так развлекался он, пока ему двенадцать годков не исполнилось, а как повзрослел — новый интерес возник. Срубил он в лесу дерево, смастерил себе лодочку-калданку и стал по реке ходить, ручьи да протоки разведывать, птицу и зверя высматривать. Если на реке какой затор встретит, то выйдет на берег, забросит калданку на плечо, перейдет куда надо — и снова поплывет. Так он многое о местах окрестных узнал, о чем другие и не догадывались.

Однажды на реке среди утесов каменных Василей пещеру нашел, а в той пещере — разбойников. Смотрит он на них и видит, что будто бы много лиц знакомых, и спрашивает:

— Кто вы такие, дядьки? Вроде видел вас где-то, а не припомню.

— А ты припомни, подумав, — отвечают они, — мы-то тебя сразу признали: ты Тимофеев сын.

Догадался Василей, кто такие эти разбойники — беглые от Строгановых, холопы из Чусовского городка.

— Так и есть, — говорят дядьки, — убежали мы от жестокости купцов да приказчиков, после плетей и ямы тюремной, чтобы за себя и семьи наши порушенные мстить. Строгановы на Камне рудным промыслом занимаются — так мы их барки с чугуном переворачиваем цепью, перегородив Чусовую, золотоносцев подкарауливаем на тропах да купцов басурманских, которые сухопутьем с полуденных стран идут, и отбираем у них ношу драгоценную. Полнится наша казна серебром, чашами да кубками золотыми, камнями драгоценными. Как разбогатеем, чтобы не изнемогать от нужды, так заберем свои семьи и уйдем в города Руси, а пока живем в лишении, питаемся тем, что рыбу ловим да зверя бьем, скучаем за хлебушком да ячменем, ибо взять его негде.

Взялся Василей помогать им. Обошел дворы опальные, узнал, каково в них живется, кто уже съехал, а кто остался, рассказал о нужде беглецов и своем им обещании. Все обездоленные один вопрос задавали, все хотели знать — где их родимые обитают? Но Василей тайну не открывал: вдруг проговорится кто или выдаст под пыткой. Некоторым тогда уже досталось испытать и плетей, и колодок, и прижигание огнем. Многих из тех семей на самую трудную работу поставили, мужиков — на рудник соляной, а женщин — конюшни чистить. Поэтому Василей им отвечал:

— Чем спрашивать о недозволенном, соберите круп да толочна, а я отвезу.

Так и повелось после этого. Ночью, темною да ненастною, перетаскивал он через тын куль пуда на три, взваливал его на крепкие плечи и шел лесом к упрятанной калданке. Потом до самого утра и полдня греб без роздыха веслом к пещере. Два года были разбойники под его опекою, но постепенно пещера пустела. Одни, дав знак семьям через Василея, разошлись в разные места, другие ушли ладьями на Волгу и там примкнули к гулящим казакам. Но он продолжал туда наведываться, тайник свой проверял и кое-что в него докладывал. Разбойники ему сабельку и пищаль подарили, а он зелье и свинец привозил, сухари да толокно в бочечках, словом, делал запас на особый случай. Умен был малец...

Прошло четыре года. Много ли это, мало ли — сами рассудите: было человеку четырнадцать лет, а стало восемнадцать. Есть разница? Есть! И еще какая! Василь таким вышел, что любо посмотреть. Всякий сын с завистью глазел на него, а многие девки мечтали завлечь и оженить на себе. Однако он не обращал на них внимания, у него другая забота была — по речкам плавать. Он уже не только на Чусовой и Сылве каждую извилинку и проточку знал, но и по Каме да Белой прошелся, и по Волге до этих мест, где мы теперь зимуем.

— Погоди, Савва. Выходит, что не случайно атаман привел нас сюда? — спросил Брызга. — И место это он заранее знал?

— Припомнил верно. А какая задумка у него — пока не знаю. Такой городище, как мы построили, многие лета мог бы казакам послужить. Об этом поговорим, но в другой раз...

Василь-то не только по речкам плавал, но и отцу да братьям помогал в трудной работе, пашню пахал и купеческие ладьи грузил, которые в Астрахань и к Агарянам товары возили. На одной такой погрузке и заметил его живоглот Аника Строганов, подивившись, как он с легкостью двойную ношу на плечи взбрасывал. Интерес у купца возник, стал он мужиков расспрашивать: чей, мол, сын и каким еще умением известен. Те и поведали ему, что из Повольских он и не найти другого, кто бы знал лучше пути речные. Вот так, случаем, стал Василей кормщиком.

Совпало это событие в те дни с другим: невесту себе Василь выбрал, и тоже — случаем. Та девица по соседству росла, неприметная была по малости лет, а как выросла, так красавицей стала, Аленой звали. Василь ранее и не смотрел в ее сторону, мимо проходил не гляючи. А тут как-то из лесу колоду на плече нес, да на нее и наткнулся. Алена эта резвая была, не в пример другим девицам, через тын умела перескакивать, чтобы цветочков да ягодок пособирать или погулять без родительского надзора. Во время такой ее прогулки и увидал Алену Василь, глянул в упор и обомлел. Стоит перед ним красавица, словно царица небесная, бровь чер-

ная, глаз голубой и веселый, коса толщиной с руку, уста медовые. Василь-то и обронил колоду на ногу. Потом хромал до вечера.

С того дня стали они встречи назначать в лесу. Но утехам любовным не предавались, а только бродили тропами, взявшись за руки, ходили к озеру и ручьям, где Василей острогой рыбу ловил, или на его калданке плавали по Чусовой. Так, гуляючи, сохраняя честность, сговорились они в Покров под венец стать. А Строганов, меж тем, товар подготовил — мягкую рухлядь для бухарцев — и призвал Василя в плавание. Распрощался Василь с сердешною своею голубицей и отправился в путь дальний на ладье в двадцать весел и под парусом. Не догадывался он тогда, что этот первый его поход кормщиком у Строганова будет и последним, что Господь уготовил ему другие пути-дороги.

А случилась вот какая беда... В ту пору всеми крестьянскими делами молодой приказчик заправлял, любимец купца. Строганов только наездами на Чусовой бывал, а приказчик в его отсутствие чувствовал себя полновластным господином и учинял деревенским людям всякие обиды и измышательства. Не было с его стороны справедливости к крестьянам, в страхе любил всех держать. За малую провинность плетью сек, а кто слово против него скажет, того в яму сажал. От его тиранства многие мужики бросали свои дворы и уходили в разбойники да казаки. Но хуже всего было то, что девок он портил, силою их забирая, жил в разврате и блуде. Пользуясь отлучкой Василя, решил он Аленюю завладеть. Сперва хитростью хотел в соблазн ввести, уговаривал в прислуги господские пойти, обещал в шелка и бархат одеть, нитку с камешками на ее шейку надел и ласковые слова говорил. Она же в ответ ту нитку разорвала и бросила ему под ноги. Тогда, зная, что она в лес украдом ходит, подкараулил ее в дебрях и взял силою. Поначалу она как бы умом тронулась, ходила будто блаженная по дворам и говорила, что дьявол объявился и нужно в погреба прятаться. Но скоро к рассудку вернулась и задумала месть. Как-то ночью пробралась к дому приказчика, подперла дверь колом, подбросила соломы по углам и подпалила огнем. Только неудача вышла. Стражники успели пожар затушить, а Аленку в яму посадили. А потом и в яме ее не стало. А куда делась — никто не знал. Разговоры были, будто приказчик переправил ее на Вычегду под суд Строганова. Еще слух прошел, что приказано страже повязать Василя, как только он прибудет из плавания, чтобы месть предупредить. Дошел тот слух и до братьев Повольских и отца Василя. Стали они совет держать, и говорит Тимофей среднему сыну Фролу:

— Бери-ка, сынок, лодочку легкую да быструю и плыви вниз по реке. Расскажи Василю все как есть, а что делать — он сам решит. Нельзя позволить, чтобы он в капкан угодил.

Три дня плыл Фрол по течению без натуги, а на четвертый и вынесло его на струг с товаром заморским, которым Василь управлял. Пошептались братья, потемнел Василь лицом, хотя и так не бел, и говорит гребцам да страже:

— Прислал Строганов за мною гонца, гребите без меня осторожно, не торопясь, чтобы мель не поймать, а я поспешу на срочное и важное дело.

Взялся Василь за весла, да так загреб, что на другой день к ночи прибыли братья на Чусовую. Спрятали они лодочку в стороне да в кустах и пробрались через тын незамеченными. Двух стражников, что у приказчикова дома караулили, повязали веревками, рты набили травой, а самого супостата вынули из пуховой постели, скрутили ремнями и сунули в мешок. Помаялись с тем мешком маленько, когда через тын перетаскивали, но дело свершили, и благополучно притащили на высокий яр. Освободиди там его калган, чтобы дознание учинить, а у него от страха заикание, и из мешка дерьмом несет. В таком чувстве признался он, хорек вонючий, что девицу испортил, а после того как она на поджоге была поймана, то по приказу Строганова отправил ее с обозом в Соль Вычегодскую. Но не дошел обоз до места. Уже в первый день попал он под конницу татар казанских, и одному Богу известно — где теперь Алена, если только жива осталась.

Приговорил Василь окаянного губителя к смерти. Тот и плакал, и каялся, и милосердия просил, но прощения ему не было. Нельзя, други, скажу я вам, оставлять в живых злохитростных душегубов. Отпусти такую вошь поганую, так она постарается опять тебя укусить. Потому насыпали братья злодею песку за пазуху, в мешок песочку добавили, вокруг шеи его веревочкой обвязали — и сбросили в реку.

Свершив суд, Василь да Фрол к родному дому прокрались, разбудили брата Гаврилу, отца и рассказали о содеянном. Тимофей, отец-то их, в большое волнение пришел, и сказал:

— Бегите, сынки, пока ночь на дворе, бегите все до единого, а не то сидеть вам в яме многие лета или в цепях на соляных варницах рабствовать. А я с бабкою ничего не знаю, ничего не ведаю и за вас не в ответе. Так и говорить буду. Жалко мне хозяйство нажитое бросать. Время пройдет, вода утечет, все забудется — тогда вы и вернетесь.

Подчинились сынки воле отца. Фрол да Гаврила взяли лодочку, которая в кустах была припрятана, Василь — калданку свою, и уплыли они по Чусовой к пещере. Тут-то и пригодились припасы хлебные, которые Василь натаскал. Показал он братьям саблю и пищаль, камешки и изделия драгоценные, чем ввел их в изумление.

И сказал старший брат Гаврила:

— С таким богатством в любом месте на Руси можно свое крестьянское или ремесленное дело иметь и в сытости жить. Давай-те так и сделаем, а потом отца с бабкою заберем. А то и теперь уговорим отца, пока на его голову беда не свалилась.

И сказал средний брат Фрол:

— Я в согласии с тобою, Гаврила. Но первое слово за Василем. Он хоть и меньшей, а умом опередил нас. Мы спины горбатили только, а он и головою работал. Как он скажет — так тому и быть.

И сказал Василь:

— Вижу, братья, что тяга у вас к хозяйству, а не к войне. Отдаю вам богатство на устройство жизни, но сперва помогите мне собрать ватагу из удалцов, которые хотят от ярма купеческого избавиться и с обидчиками рассчитаться.

И порешили братья освободить людей, цепями окованных, купленных в тюрьмах и наказанных вотчинных холопьев, которые на соляных варницах рабствовали. Не стали они откладывать дело правое на время, когда приказчика в мешке найдут и стражу усилят, и в ту же ночь отплыли к промыслу. Там они изловчились, повязали охранников, забрали оружие их, отобрали охочих в ватагу тридцать человек, захватили ладьи, которые у берега стояли, и ушли к пещере. Осталось теперь отца из городка вытащить. Но вышло хуже, чем думалось. Ладья-то с товаром пришла, а кормщика на ней нет, и о бунте на варнице стало известно, и братья Василя пропали. А главное — не могут приказчика найти. Вот голова стражи и смекнул — что к чему. Тимофея сразу в тюрьму засадил, а вдоль всего тына пищальников выставил, чтобы нападение отбить, если состоится. На другой день и Аника Строганов прибыл, но не по зову, а в расчете товар встретить. Ох и осерчал он, когда узнал о всех событиях. Сразу послал сотню ратных людей искать беглых бунтовщиков и братьев Повольских, а другим приказал реку проверить нырянием и крюками с лодок. Когда нашли утопленного, стали пытаться Тимофея. Но он стоял на своем: ничего не знаю, не ведаю, не в ответе. Ну и засекли его до смерти. А бабка от волнения померла.

Наполнились ярости братья к злочестивому Анике и поклялись учинить ему великий ущерб. У ватаги было уже два струга, захваченных на варнице, так они еще и третий прибрали к рукам, который с товаром пришел, и ушли на них по Каме на реку Белую. На той реченьке хитростной, Василем изведанной, они стан в крутизнах поставили, звериные ловушки устроили на тропах и всех подходах, ратною наукою занялись и стали делать вылазки на Каму, поджидая купеческие ладьи. Они то с Чусовой шли, то на Чусовую из стран басурманских, но ни одна так и не прошла мимо. Весь

товар ватага забирала, а людей, которые остались живы, отпускали. Василь запрет установил на убийства, если нужды в том не было. В защите разрешено было, а так — нет. Он сам-то более кулаками зашибал в беспамятство, кто сопротивление оказывал ему и товарищам; подставит саблю свою под удар саблей, а другою рукой какшибанет по голове, так супротивнику час требуется, чтобы в себя прийти. Да ловко, быстро одного за другим валил, словно люди в жерновец попали. По этой способности Василя товарищи прозвали его Токмаком. Стал он — атаман Токмак.

В ватаге людей заметно прибавлялось. Многие гребцы с захваченных стругов просились в товарищи, и потому к зиме была собрана дружина в шестьдесят душ. Но на следующее лето случилось предательство: двое казаков сбежали на Чусовую и выдали стан. Строганов тут же сотню служилых послал на пяти стругах и дал наказ пробраться усторожливо и ночью перебить разбойников. Так бы и случилось, если бы не осмотрительность атамана. Обычно Василь караулы выставлял на подходах, а после побега казаков послал дальнюю разведку по Каме. Она-то и известила загодя о рати с Чусовой. Василь не испугался: ему это было только в руку. Он и так случая ждал, чтобы на Волгу уйти и дружину собрать добрую, а тут сам Строганов одаривает его враз пятью стругами. Вот и разыграл атаман шутку. Казаки-то резво освободили стан, стащили все на берег в сторонку, в место укрытое, а сами в кустах затаились. А в теснине, по пути к стану, засаду из десяти пищальников оставили. Им Василь приказ дал — расстрелять из укрытия предателей, которые должны быть вожами у рати, а в других людей без нужды не палить, сделать дело и быстро уйти. А отряд тем временем струги захватит и засадников дождется. Те же, кто с войною приплыли, пусть в наказание пешими домой добираются.

Как было задумано, так все и сделалось, еще и с прибытком. В стругах-то припасы хлебные были, и зелье для пищалей, и свинец. Чем не удача? В них и свое все загрузили, и на связку взяли к своим ладьям. Так и отплыли, возрадуясь. Ветер в помощь паруса раздул. Чайки, провожаячи, хохотали. Вот так-то, други. Бить умеет всякий, а управлять — Богом избранные. Настоящим атаманом родиться нужно...

Плыли казаки по Волге и, красотами любуясь, удивлялись миру необъятному, и спрашивали себя — отчего стороны света бывают такими разными? Глянешь на восход — дикие утесы и дубравы, рощи да леса темные, голову повернешь — луга необозримые. А на лугах, между Волгою и горами, чертоги и хижины, в крутизнах и ущельях — селения чувашские. Кроме чувашей всякий народ жил тогда, как и теперь живет, по безбожному Казанскому ханству. Это и мордва, и вотяки, и лашкирцы, и черемисы. И все неверные. Все

против русского человека настроенные, которому не было места там, кроме рабов. А брали невольников в набегах на Русь. Только казаки и могли им препятствия чинить, а Москва и царь были далеко.

Недолго плыли казаки по Волге в безмятежности, уже на третий день увидели татарскую конницу на лугах — и тут же затаились в кустах на острове. Время шло к ночи, и потому татары, осмотрев берег, разбили стан, шатры поставили, костры зажгли, мясо над огнем подвесили, чтобы коптилось и жарилось, а пленников кнутами согнали в кучу и положили на песок. Взял Василь в ум, что то русские люди в беде маются, и надумал освободить их, хотя татар раза в три было более, чем в отряде. Риск немалый, но не быть удачи человеку, который думает только о себе...

Преблагой Бог не простил окаянных и помог атаману.

Разделил Василь отряд на четыре ватаги. Двум из них наказал ударить по стану с разных сторон, одной ватаге — угнать коней в луга, чтобы нехристи не могли ускакать, а другой — освободить пленников и посадить их в струги. Сговорились на том и дождались ночи. Ночью-то трудно врагу разобраться на чьей стороне сила. А сила всегда у того, кто не дремлет или за кем правда стоит. Ох и посекали той ночью басурман! Недобитые корчились как рыбы на берегу. Казаки что успели, то с собою прихватили из оружия. Драка-то была короткая, половина татар в живых осталась. Они, как в себя пришли, биться стали яростно. Но казаки в струги попрыгали и ушли. Дело-то было сделано, а зазря терять людей не было в правилах атамана.

С этого дня наступило трудное лето для казаков. Куда они ни сунутся — везде на казанских или ногайских татар натываются. Война шла чуть ли не каждый день, и многие погибали в битвах. Но отряд рос, силу набирал. Скоро в дружине собралось две сотни удальцов. Малые ватаги прослышали про удачливого атамана Токмака и с охотою шли под его руку. В то время по дикому полю, между Волгою и Доном, много гуляющих людей появилось с Руси, и все они большие обиды от татар имели и склонны были к объединению. Думали только о том, как бы силою стать против басурман. А возвращаться под ярмо никто не хотел. Тут была свобода, вольница. Обходились без домов, спали на травушке, глядя в небо, обсыпанное камнями драгоценными, в стужу у костров грелись, в зиму на островах и в дебрях прятались — и от такой жизни душевную крепость обретали. А царь наш, Иван Васильевич, душою был слаб. Он два раза ходил на Казань — и все впустую. Да и как же иначе, если походы затевались поздней осенью. Войско в снегах вязло, а пушки в Волге тонули. Всякий раз царь слезами обливался и приказывал отступить. А татары, возрадуясь, еще большей нагло-

сти набирались, ходили в московские волости и грабили деревни. Одна только и была заслуга воевод царских — что на реке Свияге, в тридцати верстах от Казани, укрепленный город поставили для устрашения местных народов. Но проку большого не стало. В городе том от нечистоты мор напал на людей, мерзкие беспорядки возникли, мужи бороды сбрасывали и входили в грех с юношами. Тьфу, бесы!

Был тогда у царя советник Адашев, умный малый, из простых людей вышел. Он-то и решился правду навести — избавить Русь от нечестивых извергов. Собрал он воевод честных, радеющих за землю родную, и послал их на Казань не к зиме, как бывало, а в июне. Войско собрали большое и пушек взяли с собою сто пятьдесят, а воевать-то мало кто мог, кроме пушкарей. Сами посудите — главною силою считалась рать и стрельцы. А кто они такие? Что за воины? Ратники — это посошники, боярские холопы. Им сподручнее мотыгой орудовать, чем саблю в руке держать. А стрельцов набирали из свободных людей, давали им рубль на строительство дома, назначали годовое жалование в один рубль, и они целованием креста давали клятву о служении в государевом войске до конца своей жизни. Когда шли на Казань, стрельцы еще новичками были, и было их всего две тысячи душ. Столько же стрельцов охраняли царя, и прозывались они государевым полком. По-настоящему биться могли только бояре, дети боярские и дворяне, но их сходились тысяч десять. Такому войску, други мои, не взять бы Казани, если бы не казаки. Казаки с радостью пошли на вспоможение царю, дабы на века избавиться от злохитростного душегубства кочевников. Они и подкопы рыли вместе с посошниками, и туры двигали к стенам, и первыми в проломы лезли. Нет на Руси более искусных воинов, чем казаки! Вся их жизнь в войне проходит. Как же не научиться воевать с умом и мужеством удалецким? А видели, как царская рать воюет? И смех, и грех! Окружат ратники врага большим скопом, осыпят его тучей стрел, оглушат барабанами и дикими криками — и назад отступят, в кусты попрячутся, — думают, дураки, что перепугали до смерти. А татары конницу на них — те и ноги вверх, или бегут в ужасе. Казаки же после выстрелов бросаются в рукопашный бой и бьются до победы. Вот и судите сами — кто настоящие витязи Руси...

Во взятии Казани и дружина атамана Токмака участвовала. Ему тогда столько же годков было, как теперь тебе, Богдан. Не успела дружина к городу подойти, как в сражение попала с черемисою. С ними князь Шуйский бился, окруженный со всех сторон. У него отряд малый, а тех, как мурашей, туча из леса вылетела. Видя изнеможение князя, бросился атаман с товарищами на нечестивых и мигом разбросал их по лугу, а Шуйского из круга вывел. Благо-

дарствуя за спасение от гибели, тот князь честный на Василя свою кольчужку надел. В ней-то он и по сей день ходит, сами видели.

Подоспел Василь к Казани в самый раз. Там уже подкопы успели сделать для взрывания стен, бочки с зельем туда закатывали и ждали государя, чтобы стал в голове войска. Но царь выказывал презрение к телесным усилиям. Мне о том сказывал опальный дьяк, с которым странствовать приходилось по монастырям. Он все своими глазами видел. Царь-то, когда шла подготовка к штурму крепости, два раза подъезжал к стенам на коне. Татары, увидев его, снимали на высоте штаны, показывали голые зады и кричали:

— Смотри, царь! Вот так ты возьмешь Казань!

От их колдовства буря налетела, шатры сдула, ладьи с продовольствием перевернула. Ох и напугался государь, послал в Москву за чудотворным крестом. Как только тот крест привезли, так и погода сразу наладилась. Но теперь не хотел царь Иван к стенам выезжать, а бояре наседали на него, так как это нужно было для поднятия духа войска. Осада уже шла, а он все откладывал свое выступление. То он говорил, что ему нужно приложиться к чудотворному образу Сергия, то выпить святой воды и съесть просфоры, то получить от своего духовника благословение и испросить отпущение грехов. Когда же битва уже свершилась, он сел в седло, а бояре, схватив коня за узду, силком потащили его в город.

А в городе творилось всякое бесстыдное безобразие. Татары набросали на площадь злата и серебра — и все посошные люди, оставив битву, стали набивать свои карманы и тут же умирать от лучных выстрелов. Если бы не казаки, то неизвестно, чем бы все кончилось. Наш атаман с товарищами и с другими казаками первым ворвался в крепость и, без соблазна к богатству под ногами, бился до последнего часа. А после победы дружина Токмака не стала дожидаться торжества и ушла на стругах. Был-то уже октябрь, зима на подходе, и нужно было не пировать, а поспевать к месту зимовья. В такую пору не было более важного дела для казаков.

Поначалу всяко приходилось зимовать — в шалашах да шатрах. Выбирали места на островах, ближе к морю, к южному теплу. Татары не могли достать казаков на воде: они всегда на конях воевали, а казаки, когда надумают, побьются с ними на берегу, нанесут им урон и с добычей уходят на стругах. Однако пока у татар Астрахань не отобрали, на Волге особую осторожность приходилось соблюдать, особенно зимою. Из-за этого казаки перетаскивали струги волоком на Дон и зимовали на речке Хопер. Там они построили городок, многие семьями обзавелись и даже землю пахивали и хлеб сеяли. Места те были глухие — ни татарам, ни царю не ведомые. Так что казаки в спокойствии и благодати могли жить. А

весною отплывали на военный промысел. Свою добычу они в Азов везли, торговали с крымцами и османцами, три пушечки медные купили случаем. А вот пищалей и селитры там не было. Это только на Руси добывать приходилось. Царь Иван Васильевич запрет ввел на продажу оружия иноземным странам, а сами они в таком ремесле слабость имели. Когда же государь стал Астрахань прибираться к рукам, наш атаман и своих товарищей туда привел. В той войне Василь много пищалей взял в запас, желая собрать большое войско и каждого казака пищальником сделать.

После взятия Астрахани на Волге стало вольготнее казакам, легче воевать с Ногайской Ордою, да и крымцев прогонять с дикого поля, которые гуляли там на конях, ловили малые ватаги и продавали пленников в рабство туркам. Для крымцев это главная добыча была, чтобы богатеть. Больше всех этим шакалам причинял неудобства наш атаман. Любил он понуждать их на рукопашный бой, будто бы для своего развлечения. Кровушка молодецкая играла — покою не давала, силушку выплеснуть требовала. Ох и ловок он был в схватке, махая искрометной сабелькой. Там, где по ворогу пройдет, за ним остается проход, прорва. Татары о нем и говорили: прорва, а не человек!

А по-ихнему прорва — это ермак. Вот и прозвали его Ермаком. По той же причине и донской казак Петров стал Ермаком. Может быть, еще были Ермаки, которые лихо рубились, но нам они не встречались...

Татары тогда очень досадовать стали, что теряют власть над полем, и начали засылать послов к нашему государю. Жаловались нечестивые, будто бы казаки хотят поссорить Орду с Русью, что оные самовольно занимают земли по Дону и грозятся Азову, что казаки волжские всякое вспоможение им оказывают и чинят разорения. Ну, а царь-батюшка, как всегда, отрекся от нас, обозвал «беглыми ворами» и дал совет послам — ловить и вешать удальцов. Мало того, поставил царь на всех переправах по Волге и на волоке караулы, а казачьему атаману Филимонову, который за жалование продался царю, наказал других казаков с Волги на Дон не пускать.

Со временем казаки собрали круг и казнили этого атамана, хотя и считался он героем по взятию Астрахани.

Когда перегородили для нас все пути-дороги, тогда-то мы и на Яик перебрались, оставив убежища на Хопре и Медведице. А на Яике засеку сделали. Земли те далекие, пустынные, и убежать всегда можно в море Хвалынское.

В ту пору Ермаку двадцать семь годков минуло, как и государю Грозному, а от взятия Казани уже пять лет прошло. Молод был атаман, всего на два года старше тебя, Иван, а мудростью обладал такую, что любой царский воевода мог позавидовать. Привел-то он

на Яик дружину в пятьсот душ, уподобленную воинскому полку. Разделен он был на сотни с сотниками, пятидесятниками и десятниками, как и ныне, с есаулами и трубачами. Большинство повольников не одно лето гуляло с Ермаком в поле и привыкло порядок блюсти, не обжиралось и не опивалось, принимало все строгости атамана, от коих одна польза была. Тех же гулебщиков, которых принимали в дружину, Ермак наущал, что не потерпит бражничества, буйства и укрытия добычи. А еще говорил им, что слава казачья не только в ратном удалстве и храбрости, но и в добродетели. Без нее, мол, сердце — что тупая сабля, а братство лишено единого духа. Кому не шли впрок эти мудрые слова, тех атаман изгонял. Не позволял он зазря обижать человека, удерживал кровушку проливать без нужды.

Погодя, когда к нам всякие ватаги прибежали и объявились лиходеи, которые не жаловали законы товарищества, бражничали без удержу, смутой занимались и свары затевали, то шибко осерчал на них Ермак. Собрал он атаманов и говорит:

— Расскажу я вам, братья, сказку одну, а вы послушайте да подумайте. По малолетству повезло мне сдружиться со стаею волчьей. Я их не трогал, и они меня терпели. Волки, родством связанные, всегда уважение к человеку проявляют и ходят в стороне от него. Попади к ним грудник человеческий, так волчица вскормит его молоком. Нападают на людей только те волки, которые в шайку собрались, когда их изгнала стая за нарушения ее законов. Видел я, как охоту ведут волки, как заботливы и уважительны к собратьям своим. Место у них одно определено, где пропитание добывать. Гонят там жертву с умом и голосом знаки друг другу подают. Одни сзади и с боков бегут, а другие впереди в засаде таятся. Когда они свалят зверя, то не бросаются враз рвать его на куски, а дожидаются — пока все не сойдутся. Но и тут не забывают волчицу и волчат, несут им долю. А главное — совсем рядом с местом охоты любая живность могла без страха потомство выращивать. Туда заходить запрет был, который волки себе установили. Разумеете, други, что даже у зверя законы есть и добродетель. Неужели мы, люди, дурнее? Не пора ли положить конец буйствам и сваре, а неумных отправить гулять с шакалами? Не поймать нам удачу без ума. Умный казак крепче дубового тына, а у дурака голова сама под саблю просится. Нам бы теперь не беса радовать, а думу думать: где добычу искать, как хлебушек собрать в общий котел, как зиму осилить голодную. Идите и подумайте...

На другой день сошлись опять атаманы и говорят Ермаку:

— Крепко подумали мы сами над словами твоими и с повольниками беседы провели. Все признали правду твою, все наслышаны, что не одною силою, но и умом берешь ты верх над басурмана-

ми — а потому порешили избрать тебя головою над нами. Бери власть и командуй, а мы будем следовать твоим приказам во благо товариществу.

С того часа по-иному дела пошли, всем Ермак дорогу нашел. Одних отправил к Бузану-острову, на протоку Ахтубу, чтобы по Волге купеческие ладьи ловить, других — две тысячи казаков — послал ногайские улусы устрашать, коней у них отбирать, на которых они ездят Русь грабить, главный их город Сарайчик захватить и добычу там богатую взять, освободив пленников и рабов, а сам, отобрав струги большие, способные одолевать волну морскую, поплыл в море синее к Матице-острову, мимо которого ходили на кораблях персы.

Как всегда, между Русью и восточными странами шла бойкая торговля. Товары везли и сухопутьем на верблюдах, и морем, а продажу и мену вели на Астраханском базаре. Из Бухары, Хивы и Ирана доставляли пряности и диковинные фрукты, шелковые ткани, парчи и ковры, жемчуг и драгоценные камни, золотые и серебряные изделия. А с Руси шли седла и уздечки, меха разные и моржовые клыки, холсты и сукна, кожа и одежда, воск и чистый мед в липовых бочонках. Купцы Строгановы возили еще соль и хлеб. Так что было чем поживиться ребятушкам, шарпая заморских и русских купцов. Одно было досадно — не возили оружие и железо. Не желал государь, о чем я уже сказал, чтобы иные страны, получив его, повернули против Руси. Оттого-то с тех времен и по сей день нехристи орудуют только луками со стрелами. Одни турки имеют пушечки огнестрельные и пищали, но и они отказывают в них Орде. Поэтому повольники могли себя обеспечить огнем стрельбищем, участвуя в войне или отбирая оружие у стражи русских купцов. В этом всегда усердствовал наш атаман, наделив каждого казака двумя пищалями.

Собрав за лето добычу на море и на Волге, казаки, переодеваясь в купцов, входили по реке Кутум в Астрахань, к базару, платили пошлину в государеву казну и без препятствий вели торг и мену.

Скоро дошли до нас слухи, что казаки с Дона и черкасы вместе с царскими воеводами побили крымцев, ходили морем на них и много русских полонян освободили. Они погромили турок, сожгли крепость Очаков, воевали крепость Ислам-Кармен, заняли Черкасы и Канев. Но царь отказался принять эти города под свое покровительство, отозвал ратных людей и стал звать казаков на войну с Ливонией.

Если бы государь думал с полного ума, он бы добил крымцев и турок, чтобы снять угрозу с Руси и избавить народ от бед.

Как только ратные люди ушли, крымцы и азовцы стали громить станицы, убивали всех детей и немощных, а здоровых мужи-

ков и девок продавали в рабство. Вольных же атаманов, попавших в их руки, предавали страшным пыткам и казням: живьем сдирали кожу, закапывали в землю и сажали на кол.

Очень гневался Ермак на государя и говорил: «Недобитые враги еще покажут свою месть не только всему Дону, но и всей Руси. Пора бы разуместь станичникам, что малыми ватагами не отстоять волюшку, что следует сбегаться в большое войско и вести свою войну за родимую землю, не надеясь на царя иуду».

Сбылись слова велеречивого атамана. Вскоре Капудан-паша двинулся из Азова по Дону к Переволоке, желая вернуть Астрахань и захватить Волгу. Поплыли по реке каторги, а в них две с половиною тысяч гребцов полонян. Там и греки, и венгры, и албанцы с молдаванами, и казаки рязанские, мещерские да волжские. А по суше шло султанское войско из семнадцати тысяч всадников и сорока тысяч крымских татар. Как против такой силищи устоять? Убежали казаки с Дона, оставив там пустыню для врага.

В то лето на Яике собралось казаков семь тысяч. Стали атаманы совет держать. Предложили горячие головы Ермаку Тимофеевичу, старейшине своему, покинуть края излюбленные, и говорят: «Стань в голове войска и уведи нас с Волги да Яика, где орда ногайская сговорила с султаном турецким извести казаков до единого. Давай позовем еще донских казаков и пойдем скопом воевать Персию. Тут избежим погибели, а там, быть может, отечество найдем».

Выслушал Ермак атаманов, подивился, и отвечает: «Когда приходит беда, то раскрывает глаза, а вас слепцами сделала. Как может дерево без корней жить? Как среди чужого языка, отделенные от Руси морем широким, мы сможем войско сберечь? Не будет там вольницы, а найдем един конец без славы. Другая думка у меня есть — чинить всякие неудобства султану. Пока стоит лето — будем палить огнем степи, чтобы басурманские кони прокорму не имели, будем на его пути уводить людей из деревень и угонять скотину, засыпем все колодцы песком, а ночами темными станем наносить удары скоротечные. Или мы, братцы, разучились бердышами и саблями урон наносить? Или пищали наши ржа съела? Не жить казакам без Волги, без Астрахани, и отдавать их нельзя. Кому смерть на бою не написана — того не убьют, а в животе Бог волен. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Постараемся до зимы, а тогда и побегут басурманы от холода да голода».

Как говорил Ермак, так и вышло. В сентябре Капудан-паша стал строить лагерь осадный на Волге против Астрахани, а янычары взбунтовались с отказом зимовать. А на Царицыне острове у Переволоки объявился воевода — князь Петр Серебряный с ратью и донскими казаками, которые покинули свои станицы. Тогда тур-

ки, простояв десять дней, сожгли свой лагерь и бежали к Азову. Многие из них полегли в поле от голода и без воды.

Но эта беда, пережитая от недомыслия государя, была только началом бед. Хан Давлет-Гирей, собрав войско в сорок тысяч и призвав к себе отряды из Большой и Малой ногайских Орд, напал на Москву и пожег ее всю, взорвав пороховые погреба под башнями Кремля. Наш царь Ивашка испугался и убежал в леса северные, а оттуда написал хану, что готов поступиться Астраханью в обмен на союз с Русью. Но, благодарение Богу, супостат отказал в союзе. Он уверовал, что сможет без всяких условий прибрать и Астрахань, и Казань, и Москву, — и выдал загодя своим купцам грамоту с льготою торговли по всей Волге.

Как только наступило тяжкое время, государь перестал чинить неудобства казакам, снял все караулы по Волге и зазывал гулебщиков себе в помощь за жалование. Часть волжских атаманов польстилась на обещания царя, но Ермак, как всегда, не захотел идти в услужение злохитроственному и лживому тирану. Пользуясь случаем снискать милость царя, купцы Строгановы наняли за счет своей казны тысячу казаков и отправили их на Оку для защиты Москвы. Те же атаманы, что остались с Ермаком, продолжали войну с ногаями, наказывая их за вылазки на Русь, и при случае отбирали товары у купцов и послов. Помню, как мы напали на английские корабли близ Астрахани небольшим отрядом, в сто пятьдесят душ. Сначала стрельба шла с обеих сторон, а когда баграми зацепились и в их ладьи попрыгали, то тут враз казаки взяли верх. Хотя и потеряли мы четырнадцать человек убитыми и тридцать ранеными, но англичане, ради спасения своих жизней, отдали нам все корабли, все товары — сукна разноцветные, посуду оловянную и другое добро.

Царь гневался, что мы многие грабежи и убытки чинили его казне, и посылал малые отряды, чтобы нас унять. Но мы их прогоняли. Теперь же, когда бунтует черемиса, государь решил разделаться разом с нею и с нами. Потому и сидим мы теперь в этом курене...

Закончив столь длинное повествование, Савва сжал ладонями голову и сказал:

— Устал я, братцы. Где моя бывая сила? Эх...

Учтиво поблагодарив старика, пообещав проявлять о нем заботу, Черкас и Брызга удалились. Они долго не могли уснуть, припоминая события из сказки.

В это время Ермак провожал в дальний и опасный путь конные отряды Якова Михайлова и Грозы Ивановича.

Глава 6

СТРОГАНОВЫ

7085 год от сотворения мира.

Февраль 1577 года.

С сентября, первого месяца 85-го года, на именитое купеческое семейство Строгановых стали обрушиваться непредвиденные бедствия.

Сначала, во время сна, умер шестидесятилетний Григорий Аникиевич, который никогда не болел, был полон энергии и строил многие планы на будущее, надеясь дожить, как и его отец Аника, до восьмидесяти годов. Поэтому смерть его явилась для всех полной неожиданностью и ввергла в глубокое уныние шестнадцатилетнего сына Никиту. Этот юноша, в отличие от отца, был слаб не только телом, но и духом, пребывая в постоянной меланхолии. Его не интересовала ни торговля, ни ратные дела, а тем более управление огромной вотчиной, растянувшейся на 146 верст по реке Каме, от крепости Кергедон, стоящей на Орловском волоке и названной слободой Орел, до устья реки Чусовой.

Через пять месяцев, в феврале этого же года, слег в постель с тяжелым недугом Яков Аникиевич, брат Григория. Ни семейный доктор, ни привезенные заморские врачи не могли толком определить суть болезни, беспомощно разводили руками, предполагая внутреннее гниение, и говорили, что все в руках только Бога. Семен Аникиевич, самый младший из братьев, пятидесятилетний сухопарый старик с козлиной бородкой, неотступно хлопотал у постели больного. Он поил его настоями и отварами трав, в которых знал толк, но никаких улучшений не мог добиться. Яков умирал медленно, с болями в груди и животе.

Его сын Максим, тридцатилетний здоровяк, который уже поднаторел в делах отца, взвалил на себя все заботы по управлению, и лишь в особых случаях спрашивал совета у больного.

Яков лежал на пуховой постели в хоромах Чусовского городка, который из бывшего небольшого острожка превратился за последние десять лет в настоящую крепость, то есть с того времени, как государь Иван Васильевич пожаловал ему земли от устья Чусовой вниз по Каме на двадцать верст, до Ласвинского бора. Городок отстоял от устья на сто верст — и это было не случайно. Верховья Чусовой и ее притока Сылвы были заселены племенами, добывающими охотой драгоценные меха. Там же склоны каменного хребта были богаты железной рудой, свинцом и серебром.

Чувствуя, что жить ему осталось недолго, Яков собрал у своей постели Максима, Никиту и Семена Аникиевича.

— Я умираю и хочу напоследок завещать вам свои думы, — сказал он, медленно подбирая слова. — Говорить мне тяжело, и поэтому не перебивайте и слушайте...

Он помолчал, собираясь с мыслями и силами, и продолжал:

— Когда умер отец Аникий, мы, братья, потеряли былую связь семьи, обрета свободу и радуясь ей. По этой причине сундуки у каждого из нас не пополнялись, а скудели. Суров и жесток был отец, но он пекся, чтобы все мыплыли по одному руслу, к одной цели. Но мы утратили благостные традиции...

Взяв с прикроватного столика ковш и отхлебнув водицы, Яков поморщился от внутренней боли и заговорил о старине:

— От отца Аникия были мы слышаны о наших дедах и прадедах. Роду мы знатного, татарского, но все двести лет, со времени, как избрали отечеством ростовские земли Руси, покинув Золотую Орду и перейдя под руку Дмитрия Ивановича Донского, нас не зовут иначе, как мужиками. От этой обиды ни один правитель не пожелал нас защитить, хотя мы и заслужили титулов. Когда прародителю нашему, мурзе Спиридону, ордынский хан сострогал мясо с костей и замучил до смерти — за что и прозвали нас Строгановыми, — то мог бы князь Донской возблагодарить сына Спиридонова, но он не сделал этого. Потом, когда Лука, внук Спиридона и дед нашего отца, откупил из Казанского плена Великого князя Руси Василия Темного, то и тот его ничем не пожаловал, а его сын Великий князь Иоанн Васильевич и вовсе забыл об услужении купеческой казной. В то время дед Лука был в Новгороде и вел торговлю с иноземными странами, а Великий князь, за непокорность новгородцев, опутал цепями городскую знать и купцов, собираясь лишить их жизни. Тогда-то Лука от страха смерти и казни убежал со всем домом в Великий Устюг, а оттуда уже отец Аникий ушел на реку Вычегду, где в двадцать четвертом году стал соль варить. На этой соли и выросло богатство.

— Отец, — прервал его Максим, — ты слаб и устал. Может быть, после еще поговорим?

— Нет... Вдруг завтра уже ничего не смогу сказать... Помолчи, сынок. Твой дед, а мой отец, не только соль варил на Вычегде, а занимался еще обширной торговлей, основывая фактории на Кольском берегу, на Северной Двине, на Волге и в Печерском крае. Тогда-то он понял, какую выгоду может дать мягкая рухлядь: соболь, лисица и другие пушные звери, — и стал присматривать место на Каме. Он не стал испрашивать царского позволения, а тайно вступил в переговоры с Казанским ханством, которое имело большой интерес к купцам. Так появилась торговая контора здесь, на Чусовой. Когда же Казань пала, отец послал к царю Григория, чтобы просить пустынные земли на Каме.

А я с прошением был в Москве спустя десять лет, за два лета до смерти батюшки. Не долго Господь ссудил мне хозяйствовать на своей вотчине... Государю царю оказались на руку наши прошения, он способствовал закреплению восточных рубежей, разрешая переселение россиян, чтобы пашни пахать и хлеб растить, да варить соль, да остроги строить и ратных людей держать, да пушки лить и селитру добывать. Ни один князь да боярин не имеют таких прав на Руси, какие нам даны, какую льготу по освобождению от налогов имеем на двадцать лет. Оградил нас государь и от пермских наместников, чтобы самим судить и казнить вотчинных холопьев. И в опричнину нас взял. Мы в благодарность тоже старались, добывали гагачий пух для постелей его и жен, всякие заморские диковины, собирали ясак с местных племен в его казну, соболя да лисицу, но так и не дождались титулов — остались мужиками. Ныне же наступает тяжелое время: через лето кончается льгота и приедут писцы описывать имущество для налога, татары, вогулы и остяки — данники царя — отказали давать ясак, находясь под запретом и страхом смерти от сибирского салтана Кучума, прибравшего себе и нашу факторию на Тахчее за Каменным Поясом. Как оправдаемся теперь перед государем, когда сами домогались того, что утрачено? Принеси-ка, Максимушка, цареву грамоту и зачитай, а мы еще раз подумаем — как нам быть?

Максим принес грамоту, подписанную государем 30 мая 7083 года, и стал читать:

«Яз царь и Великий князь Иван Васильевич всея России Якова да Григория Оникиевых детей Строганова, по их челобитью, пожаловал: на Тахчее и на Тоболе реке крепости им поделати и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников, и сторожей от сибирских и от ногайских людей держать, и околь крепостей у железного промысла, и у рыбных ловель и у пашен по обе стороны Тобылы реки и по рекам и по озерам и до вершины дворы ставити, и лес сечи, и пашни пахать и угодыя владети...»

От волнения Максим вспотел и смахнул со лба капли пота. Глубоко вздохнув, он собрался продолжить чтение, но Яков прервал его и сказал:

— Ты, сынок, не все читай, а еще то место, где о других реках сказывается.

— Добре, батя, сейчас отыщу, — Максим поводит пальцем по строкам и прочитал:

«... также есми Якова и Григория пожаловал: на Иртыше и на Оби и на иных реках, где пригодитца, для бережения и охочим на опочив крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати. А на сибирского хана Якову и Григорию, забирая охочих людей, и остяков, и вогулич, и югрич и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцев имати...»

— Помнишь, брат, — вступил в разговор Семен Аникиевич, — помнишь, как Кучум рать с князем Лыченициным разбил, захватив все пушки и зелье, как не убоялся царского посла, сына боярского Третьяка Чубукова и служилых татар с ним поголовно перебить, как все наши деревни и починки здесь, на Чусовой, ханский воевода Маметкул пожег и людей угнал в полон — помнишь? Нам себя бы защитить... Что, если спросит государь: «О чем вы думали, мужики — головы бараньи?» Чем оправдаемся?

— И я к тому речь веду, — сказал Яков Аникиевич. — Если спросит царь, то скажите... А может, и без спросу опередите его, говоря, что хан Кучум-богатырь, как зовут его татары, призвал к себе конницу Ногайской Орды и Пелымского князя Кихека, у которого семь сотен вогульских воинов, что хан имеет какие-то планы против Руси, о чем мы догадываемся, засылая в Сибирь своих лазутчиков. Пошлите царю такой донос и отпишите, что ясак собрать невозможно.

— Мы собрали уже тысячу соболей, пятьдесят лисиц и десять бобров, — известил Максим.

— Об этом умолчите... Утаите от царской казны, — посоветовал Яков. — Мы и так скоро ничего не сможем собрать. Одна надежда, что вы не оставите затею ходить в Обь реку с северного моря и там торговать с племенами, опередив англичан, которые туда настроены влезть. Но держите это в великой тайне от государя. А о доносе на Кучума хочу еще совет дать. Если царь все же осерчает, то валите все промашки на меня и Григория. Какой спрос с покойников? Под эту опасность от хана — просите разрешения казаков нанимать, чтобы сберечь вотчину от разорения и от татар, и от окрестных племен, которые бунтуют.

— Где их взять, казаков-то? — сказал Семен Аникиевич, выразив сомнение. — Все служилые казаки под государевой рукой в

Ливонии воюют, а на вольных, воровских, он запрет наложил. Да и пойдут ли они к нам в услужение?

— Может, и пойдут. А государю не обязательно знать — каких вы казаков наймете.

— А вдруг Чердынский воевода под подозрение нас подведет? — высказался неожиданно Никита.

— Отраднo слышать от тебя умное слово, — сказал Яков Аникиевич. — Ты всех ближе к нему в своей слободе, да мы роднее. Нужно князя Ивана Михайловича Елецкого не забывать одаривать по праздникам и всякому случаю, чтобы не терять нынешней дружбы. Он и не выдаст. И Пелепелицину, что состоит товарищем при нем, не дозволит доносы писать.

— Дело не только в этом, — вмешался Семен Аникиевич, — доходы наши чуть ли не вдвое сократились, половина варниц стоит без людей после разорения черемисою и вогуличами, неурожай был на зерно. Если ранее мы на Астрахань отправляли восемнадцать тысяч пудов зерна, то ныне только около десяти. Как сможем содержать войско казаков?

— Сможете, если хорошо подумаете, — уже как-то вяло отвечал Яков Аникиевич. Силы оставляли его. — Не каждый день у нас война идет, а казаки народ мастеровой. Среди них и землепашцев много. Вот и поднимите земли пустые, непаханные, которые у нас без дохода на семьдесят верст лежат по Каме. А за кабалу хлебом расплатитесь...

Однако Семен Аникиевич не был удовлетворен. Он стал нервно подергиваться, вскакивать с места, потрясая бородкой и размахивая руками, забыв, что находится у постели умирающего. Он возражал, возвращаясь к сказанному:

— Очень накладно обойдутся нам казаки. Не станут они, придя на защиту вотчины, брать в руки мотыги вместо сабли. Надо просить государя, чтобы повелел Чердыне защитить наши вотчины. А мы подождем лета, пока Брюнель не вернется с Оби с мягкой рухлядью.

— И то дело... Неустанно прокладывайте морской путь на Обь... — тихо произнес Яков Аникиевич, впадая то ли в сон, то ли в забытье.

Все сородичи приумолкли и призадумались. Их мысли невольно обратились к персоне Брюнеля.

Несколько лет назад уроженец Брюсселя, голландец Брюнель, прибыл по торговым делам в Холмогоры. В то время англичане сумели уговорить государя Ивана Васильевича на выдачу им грамоты на беспрепятственное плавание по северному морю и торговлю на российских берегах. Остальным государствам на это был дан запрет. Англичане, увидев незаконного конкурента, не замедлили

известить о контрабандной торговле Москву. Брюнель был арестован с обвинением в шпионаже и посажен в тюрьму в Ярославле, где просидел около пяти лет.

Строгановы, часто закупая по тюрьмам пленников для использования их в своих вотчинах в качестве рабочих, заинтересовались знатным мореходом и выкупили его для службы у себя, поручившись за него перед властями. Они долго присматривались к нему, не решаясь посвящать его во все свои дела. Поскольку торговлю с сибирскими племенами, свои экспедиции за Каменный Пояс, они держали в тайне, Брюнель не сразу попал в круг посвященных, а только после того, как снискал доверие. Сначала Строгановы взяли его с собою на Обь, при поездке туда сухопутным через страну самоедов, а затем — морем, с плаванием по реке Печере. Уверовав в Брюнеля, Строгановы поручили ему строительство морских кораблей на верфях в устье Двины и налаживание регулярной торговли по морю. Для строительства кораблей Брюнель нанял русских плотников, а для присмотра за ними поставил пленных шведов.

В это лето Брюнелю было поручено закупить пушнину на Оби, отвезти ее в Дордрехт и там продать. Барыши ожидалась великие.

Первым прервал молчание Семен Аникиевич. Он искоса взглянул на тяжело дышащего брата и сказал, обращаясь к племянникам:

— Торговля на море — наше общее дело. Каждый должен вкладывать деньги и получать долю своей прибыли. Сегодня самый раз поручить Брюнелю нанять искусных лоцманов и моряков для двух новых кораблей. На это потребуется щедрое вознаграждение, дабы соблазнить иноземных спецов покинуть свое отечество и отправиться на Русь в услужение нашему дому.

Ковыряя в носу, Никита сказал:

— Море морем, а у меня сегодня всего девяносто два двора, и семь варниц стоит. Трубы соляные и кладези песком засыпаны, некому соль варить и кули таскать, дрова сечь к соляному варению. Давайте пошлем приказчиков в Устюг и Вологду, чтобы наняли казачих работниц и ярыжек. А пленных можно выкупить у горных черемисов, которые бунтуют и наших людей побрали. Они много не запросят, так как кормить накладно до лета, а потом на рынок их везти — не ближний путь и опасливый. Это мне мой управляющий советует, но без вас я решать не стал.

— Резон говоришь. Так и поступим сообща, — одобрил Семен Аникиевич.

— А я согласен с отцом, что казаков нанимать надо, — сказал Максим. — Как по весне льды уйдут, так и отправлю посольство на Волгу. Что касается походов на Обь через море студеное Мангазей-

ское, так я казны не пожалею. Туда бы казаков послать, чтобы потопили аглицкие суда, если сунутся.

Услышав, как больной вскрикнул и застонал во сне или беспмятстве, Максим и Никита понимающе переглянулись и на цыпочках вышли из покоев. Семен Аникиевич взял было сосуд с отваром, но передумал, не желая будить страдальца, и быстрыми шажками вышел вон.

На следующее утро Яков Аникиевич преставился. Его отпевал иерей в господской церквушке. В отличие от хором, где удобство проживания брало верх над роскошью, храм Божий блистал золотыми украшениями, золототкаными пеленами, узорчатыми решетками и мозаикой, церковными чашками и паникадилами тончайшей ювелирной работы. Проститься с покойным прибыл князь, воевода из Чердыни, пермский наместник государя — Иван Михайлович Елецкий.

Так как смерть прибрала Якова Аникиевича зимой, то, по русскому обычаю, его не спешили хоронить, отложив погребение на восьмой день. Умерший покоился под закрытой крышкой гроба, а священник осуществлял каждодневно литургию и панихиды. К поминкам Строгановы стали заранее готовиться, составляя списки приглашенных и перечни блюд к поминальным обедам: на третий день, девятый, двенадцатый и сороковой. Все веровали, что в третий день ангел Господень приводит душу на поклонение Богу. С этого дня начинаются путешествия ее с ангелом, который показывает ей блаженство рая и муки ада. В девятый и двенадцатый дни ей дается отдых. Душа, еще сохраняя земные привязанности, слетает в те места, где жила с телом, и посещает его в гробу. А на сороковой день ангел приводит ее снова к Богу и ей назначается место по заслугам.

На восьмой день, перед тем как опустить гроб в могилу, открыли крышку, чтобы родственники могли проститься с Яковом Аникиевичем, а затем допустить к прощанию всех желающих.

Перед погребением священник вложил в руки покойного отпустительную грамоту. Когда захоронение было завершено и на семейном кладбище появилась третья каменная плита, священник поднес образа. Каждый трижды подходил к образам и целовал их, и трижды ел кутью, захватывая ее пальцами из большой чаши.

Князь Елецкий прибыл за два часа до похорон, преодолев по заснеженной пустыне триста верст. Он приехал в роскошных расписных санях-розвальнях, запряженных тройкой вороных скакунов. Спереди и сзади его сопровождало по двадцать пять конных стрельцов. Князя поселили в лучших покоях усадьбы на втором этаже, а стрельцов распределили по домам дворовых людей.

На следующий день состоялся поминальный обед.

Для дворни, служилых и ратных людей раздали десять ведер браги, выкатили две бочки некрепкого смородинного меда и выдали разные соленья, разрешив собираться на поминки только по своим домам или на открытом месте, в стороне от хозяйских строений, дабы избежать пожара от хмельной неосторожности обращения с огнем. Большинство поминальников предпочло последнее, стремясь к объединению, и расположилось на снегу большими группами у ярко вспыхнувших костров.

В гостинной палате, для приглашенных приказчиков и любимцев, было составлено несколько дубовых столов и расставлена оловянная посуда, что считалось роскошью. Сами Строгановы, вместе с князем Елецким, уселись за отдельный стол из орехового дерева на резных ножках. Все выглядело как и подобает в богатых домах. Но особенность сервировки господского стола обращала внимание своей необычностью. Князь не однажды бывал и на царских, и на боярских трапезах, но никогда не видел, чтобы перед каждым едоком ставили блюда и клали ложку с вилок, да еще все из чистейшего серебра. Обычно все кушанья разносились на больших блюдах и в чашах, из которых ели, как из общего котла, а гости всегда приходили со своими ложками, которые постоянно носили с собою, засунув их за пояс рядом с кинжалом. В то же время, если количество и изысканность блюд, которые подавали на поминальном обеде у Строгановых, и проигрывало в сравнении с царскими трапезами, то, несомненно, значительно превосходило угощения у именитых сановников, князей и бояр, многие из которых не всегда могли позволить себе покупку новой шубы, изнашивая одну и ту же десять, а то и пятнадцать лет, а ели и пили у них из простой деревянной посуды с позолотой по краям, или, в лучшем случае, из оловянной.

Семен Аникиевич, взяв на себя старшинство на поминальном обеде, начал с того, что подозвал служку и громко, чтобы слышали все, распорядился:

— А ну-ка, братец, все на стол мечи, что есть в печи! Любил Яков и попить, и поесть — так и мы не оплошаем в память о нем.

Обслуга из двадцати человек, ожидающая команды, тут же забегала, засуетилась, загружая столы кувшинами, чашами, ендовами, черпаками, кубками и чарками. От разнообразия и обилия хмельного питья у всех захватывало дух. Была тут и романея, закупленная в Архангельске у ганзейских купцов, и венгерское вино, и греческое, и канарское — мальвазия, и вишневая наливка, и мед черемховый и малиновый, и, в довершение всего, установили на полу огромную бочку с пивом, обвешенную черпаками, а рядом с князем водрузили на стол литой бочонок из серебра с четырьмя ручками, наполненный старым медом.

Вслед за напитками последовала ароматная просфора из отборной пшеничной муки, которая несколько поуменьшила восторги гостей, напомнив, что собрались-то все не по случаю праздника, а на поминки. Из жаркого, как было принято, первыми появились румяные лебеди, восседающие на блюдах с головами на изогнутых шеях, за ними последовали гуси под хреном, начиненные гречневой кашей, и неизменные зимние кушанья: запеченные рябчики и тетерева, приправленные молоком, и куропатки на вертелах. К зайцам, так же запеченным целиком, подали репу, нарезанную кружками; баранина плавала в чесночном соусе, чесноком были нашпигованы олени, лосиновые и медвежьи окорока. Рыбных блюд было немного: копченый балык из осетрины, стерляжья уха и зернистая икра осетра с уксусом. Соленые рыжики, грузди, огурцы и яблоки заполняли с десятков деревянных корытц.

Все, что попадало на столы, поедалось с удивительной поспешностью и прожорливостью. Тосты следовали один за другим с минутными перерывами, служки наполняли кубки до самых краев, как только они пустели, а осушать их, не ставя на стол, следовало одним махом. От такой попойки гости быстро хмелели и впадали в беспамятство, их подхватывали под руки и уводили домой.

Семен Аникиевич, словно коршун, следил цепким взглядом за всем происходящим, то и дело подзывал к себе старшего по обслуге и отдавал краткие распоряжения. Когда, наконец, помещение опустело, Семен Аникиевич удовлетворенно ослабил и сказал:

— Теперь можно без холопов помянуть Якова, а потом в беседе да неспешной трапезе приятно скоротать время.

В эту минуту хозяева и князь были в полной трезвости, так как сообща следовали задуманной хитрости. В то же время Елецкий не догадывался, что обилие и изысканность питейных напитков и еды, растраченных на приказчиков, это не признак щедрости и душевной широты хозяев, а лукавство, желание поразить воображение именитого гостя. Главное, чтобы нужный человек уверовал в твое могущество, а потом и поплакаться можно ради выгоды.

Трижды помянув Якова, выпив за здоровье каждого из присутствующих, Строгановы и князь повели непринужденный разговор. Со стола были убраны объедки и поданы свежие блюда: куропатки и рябчики на вертеле, гусь, запеченный с яблоками, и потроха лебязки под медвяным взваром. Одновременно принесли десерт: пироги с творогом и яйцом, вытянутые хворосты, пастилу из яблок, сваренный в сахаре изюм и имбирь, разные взвары из винных ягод с медом, и изготовленные из сахара фигурки лебедей, орлов и теремов.

Обилие сахара и блюд с его использованием особо выставлялось напоказ, подчеркивая зажиточность, так как этот продукт завозился из западных стран и являлся редким лакомством.

Воспользовавшись замечанием Елецкого, что хозяева не одним хлебом-солью богаты, Семен Аникиевич удрученно покачал головой и сказал:

— Было богатство, было — да уплыло. Теперь еле концы сводим. Еле-еле душа в теле, как говорят. Совсем худо стало...

— Что так? — недоверчиво спросил Елецкий.

— А сам посуди-рассуди, Иван Михайлович. Ранее вся прибыль на торговлю шла — мы и горя не знали. Не было такого воровства, как в нынешнее время. Теперь воздаем хвалу Господу, ежели из трех караванов хоть один до места дойдет. Одна отрада, что на Вычегде соль варим, где промыслы никто не разоряет, да на морских путях в Архангельск разбойников нет. А тут, погляди, везде пепелища. Из двадцати семи соляных варниц — добрая половина стоит. А на них — ой, сколько капитала загублено! Нет спокойствия от окрестных племен. Недавно еще один острожек поставили — это уже пятый по вотчине.

— Где же этот острог соорудили? — заинтересовался Елецкий. — Я его на карте у себя помечу.

— А на Сылве. С той стороны остяки повадились наши починки разорять. Вот куда денежки текут. Нам бы рудознатцев да хлебопашцев брать в кабалу, а мы ратных людей ищем, всяких воротников и сторожей. А где их взять теперь, ежели наш государь царь всех мужиков да казаков на Ливонскую войну прибрал?

— Желаячи — можно и найти, — убежденно сказал Елецкий. — Помню, как от вас на Оку тысяча казаков пришла, когда крымские татары на Москву двинулись.

— Так тому уже пять лет сроку, — возразил Семен Аникиевич. — Мы тогда все свои деревни обобрали ради защиты России, а после пришлось по тюрьмам пленных себе скупать, чтобы возместить потерю. С тех времен и начались наши беды...

Прервав беседу, вошел караульный казак и смущенно затоптался у порога.

— Что тебе надобно? — грозно спросил Максим. — Али ты не знал, что тут отца поминаем? Как посмел?

После такого окрика казак не растерялся, а, напротив, выпрямился и произнес с достоинством:

— А вот и посмел, так как гонец с Сылвы прибыл. Там остяки снова объявились, но семьи успели укрыться в остроге. Служилые в ярости и хотят выйти из крепости для боя. Спрашивают — как им поступить?

Семен Аникиевич и Максим переглянулись.

— Что делать будем? — спросил Максим.

— Ума не приложу... Из острога нельзя высовываться, ибо людей потеряем от лучных выстрелов. И так там стража мала. Пусть попугают нечестивцев огненным снарядом, не жалеючи зелья.

— Слыхал, что дядя сказал? — обратился Максим к казаку.

— Как не слышать? Слыхал... По мне бы — так я на драку пошел проучить саблей, чтобы наперед отвадить.

— Пока от драки воздержимся. О том и передай приказ. А днями я приеду с сотней конников. Тогда и порешим, как наказать воров. Если потребуется, то и до их юрт доберемся и освободим пленников, и жен отберем у них в науку, и выкуп запросим немалый, и жилища их в отместку сожжем. Ступай!

— Хороша ложка к обеду! — сказал казак и удалился.

Семен Аникиевич посмотрел в глаза князю.

— Убедился, Иван Михайлович, что без вранья мои слова? — спросил он. — Сегодня мы живы, а что завтра с нами будет — один Господь Бог знает. Не мог бы ты, князь, как воевода Пермского края, оказать нам помощь ратью из гарнизона, чтобы обидчиков наказать?

Елецкий горестно усмехнулся, скривив губы.

— О какой рати можно речь вести? Так — небольшой отряд. Царь считает, что сибирский хан — данник его, хотя все вовсе и не так, и жалеет казны на порубежную охрану. Оттого у нас и стрельцов мало, и живем бедно. Как тут помогать? Себя бы защитить.

— От кого, князь? Племена-то все тут, на Чусовой да Сылве.

— А про пелымцев забыл? Они в любую минуту под Чердынь могут придти по наказу Кучума. У них с той стороны хребта свой выход есть, который держат в тайне. Те пелымцы куда страшнее ваших остяков. Остяки и воевать-то не умеют, а пелымцы искусные воины.

— Худо, худо... Где же нам защиты искать? — запричитал Семен Аникиевич, бросив лукавый взгляд на князя. — Если бы не запрет государя, то можно было бы воровских казаков на службу сманить. Они-то самые лучшие воины. Они, может быть, и постарались бы заслужить тут прощение царя.

Елецкий изучающим взглядом обвел лица Строгановых, улыбнулся и сказал:

— Вы сами за себя в ответе. А я ничего не знаю и знать не желаю.

— Да и откуда знать? — поддакнул Семен Аникиевич. — За триста попрощ-то? Были бы мы ближними соседями, так и за столы чаще садились бы и все друг о друге знали. А так... Даль-то какая! Небось, Иван Михайлович, пока доехал к нам в санях по морозу, то насквозь прозяб? К слову сказано, наши искусницы шубу соболью пошили. Может, по плечу тебе придется?

Сказав о шубе, Семен Аникиевич поспешил сменить тему разговора.

— Я обещал одну диковину показать... — он сделал загадочное лицо и достал из-под полы небольшой пузырек с прозрачной жидкостью. — Вот она, диковина... Это водка. Говорят, что ее изготавливают аравийские схимники из простой воды с помощью философского камня, а пьют понемногу, даже каплями, как лекарство.

Елецкий взял пузырек, откупорил его и понюхал содержимое.

— А это не брага? — спросил он.

— Попробуй, попробуй! Тогда и скажешь, — поощрил Семен Аникиевич. — Налей себе чарку!

Елецкий налил и выпил мелкими глотками.

— Крепка-а, — сказал он одобрительно, — и не воняет, как брага.

Семен Аникиевич радостно всплеснул руками.

— Вот видишь, видишь — я же говорил, что диковина. Дам тебе, князь, в дорогу такой же пузырек. Ну, а еще и бочонок романеи для преодоления скуки в пути. Когда еще свидимся? А то приезжай просто так, без причины. Отдохнем, попьем, на зверя с пищалями сходим. Не все же одними делами заниматься.

— Князь может ко мне наезжать, — вмешался в разговор Никита, — до меня всего-то сто поприщ. Ты, Иван Михайлович, не смотри, что я мал да вял. Обещаю подрасти скоро. А вял я от того, что скука. Даже басурманы обходят стороной мою крепость.

— Тьфу! Типун тебе на язык! — возмутился Семен Аникиевич и не удержался, выругался крепким словом, после чего перекрестил рот. — Ты, Никитушка, племянничек, чем беду звать, повели-ка своим оружейникам пищали впрок делать. Авось, скоро понадобятся.

— Повелю. Однако я приглашаю князя крепость мою осмотреть и подсказать — где слабина в обороне есть. Потом из пушек попадим по цели. А лебедей жарить и мои повара умеют.

— Тебе, брат, только бы развлечение найти. Пора детские игры бросать и делами заниматься, — упрекнул Максим. — Я, к примеру, хотел бы от князя по очень важному делу совет получить.

— О чем совет? — заинтересовался Елецкий.

— О сибирской стороне. Отписал нам царь Иван Васильевич, чтобы мы там крепости строили, с салтаном Кучумом воевали и сибирцев в полон брали. А какие у нас силы есть для этого? Не попадем ли в опалу от своей немощи?

— У нашего государя можно в опалу попасть и от ладанки на шее, — грустно заметил Елецкий. — Как мочь одолеть целое государство без великого войска? На это и царь Иван Василье-

вич не рассчитывает. Кучум ему писал как-то: если хочешь, мол, то подружимся, а если воевать надумаешь, то повоюем. Если царь всея Руси не может с ним управиться, то какое волшебство вам поможет?

— Пожалуй, нет такого волшебства, — согласился Максим. — Будем думать, как свои деревни и починки уберечь. О том и отец советовал... А какие слухи из Москвы идут?

— Слухи самые дурные. В январе на осаде Ревеля погиб старший полководец, князь Иван Васильевич Шереметьев. Теперь государь грамоту разослал во все концы России, собирает войско несметное, хочет сам на Ливонию пойти.

— Ой-ой-ой, — схватился за голову Семен Аникиевич. — Это значит, что беда и нас не обойдет. Опять ущерб казне.

— Да-да, — подтвердил князь, — готовься сундуки открывать.

Пробеседовав, таким образом, еще несколько часов, изрядно захмелев и отяжелев, хозяева и гость разбрелись с помощью слуг по своим спальням. Засыпая, Семен Аникиевич умильно бормотал: «Так-так, князюшка... Теперь ты весь наш, светлейший... Не продашь... Не выдашь... Ох-хо-хо...»

На следующее утро дворовые высыпали за ворота провожать гостей. Благодарные стрельцы обнимались с мужиками, успев за ночь подружиться, и неуклюже залезали на коней, находясь еще во власти остатков хмеля.

Погода обещала быть благоприятной для возвращающихся в порубежную крепость Чердынь. Безоблачное небо отдавало нежной бирюзой, низкое солнце слепило глаза и рассыпалось мерцающими звездочками по снежной безбрежности. Черным пунктиром по близне выстроились всадники. А в центре, в розвальнях, сидел Иван Михайлович Елецкий, развалясь в новой собольей шубе, с бочонком романи под ногами.

Глава 7

КУДА СЕРДЦЕ ЗОВЕТ

7086 год от сотворения мира.

Весна 1578 года.

Зима не показалась длинной, так как атаманы не давали повольникам заскучать от безделья. Только всплески крепких морозов и бесноватых метелей временно загоняли людей в землянки. В остальное время шла интенсивная подготовка к предстоящим походам. Между теми казаками, которые собирались вернуться на низовья Волги, распределили лошадей, и с этого времени каждую из них ухаживал свой хозяин. Коней досыта кормили, холили, накрывая попонами из войлока или сукна, затыкали щели в загонах, ликвидируя сквозняки, не давали застояться в стойлах, делая разминки верховой ездой.

Ежедневно, не менее двух часов, проходили учения и тренировки по сабельному бою, метанию копья, стрельбе из лука, бою на бердышах и простой рукопашной борьбе. Пристрелкой огнестрельного оружия занимались весьма редко, экономя порох. Однако пищали регулярно чистили и смазывали жиром. За грязное оружие нерадивого пищальника подвергали наказанию: либо сажали на цепь, либо всыпали десяток ударов плетью.

После того, как вернулись от чувашей экспедиции Ивана Грозы и Якова Михайлова с зерном, Ермак выделил группу умельцев по выпечке хлеба и поручил ей заготовку сухарей. Для хранения сухарей, защиты их от влаги, изготавливали бочки с отверстиями и притертыми деревянными пробками.

Не было на зимовье такого человека, для которого не находилось бы полезного дела. Все, что делалось зимою, обеспечивало и повседневные потребности, и предстоящий поход.

Атаманы и есаулы, сделав свой выбор на лето, вели себя уверенно и целеустремленно, чего нельзя было сказать о всех поволь-

никах. Среди казаков шло брожение, возникали горячие споры, высказывались сомнения по поводу правильности намерений своих начальников, некоторые требовали собрать общий круг. Но атаманы оставались невозмутимы и говорили смутьянам, что никого не неволят идти за собой, что у каждого есть свободный выбор: Волга, Яик или Кама, а других путей нет. Если же есть такие, что желают уйти на Дон или еще куда-то, то пусть отделяются в ватагу и гуляют по своему усмотрению.

Иван Кольцо, собрав своих казаков, заявил:

— Можете решать — в какую сторону идти. Если большинство не хочет на Волгу, то я слагаю с себя атаманство и уйду один, или с теми, кто со мною заодно. Остальные пусть идут под руку Ермака. Не забывайте, что он старейшина, и любой атаман, коего вы выберете, будет под его властью. Если моя власть вам опостыхла, идите под другую.

Казаки растерялись от такой категоричности заявления. К Ивану Кольцо привыкли, его уважали и любили, и не хотели другого атамана. Он был и смел, и удачлив, и расчетлив в совершении военных хитростей, и дерзок в завязывании открытого боя. Он не докучал своим повольникам мелкими придирками, разрешал им делить добычу и играть в азартные игры. Это нравилось его казакам, и они насмешливо отзывались об общей казне ермаковцев. Кроме того, все знали, что старшинство Кольцо признают Никита Пан и Савва Болдыря. Поэтому, когда возникла потребность выбора, повольники не захотели пожертвовать своею привязанностью и сохранили верность своему атаману. Так, в трудную минуту, имея в соперниках всеми признанного старейшину волжского казачества, Кольцо одержал победу.

Подобным образом поступили и другие атаманы, не желающие идти на Каму. Поэтому вскоре всякое брожение угасло.

К Ермаку и его атаманам в основном примкнули новые губебщники, опасющиеся царских пушек и виселиц. Ермак не отказывал никому в таком желании, но предупреждал, что обратной дороги уже не будет, а в случае побега беглеца ожидает наказание смертью.

Сформировав из добровольцев две сотни, Ермак повелел приступить к изготовлению дополнительных стругов.

Неподалеку от берега, присмотрев полтора десятка больших деревьев, казаки свалили их, обтесали и стали долбить, изготавливая колоды. Эти колоды служили основаниями стругов. К ним с боков прибавляли длинные доски, доводя длину судна до 10 метров, а ширину от двух до трех. Осадка такого струга не превышала одного метра, а борта возвышались над водой не более чем на 70 сантиметров. С каждого борта размещали по девять весел, а на корме и носу,

которые одинаково заострялись, ставили по рулевому веслу, что позволяло в реке, стесненной берегами, или во время боя не терять время на разворачивание. Посреди струга укреплялась мачта для паруса, который использовался только при попутном ветре. Палубу не делали. Ее отсутствие позволяло удобно распределить по дну от двухсот до трехсот пудов груза и разместить двадцать человек.

Эти плотбища, на общем фоне зимовья, представляли собой самое привлекательное зрелище. Казаки, избравшие конный путь, с завистью смотрели на вдохновенные действия плотников и других спецов. Там весело стучали топоры, визжали длинные пилы, распиливающие на подставах бревна на доски, витал смолянистый дух свежих опилок, булькала в котлах смола для осмолки днищ и бортов, изготавливались мачты и весла, у походного горна выковывал оснастку кузнец. И над всем этим скоплением звуков не умолкала задорная переключка, шутки-прибаутки и громкие выдохи: э-эх! у-ух-нем! Азарт, с каким работали повольники Ермака, внушал уважение, а обилие всевозможного инструмента и оснастки вызывало невольное восхищение:

— Ну и атаман! Все-то он додумал до мелочей!

— Всех-то нужных спецов собрал в дружину!

— Всяк-то у него умеет и хлеб посадить в печь, и в руках держать меч.

— Недаром по Волге и морю Хвалынскому слава летит впереди атамана Ермака!

— Почему тогда он бежит на Каму реку, в глухие земли, а не на юг в чертово пекло?

— А ты подумай, баранья башка!

Наступил март, и сразу появились первые признаки ростепели.

Атаманы Кольцо, Барабоша, Никита Пан и Савва Болдыря забеспокоились, повелели казакам собирать пожитки и готовиться к выступлению не позднее утра следующего дня.

Иван Кольцо, не скрывая дурного расположения духа, мрачный, забрел накануне вечером в землянку к Ермаку и сказал:

— Пришел прощаться, друже. Никого не желаю видеть, кроме тебя. Давай выпьем напоследок чего-нибудь покрепче.

— Можно и покрепче, — согласился Ермак. — Брага годится?

— В самый раз!

Одним махом они выпили по полному ковшу и закусили солеными груздями. Переведя дух, Кольцо с досадою сказал:

— И сдалась тебе эта Кама!

— Каждый туда идет, куда сердце зовет, — ответил Ермак.

— Не могу я смириться с тем, что хочешь родимую Волгаматушку бросить, — с горечью произнес Кольцо.

— Разумей, Иван, что нет уже былой воли в задушевном крае. Пора в других местах удачу искать.

— Вроде бы и прав ты, а не могу себя пересилить... Мне и с Барабошей не очень-то любо гулять, и с его дружками. Одна удача, что Болдырь да Никита согласились со мною пойти.

Ермак заглянул в глаза Кольцо, улыбнулся и сказал:

— Ой, Иван, не лукавь. Обидно тебе верховодство свое уступать. Оттого и Барабоша не по душе, и со мною на Каму отказался идти. А зря! Мы сумели бы сговориться и поделить власть. От этого дружба не поубавилась бы, а сила возросла.

— Либо от Бога ты, друже, либо от дьявола. Откуда прозорливость такая? Но теперь поздно об этом говорить...

— Говорить никогда не поздно. Вспомни, сколько бед подстергало нас, когда малыми ватагами ходили и без опыта воинского. А теперь любой наш казак десятерых стрельцов стоит. Если объединимся в большое войско, то никакие татары и царские рати нам не страшны.

— Возразить не могу... Но вдруг не приглянется тебе Кама?

— Тогда на Волгу вернусь.

— Добре. А если не вернешься, то меня жди. Сколько ныне людей уводишь?

— Без малого две тысячи душ.

— Ясно... Зимовать-то где будешь?

— На Сылве, за пределами вотчины Строгановых, ближе к хребту каменному. Те места мне с детства знакомы.

— Не продадут ли тебя купцы воеводам?

— Думаю, что убоятся. В дружбу к ним лезть не собираюсь, но пороха, свинца и хлеба от них затребую при случае. А остальное и сами добудем. Может быть, в том крае и станицу поставим на долгие лета, как было на Хопре и Медведице. У многих повольников мечта есть семьями обзавестись, хлебопашеством заняться, скотину разводить. Таким людям грех не помочь.

— Не понимаю я, — в раздумье произнес Кольцо, — как в тебе уживаются жестокость и доброта?

— Жестокость для войны, для безопасности товарищества требуется, а для мирной жизни — доброта. Бедственно живут люди — их и пожалеть можно. Ты, Иван, сам знаешь, что Мурашкина мы побьем, если он вынудит нас на бой. Но жаль стрельцов. Все они холопья боярские, все от ярма стонут. Не по своей воле пришли они бунт унимать и гулебщиков ловить. Так что лучше уберечься нам от стычек.

— И то правда... Утешил ты меня малость. Пойду спать. Утром рано выступаем. Успеть бы до стругов своих добраться — пока их паводок не смыл.

Кольцо ушел, а Ермак, выйдя из землянки, окликнул Черкаса, который в это время готовил смену ночных разъездов.

— Предупреди ребятушек, чтобы сегодня были очень внимательны, — наказал ему Ермак. — Вдруг под общую суматоху кто-то вздумает улизнуть.

Однако ночь прошла без происшествий. Ермак прилег на лежанку, но так и не смог уснуть. Думалось о том, что разошлись пути-дороги у волжских атаманов. К добру ли это? А за час до рассвета запела труба, оповещая подъем и начало построения.

Все население зимовья высыпало из землянок на проводы уходящих. Конные сотни выстраивались в одну линию, распускали знамена и поочередно, по сигналу, заступали на лесную тропу, ведущую к югу. Их сопровождала музыка и бой барабанов.

Теперь в полуопустевшем городке остались только казаки — сторонники Ермака. Излюбленной темой разговоров стали приметы наступления весны.

Март — месяц капризный. То весновой подует и снега осадит, и звонкою капелью тишину разбудит, и сосульки повсюду развесит, то вдруг такой морозец завернет, что надевай семеро порток. Это зимушка-зима бахвалится перед весной, морозом гордится и на нос садится. И тут кто-нибудь добавляет:

— Как зима ни злится, а весне покорится.

— Зима весну пугает, да все равно тает.

Прилетел 9 марта первый гость из-за морей далеких — и не смог ускользнуть от зоркого глаза:

— Прилетел кулик из заморья, принес весну из неволя.

И так каждый день что-то услышишь:

— Грач на горе — весна на дворе.

— Чайка прилетела — скоро лед пойдет.

— Трясогузка-ледоломка лед разбивает.

— Чибис прилетел — на хвосте воду принес.

— Гуси летят высоко — воды будет много.

А 25 марта — на Благовещенье — «весна зиму поборола». В лесу еще снега полным-полно, а на Самаре уже лед оголился, полыньи заголубели, береговая кромка льда трещиной отделилась — вот-вот оживет река.

С нетерпением ждали повольники того часа, когда откроются для плавания излюбленные речные просторы.

И такой час наступил.

Внезапно ночью людей разбудил грохот, похожий на пальбу из пушек. Наспех накинув на себя зипуны, казаки повыскакивали из жилищ и устремились к берегу.

Самара, словно пробудившийся дракон, рвалась из тесного логова, дыбилась остроконечными горбами и ревела. Огромные льдины, наползая друг на друга, с треском ломались, подпрыгивали вверх и ныряли вглубь, уступая место другим. Гигантские заторы

мгновенно поднимали уровень потоков, которые с разрушительной силой подмывали и обрушивали высокие берега, выворачивали с корнями деревья. Все, что попадало в реку, проносилось мимо в адской круговерти среди льдин.

Ермак набросил на плечи овчинную шубу, в которой ходил всю зиму, надел баранью шапку и пошел к яру. На полпути его нагнал Мещеряк, а затем присоединились Иван Гроза и Яков Михайлов.

На яру, слева и справа вдоль обрыва, стояли плотной стеною повольники. Зрелище пробуждения грандиозных сил стихии магически согнало сюда лихое казачье племя. Это зрелище будоражило воображение, захватывало дух, сулило новый поворот судьбы.

— Бурно пошла река, — прервал молчание Мещеряк. — Дня через два станет чисто. Можно будет струги спускать.

— Пора, пора! — обрадованно сказал Иван Гроза. — Засиделись мы в берлогах!

— Коней жалко... Ох, жалко! — с горечью произнес Яков Михайлов. — Рука не поднимется забивать.

— Хорошие кони, — согласился Ермак, — мне тоже их жалко. Забьем только самых худых двадцать голов.

— А остальных куда денем? — удивился Михайлов. — В лес отпустим? Так пропадут ведь!

— А ты подумай, Яков. Сам говорил, что в семидесяти попрятках башкирцы живут.

— Гей! Верно! Дней за пять обернусь. К ним можно пройти мимо водных преград.

— От башкирцев что-то и привезешь на тех двадцати лошаденках, что отберешь для забоя.

— У-у-у, — разочарованно протянул Гроза. — Опять отсрочка!

— С отплытием все равно нужно подождать, — сказал Ермак. — Пусть Мурашкин на своих ладьях скатится к Иргизу — тогда и мы из Самары выйдем. А пока поставим наблюдателей на Волге.

Через два дня река полностью очистилась от остатков льда, но уровень воды возрастал с каждым часом, а быстрое течение продолжало свою разрушительную работу. Еще продолжали проплывать деревья, ошестиненные голыми ветвями, устремляясь к волжским разливам.

Повольники маялись в ожидании приказа о сборах в дорогу. Вместо освобождения погребов и лабазов, вместо спуска на воду стругов поступила команда забросать суда ветвями и прекратить хождение по берегу. Когда вернулся Яков Михайлов от башкирцев, то и тогда не произошло никаких изменений.

Время шло, наблюдатели несли круглосуточную службу, а по Волге не прошло ни одного судна. Это раздражало атаманов, а Иван Гроза, потеряв всякое терпение, сказал возмущенно Ермаку:

— Я уже чувствую себя полным дураком. Этот царский осел Мурашкин бражничает в Казани, вместо ловли гулебщиков, а мы тут жиреем от безделья.

— А ты донос царю отпиши. Пусть он воеводе башку отрубит, — отшутился Ермак.

Яков Михайлов поддержал Грозу:

— Мне тоже не по нутру долгая отсидка. Если встретим судовую рать, то и силой померимся. Чего мы убоялись?

— Никто никого не убоялся, — возразил Мещеряк. — По уму — ладьи должны были вслед за льдами пойти. Значит, причина есть и нужно ждать. Чую, что они вот-вот пройдут.

— Нет у Мурашкина ума, — настаивал Гроза. — Вы сидите, а я один пойду. Потом догоните.

— Никуда ты не пойдешь, пока я не скажу! — отрезал Ермак. — Не позволю зря губить казаков! На Каме нет гулебщиков для пополнения отрядов. Сегодня каждого человека нужно беречь. Если ты, Иван, пойдешь вверх раньше срока, то всех нас подведешь под подозрение. Царю быстро донесут, что казаки побежали на Каму.

Иван Гроза махнул рукой и сказал:

— Поступай как знаешь! Пойдем, Яков, меду попьем.

— Попейте, попейте, — смягчился Ермак. — И потерпите.

В тягостном ожидании прошло еще три дня, а на четвертый, в полдень, прискакал наблюдатель и сообщил, что к Самарской луке приближаются каторги с пушками по бортам.

Ермак немедленно объявил тревогу. Он повелел готовиться к бою, если вдруг судовая рать вздумает свернуть в Самару, хотя в такую возможность он мало верил. Полторы тысячи казаков зарядили пищали и стояли наготове в тылу берега. Десятника Окула с его людьми послали на конях к устью, чтобы получать регулярные сведения о продвижении царских судов.

Первое поступившее сообщение успокоило Ермака. В Самару направилась только небольшая ертаульная ладья. Казаков предупредили об этом и попросили соблюдать тишину.

Ертаульное судно медленно продвигалось под кручею, с трудом преодолевая встречное течение. Разведчики всматривались в лесные дебри, задрав головы, оглядывали берега, но ничего подозрительного не замечали. Об этом успело позаботиться половодье, смыв всякие следы присутствия людей. Сочтя свои усилия бесполезными, ратники развернули ладью и ушли обратно на Волгу. Вскоре и все каторги продолжили свой путь к низовью.

— Вот и настало время сборов, — сказал атаманам Ермак, весело подмигнув Ивану Грозе.

Глава 8

БАЛОВСТВО

7086 год от сотворения мира.

Апрель—август 1578 года.

Как только раздался призывный клич к сборам в дорогу, так враз Самарское зимовье забурлило неумным кипением радости и рабочей суеты. Немедленно был сооружен пологий спуск с высокого берега, по которому струги, посаженные на поката и придерживаемые веревками, скатывались на воду. Монах Савва выдавал на каждое судно норму съестных припасов, порох и свинец, и повольники, захватив оружие, свои котомки с запасными рубахами и шароварами, поделками из дерева, садились за весла и отплывали в сторону.

Пока шла подготовка к отплытию, Ермак с несколькими плотниками обходил покидаемое зимовье. Двери домов, бань и погребов уже были наглухо заколочены, но он хотел убедиться, что городку не угрожает саморазрушение и он может при случае еще послужить казачьим отрядам. Жаль было бросать такое богатство, но такова неизбежная судьба вольницы.

Как только Ермак зашел на флагманское судно, прозвучали удары колокола, оповещающие о начале движения. Девяносто шесть стругов, подгоняемые быстрым течением Самары, выстроились в линию и устремились к устью. Вскоре, словно стая белых лебедей, они под парусами, раздутыми попутным южным ветром, поплыли по волжским просторам в сторону неизведанных и загадочных земель.

Апрельский день сиял лучами низкого солнца. Многоверстные разливы, накрывшие пойменные луга, казались безбрежными морскими далями с пенными гребешками волн. Упругий ветер сшибался с могучим током вод и рождал радужные переливы в рассеянных веерах брызг.

Помогая ветру, гребцы налегали на весла, разглядывая с любопытством и близкий крутой берег, вдоль которого шли струги, и залитые половодьем земли с торчащими из воды деревьями, среди ветвей которых утки находили старые гнездовья для выведения потомства. Во всех направлениях видны были огромные стаи перелетных птиц, качающихся черными и белыми точками на волнах, а на заиленных островках жировали гуси. Там же кору тальника и вербы грызли зайцы.

— Видать, в этих краях мы с голоду не помрем, — говорили казаки.

Забыв свое ворчливое недовольство на зимовье во время долгого ожидания, теперь они высказывали одобрение мудрости старшего атамана, ловко обманувшего царского воеводу. Начало весны, пробуждение жизненных сил природы вселяло в людей ощущение бодрости и веры в благополучное будущее, и не страшили мысли о неведомых землях. Путешествие до устья Камы всем казалось приятной прогулкой. Там была граница тревог, от которой в восьмидесяти верстах оставалась в стороне Казань, а войдя в Каму, можно уже не оглядываться назад.

В отличие от Волги, на Каме были на виду оба берега, веселящие многочисленными ручьями, сбегаящими из глубоких логов. Первый привал, минуя устье, решено было сделать в ближайшей лагуне, защищенной от течения и ветра, чтобы дать людям отдых от трехдневного непрерывного перехода. Столько времени потребовалось для прохода участка, где не исключалась возможность встречи с частью царских судов. К счастью, этого не произошло. Хорошим помощником был непрекращающийся попутный ветер, а самоотверженные усилия повольников в попеременной гребле и сне на своих местах у весел позволили исполнить замысел Ермака.

Расставив шатры и соорудив наспех шалаши, большинство казаков завалилось спать, но те, кто успел вздремнуть в стругах, нашли себе занятия. Одни стали ловить рыбу, а другие, взяв оружие, отправились осматривать окрестности в надежде подстрелить какую-нибудь дичь. Перевалив за гряду, поросшую осинником и ельником, они обнаружили большое круглое озеро удивительной голубизны, а когда приблизились к нему, то замерли в изумлении.

В этой глуши, на берегу озера сидела девушка — совсем юная, светлая, ясная, как утро. Это казалось чудом, миражом. Казаки, молодые детины, не верили своим глазам и терли их кулаками. Но видение не пропадало: девушка продолжала сидеть, и все ее существо было пронизано неизъяснимой мукой. Печально-молчаливые поклоны прошлогодней осоки, окружающей ее, казалось, вторили движениям горестного покачивания склоненной головки.

— Эй! — негромко окликнул ее один из казаков, боясь испугать.

Но она все же испугалась, вскочила на ноги и, расширенными от ужаса глазами, смотрела на странных чужеземцев.

— Не бойся, милая. Мы не причиним тебе вреда, — сказал десятник Карчига, похрипывая от волнения.

Девушка уловила в его голосе сочувствие, но продолжала смотреть с недоверием.

— Она тебя не понимает, — сказал казак-башкирец и выступил вперед, заговорив на своем языке.

После короткого разговора она вдруг подбежала к нему, уткнулась лицом в плечо и заплакала, громко всхлипывая.

— Что? Что она сказала? — спрашивали казаки, обступившие их.

Башкирец объяснил:

— За озером есть деревня. На нее напали чуваша, разорили и пожгли, а отца, мать и брата девицы угнали. Ей же удалось убежать.

— Отведем страдалицу к Ермаку, — прохрипел Карчига. — Он увидит ее и решит наказать обидчиков. У меня уже руки зудят.

Весть о происшедшем событии быстро облетела лагерь и вызвала всеобщее возмущение. Ермак, выслушав рассказ казаков, ласково провел рукою по волосам девушки и сказал:

— Успокойся, дитя, вызволим мы твоих родных.

Девушка доверчиво смотрела на большого, сильного человека, пообещавшего свое покровительство, и неожиданно, схватив руку, погладившую ее, прижалась к ней влажной от слез щекою.

— Ну-ну, не плачь, — сказал Ермак, — тебе следует отдохнуть.

Сопровождаемый завистливыми взглядами повольников, он отвел ее в свой шатер и указал на постель из овечьих шкур. Затем, выйдя, спросил атаманов:

— Кто из вас, братья, желает установить справедливость?

Готовность изъявил каждый, но Иван Гроза уговаривал:

— Братцы, дайте мне разогнать кровь по жилам. Терпежу уже нет.

— Ступай, Гроза Иванович, — согласился Ермак, — постарайся мирно освободить пленников. Ну, а если воевать начнут, то прояви всю строгость — мужчин побей, а городище их спали огнем. Возьми в плен десяток человек и приведи ко мне.

Богдан Брызга нетерпеливо топтался за спиною Грозы и тыкал его кулаком. Тот недовольно морщился и, не выдержав, обернулся и сказал:

— Хватит меня тыкать! Чего тебе надо?

— А ты не догадываешься?

— Да догадываюсь, догадываюсь!

— Значит, ты согласен?

Гроза отмахнулся от него рукой, как от надоедливой мухи.

— Иди и готовь своих казаков.

— Гей! — обрадовался Брязга. — Чую, что боя не миновать. Шибко свирепы чувашаи, чтобы покориться.

На рассвете сотня казаков покинула стан, взяв по две заряженных пищали. Девушка рассказала, как найти ее деревню, где можно взять проводников, знающих путь к городку чувашей. Высунув голову из-под полога шатра, она с любопытством разглядывала молодых здоровяков, отправляющихся в поход.

Поселение башкирцев располагалось за озером, на берегу которого уже побывали казаки. Карчига показал Грозе и Брязге место, где была найдена девушка. Отсюда пролегла хорошо заметная тропа, ведущая к деревне. Она вывела к узкой речушке с чистой водою, бегущей среди холмов, и к пепелищу. По нему ходили одинокие старики и дети, которые сумели утаиться и остаться в живых. Десятка два трупов еще лежало на земле, и птицы смерти витали над ними. Но жены защищали от них своих погибших мужей и торопливо рыли могилы.

Появление казаков не напугало пострадавших жителей, а удивило и вызвало любопытство. Около тридцати человек сошлось на лужке, выстроившись перед казаками. Горе сделало их безразличными к своей дальнейшей судьбе.

Башкирец толмач объяснил горемыкам, что казаки намерены выволить их родных из плена, что о беде узнали от девушки из их племени и теперь просят проводника для похода на злодеев. Обрадованные поселяне тут же решили, кому идти с отрядом, и предупредили, что следует проявить особую осторожность, приближаясь к городку чувашей, у которых зоркая стража и меткие лучники. Один из стариков выступил вперед и сказал:

— У чувашей много коней, и их нужно захватить, чтобы не дать возможности для боя или побега. Это можно сделать только при внезапном нападении. Если не будет внезапности, то и пленников не спасти. Их перебьют в первую очередь.

Заверив старика, что его советы не будут забыты, Гроза сказал двум проводникам, мужчине преклонного возраста и подростку, чтобы они заняли место впереди отряда, и оповестил о начале движения.

Шли не менее трех часов по лесной тропе среди холмов. Проводники то и дело оборачивались и прикладывали пальцы к губам, напоминая о необходимости соблюдения полной тишины. Лес изобиловал пернатым населением, которое спокойно воспринимало бесшумную цепочку людей. Тетерева, восседая на ветвях деревьев, безбоязненно вертели головками, посматривая то одним, то другим глазом на безмолвные существа, а глухари, не вспархивая, убегали с тропы за кустарники, уступая дорогу. В лесу царили мир и гармония.

Внезапно проводники остановились и движением рук подозвали к себе Грозу и Брызгу. Указав на высокое дерево, они объяснили, что с него можно осмотреть городок чувашей.

Брызга сбросил с себя зипун, поплевал на ладони и быстро, по-кошачьи, взобрался на высокую лиственницу. Отсюда ему открылась вся территория городка, окруженная высоким земляным валом со сторожевыми башнями по углам. На противоположной стороне видны были амбары, около сотни коней на привязи, а неподалеку от них несколько человек оковывали пленных башкирцев. Насчитав восемь десятков хижин, Брызга спустился с дерева и сказал Грозе:

— На дальней стороне полоняне, кони и амбары. Давай сделаем так: я со своими казаками зайду с тыла и буду ждать сигнала. Как только ты дашь залп из пищалей, я перескачу вал и тоже пальну и захвачу коней. Ты этим воспользуешься для атаки. Думаю, что второго залпа не потребуется, лучше приберечь заряд для боя внутри города. О том, что я на месте, извещу тебя, прислав гонца. И, прошу, чтобы не вызвать гнев Ермака — постарайся провести мирный переговоры. Вдруг чуваша сдадутся?

— Черта с два они уступят! Но я попытаюсь. Попытка — не пытка. Ступай, братец.

Брызга махнул своим казакам рукой и растворился в дебрях, а Иван Гроза приказал остальным продвигаться вперед ползком, прячась за деревьями. Таким образом удалось приблизиться к валу на расстояние выстрела.

Примерно через час прибыл гонец от Брызги. Добравшись попластунски до Грозы, он известил, что их отряд разделен на две группы. Одна из них перелезет через вал под прикрытием амбаров и захватит коней, а другая прикроет пленных, напав на чувашей.

Грозу Ивановича раздирали сомнения — стоит ли выдавать себя, затеяв мирные переговоры? Не лучше ли разом сокрушить врага, застав его врасплох? Но верх взяло данное обещание. К ближайшей сторожевой вышке был направлен толмач. Он окликнул караульщика и высказал требования: освободить полонян, впустить в город казаков и покориться. Тогда все останутся живы. В случае отказа — городок будет сожжен, а мужчины уничтожены.

Через несколько минут городок превратился в растревоженный муравейник. Чуваша выбрали войну. Вдоль вала, как из-под земли, вырос частокол голов с озлобленными лицами, и туча стрел полетела в лесную чащу, не причинив никому вреда. Иван Гроза крикнул казакам, чтобы хоронились за стволами деревьев, тщательно прицелились и, сделав залп по команде, сразу бросились в атаку, взяв с собою только по одной заряженной пищали. Из них

стрелять по своему усмотрению, достигнув вала, и вступить в рукопашный бой.

Когда прогремел залп, частокол из голов сразу значительно поредел. Оглушенный враг пришел в невероятное замешательство и от потерь, и от необычного, ужасающего грохота. Чуваши отпрянули от укрытия, что дало возможность казакам беспрепятственно преодолеть пятидесятиметровое расстояние и оказаться на гребне вала.

В этот миг прогремел залп с противоположной стороны городка, ему вторил залп казаков Грозы. Чуваши, оставшиеся в живых, бегали в панике между хижинами, но через некоторое время они обрели свое обычное хладнокровие и вступили в рукопашную схватку, а некоторые, прячась за стенами домов, пускали смертоносные стрелы. Богдан Брязга, овладев конями, носился по городку с полсотней казаков, и залежавшиеся в чехлах сабли теперь сверкали искрометной быстротой над головами врагов.

— Богдан, поджигай избы! — крикнул Гроза. — Из них бьют лучники!

Орудя саблей, он споткнулся о лесину, похожую на мачту, обрадованно схватил ее, вогнав обратно в чехол стальной клинок, и, выплескивая богатырскую силушку, так замахал этим грозным оружием, что чуваши разлетались словно горох в разные стороны.

Однако никогда еще повольники не встречали столь яростного сопротивления. Казалось, что все население предпочитало смерть жизни в плену. Жены убитых и их дети хватали луки, разброшенные всюду, и пускали стрелы в казаков. Но те щадили жизнь отчаявшихся, обезоруживали их и сгоняли под присмотр освобожденных башкирцев. Одна из женщин, в одночасье овдовевшая, вырвалась из рук казаков и вбежала в двери полыхающей хижины.

Когда битва была завершена, в живых осталось не более одной десятой населения мужчин. Они, связанные, лежали на земле среди груды трупов и посылали проклятия победителям. Шестерых казаков, убитых стрелами, взвалили на лошадей и привязали ремнями. Из амбаров, которые сохранились, вытаскивали кули с зерном, вяленую рыбу и мед, и так же готовили к погрузке, делая переметы. Удачной добычей была и отара овец.

Победители проявили милосердие и оставили часть продуктов и овец женщинам и детям, а перед самым уходом вернули еще и десяток коней. Всех же пленных мужчин забрали с собой, пообещав женам и матерям, что отпустят их, если они примут условия атамана Ермака.

К закату дня экспедиция вернулась в стан на берегу Камы.

Гроза и Брязга, дополняя друг друга, подробно рассказали Ермаку о своих действиях и о том, как отчаянно бились жители

чувацкого городка, включая женщин и детей, как одна из жен бросилась в огонь, предпочитая смерть унижению. Яков Михайлов, Мещеряк, Черкас, Галкин, Ильин и другие сотники, которые присутствовали при этом, слушали рассказчиков в угрюмом молчании. Никто из них не испытывал радости от победы, унесшей многие жизни непреклонных поселян и жизнь шестерых товарищей.

— По-другому мы не могли поступить, — сказал Гроза, завершив печальное повествование.

— Мы сделали так, как поступали с ногаями за ограбление Руси, — добавил Брызга. — Мы освободили сотню башкирцев от рабства и взяли немалую добычу.

Проницательно взглянув на лица соратников, Ермак сказал:

— Не велика добыча, но дорога — более двух сотен убитых. А у нас впереди еще немало городов да деревень. Понимаете меня? Не кипятись, Гроза Иванович. Сядь на место. Все тобою сделано как должно, но досада раздирает нутро... С тех пор, как пало Казанское ханство, все его люди: и башкирцы, и чуваша, и черемисы, и лашкирцы да зыряне — теперь жители Руси. Мне понятно, когда они бунтуют против царских наместников от непосильного ярма, но когда они бьют и грабят друг друга — это не можно оправдывать. По уму — они должны жить в мире и биться только против общего врага.

— Добре, батько, добре, — прервал его Брызга. — А когда мы, русские, грабим русских купцов — это как?

— А так, сынок, — без полного ума! Мы никогда не грабили наш простой люд, деревни да пахарей! — отрубил Ермак. — А купцы, как и бояре, сосут народную кровушку.

— Верно! Я знал, что ты так ответишь.

— Зачем тогда спрашивал?

— Да чтобы другие послушали.

Гроза возмутился:

— Ты что, Богдашка, за дураков нас считаешь?

— Ни в коем разе, Гроза Иванович! Мне хотелось для успокоения души, чтобы все услышали, что не воры мы, как зовут нас дьяки, бояре да царь. Разве сам царь не ворует, когда ходит войною?

Ермак раскатисто расхохотался. Вслед за ним захохотали и остальные, смахивая со щек слезу.

— Молодец, Богдан! Разбавил ты весельем нашу мрачность, — одобрительно произнес Ермак. — Однако и надоумил меня на бабство, полезное товариществу... — он умолк и, сощурился глазами, озорно поглядывал и выжидал.

— Не томи, батько, говори, что удумал, — взмолился нетерпеливый Брызга.

Лицо Ермака вновь приняло суровое выражение, и он стал объяснять:

— Я уже сказал, что впереди по Каме и речкам, впадающим в нее, мы немало встретим деревень и городищ с разными племенами. Могут ли они встретить нас войною, как эти чувашаи?

— Еще как могут! — воскликнул Брязга.

— Я тоже так думаю. Но мы не будем бежать мимо, будем гулять по Каме до осени, не торопясь прежде времени на Сылву. Станем мы, братцы, покорять эти племена, приводить их к шерти под высокую руку государя царя всея Руси.

Иван Гроза от удивления открыл рот. Вид у него был настолько ошарашенный, что Брязга не выдержал, прыснул в кулак и посоветовал:

— Гроза Иванович, поостерегись, а то ворона в рот влетит.

— Заткнись! — рявкнул Гроза и спросил Ермака: — Это что — шутка?

— Нет, не шутка, друже. Но я не зову вас идти в услужение к царю.

— Тогда я ничего не понимаю, — растерянно сказал Гроза, втянув в плечи бычью шею.

Брязга вновь не удержался, чтобы не съязвить:

— Это часто с тобой происходит, батько. Тугодум ты, тугодум.

Теперь все с трудом сдерживали смех, прикрыв ладонями рты. Гроза разъярился.

— Сгинь! Не то высеку тебя, малец! Благодарю Господа, Богданка, что не в моем полку ходишь. И впредь не тычь меня в спину — не возьму на бой.

— Брось шутковать, Богдан. Повеселились — и хватит, — строго сказал Ермак.

Брязга нахмурился, вздохнул и покаялся:

— Прости, Гроза Иванович, не хотел я тебя обидеть. Это бес меня попутал. Я уважаю и люблю тебя, как друга.

— Хорош друг... И остальные хороши, зубоскалы, — примирительно буркнул Гроза.

Все взоры вновь устремились на Ермака.

— Подведя под шерть иноверцев, — продолжил он, — мы соберем ясак и оставим его себе, а царь пусть благодарит нас милостиво за усмирение непокорных. Ясак с жителей будем брать без ущерба для их жизни. Так, походя, прокормим наши полки, да и запасы прибавим к зиме.

— Как же мы подведем их под смирение? Войною? — спросил Мещеряк.

— Нет, Матвей, постараемся не войною, а миром. Без нужды не будем кровь проливать, да и своих людей сбережем. В этом нам

помогут спасенные башкирцы и плененные чувашаи. Пошлем их впереди себя — пусть поведают всем, какое лихо их ждет, если не покорятся. Не только своя, но и чужая беда раскрывает глаза.

— Мудро, — сказал Яков Михайлов, — мне по душе такое баловство. Остается только склонить к этому чувашей.

Все присутствующие встретили задумку Ермака одобрительным гулом.

— Теперь все ясно, — сказал Гроза, — с этого и нужно было начать. А то загадки какие-то.

— Вижу, что сомнений ни у кого нет, — подвел итог Ермак. — Можете расходиться и рассказать казакам о нашем плане, а я с Матвеем, Черкасом и Саввою займусь пленниками. А ты, Богдан, еще мне понадобится сегодня. Приходи с Карчигую, когда я вернусь в шатер.

Взяв толмача, Ермак отправился к чувашам. Повязанные, они сидели на земле, охраняемые двумя повольниками. Подошедших встретили глаза, из которых выплескивалась волчья ненависть и злорадия. Невольно возникала мысль, что с этими дикарями никогда не найти общего языка.

Некоторое время Ермак молча рассматривал их своим беспощадно-пронзительным взглядом, но не заметил и тени страха.

— Вы храбрые воины и заслуживаете уважения, — сказал он.

Обернувшись к одному из охранников, Ермак спросил:

— Есть и пить давали им?

— Не было такого приказа.

— Тогда зови кашевара. Пусть каждому даст по миске ячменной похлебки и по ковшу воды.

Когда пришел кашевар, Ермак сказал, чтобы пленным развязали руки. Проголодавшиеся чувашаи не замедлили схватить миски и приступить к еде. Но нашлись и такие, которые бесстрашно швырнули варево под ноги атаману.

Ермак остался невозмутим. Он нагнулся, вырвал пучок травы и обтер заляпаные сапоги.

— Вас следует наказать смертью за наглость, но вижу, что вы глупы, — сказал он бросившим миски.

Повелев охранникам связать покрепче буянов и оттащить их в сторону, Ермак спросил оставшихся:

— Знаете ли вы города вверх по Каме? Бывали ли там?

— И бывали, и знаем, но тебе не скажем. Лучше смерть, — ответил один из чувашей.

— Злорадия ваша мне понятна, — сказал Ермак, — но вы сами виноваты, затеяв войну. Один из русских богатырей-победителей сказал: «Кто поднимет на нас меч — тот от меча и погибнет». Запомните это. Если бы вы встретили нас миром, то и люди, и жилища остались бы целы.

— Мы не верим тебе!

— Зря, упрямы, не верите. Мы и без вас найдем все городки и поселения, но не хочется оставлять за собою обугленные гари. Сами видите, какое несметное войско у нас. Кто сможет нам противиться? Мне помощь ваша нужна, чтобы не попали под разорение города.

После этих слов между пленными возник горячий спор. Наконец тот же чуваш спросил:

— На какую помощь ты желаешь склонить нас, атаман?

— Я хочу, чтобы вы и побитые вами башкирцы забыли обиды и поклялись жить в мире на все времена, чтобы вы сообща стали моими послами в города и деревни по Каме и по рекам, впадающим в нее. Там вы расскажете обо всем, что здесь случилось, и передадите мое слово не причинять вреда тем, кто примет нас с миром. Но пусть готовят ясак без большого ущерба для себя и обещают дать клятву на верность царю всея Руси. Что скажешь?

Снова поспорив между собою, чуваша приняли предложение Ермака.

— Теперь назовете города? — спросил он.

— Все названия мы не знаем, — ответил чуваш, выступающий в роли главного из них, — но самые большие города нам известны. Первый по пути Рыбный, за ним Чертово городище, потом Алабуха, Сарапуль и Оса. Деревень много по разным речкам. Кроме наших с черемисою и башкирцами, есть поселения лашкирцев и зырян, а на Вятке — вятичей. Но к ним мы не можем пойти.

— Будь по-вашему, — согласился Ермак. — Утром я дам вам коней и отпущу. Но прежде возьму с вас клятву. Ваше дело — опередить наш ход. Через три дня пойдем на Рыбный.

Чуваш попросил, кивнув головой в сторону непокорных:

— Не казни их, пощади. Беда озлобила нас.

— Беду сами вы накликали. Однако беды мучат, да уму учат. Дождемся утра.

Удовлетворенный разговором с пленными, Ермак сказал Мещеряку:

— Теперь сделаем так: пусть Брызга и Карчига с казаками берут коней и скачут к башкирцам, чтобы завтра привести их сюда для клятвы.

— А с молодкой как быть?

— Пора отвезти ее к родным.

— Что еще?

— Отправишь Брызгу и приходи ко мне в шатер с Черкасом и монахом. Савве скажи, чтобы взял с собою свиток, чернила и перья. Будем писать клятву для иноверцев.

Выслушав суть присяги, изложенной Ермаком, и замечания Черкаса, Савва склонил голову над столом и стал старательно выводить буквы, украшая их завитками. Писание было одним из его любимых занятий, и он, посапывая от удовольствия, неспеша водил по бумаге гусиным пером. Закончив работу, Савва отложил в сторону перо, потер ладонь об ладонь и спросил:

— А не сменить ли нам саблю на крест христианский? Они же не казаки вольницы.

— Ты считаешь, что они глупы? — удивился Ермак.

— Истинно глупы, живя в невежестве.

— Э-э-э, братец, ты мыслишь, как царские приказные дьяки. Крестом можно всю затею испортить. Не станем покушаться на их веру в идолов, ибо так мы большего достигнем. Читай писание, а мы слушаем.

Савва гордо выпрямился и прочитал:

«Мы, чуваши и черемиса, да башкирцы, идем на все лета по воле богов наших под высокую царскую руку Великого князя Иоанна Васильевича всея России и даем слово не изменять и ясак давать, и на русских людей никакого зла не мыслити, между племенами раздору не чинить и недругам государским не спускать елико боги наши помощь сподадут, и в иные орды и улусы не отъезжать, и во всем правом постоянстве стояти, и клятву свою подтверждаем целованием кровавой сабли».

— Складно получилось, — одобрил Ермак, — можно и всех наших голов звать.

Собравшиеся сразу заметили, что их старейшина пребывает в приподнятом настроении духа. Глаза его поблескивали озорными огоньками.

— Чую что-то веселое, — сказал Гроза.

— Так и есть, — подтвердил Ермак, — веселое, но полезное Руси и нашему товариществу. Огласи, Савва, грамоту!

— Да-а-а, — протянул Гроза после услышанного, — впервой будем брать добычу без боя. А не заскучаем?

— Боев нам у Камня хватит, — успокоил его Ермак. — А пока побережем повольников. И так в малом деле шестерых потеряли.

Ночь была прохладной и звездной. Пока наступление лета ощущалось только в полуденное время, когда пригревало солнце, а с заходом его, пронизывая суконные кафтаны, зябкий ветерок гулял по спинам. Поэтому повольники набрасывали на плечи зипуны и грелись у костров. Сотни огней вспыхивали по всему стану с наступлением темноты.

Ермак любил звездное небо. Выйдя из шатра, он по привычке отыскал путеводную звезду в хвосте Большой Медведицы, прошелся взглядом по Млечному пути, перевел взгляд на россыпь костров

и подумал, что, должно быть, зарево от них видно за десятки верст, но запрещать их уже нет необходимости. Вспомнив о пленных, которые мерзнут на ветру, он подозвал караульного и послал его укрыть чувашей пологом из парусины. Потом, после некоторого колебания, зашел в шатер к Савве и спросил:

— Много ли у нас еще браги?

— Не очень. Ведро по два на струг.

— Маловато, но скоро пополним запас. Как думаешь — устали казаки?

— Ой, устали за три дня.

— Тогда скажи атаманам и сотникам, что разрешаю от усталости для согрева по три чарки на брата.

— Эх, обрадуются ребята! Может быть, и нам с тобою выпить чуток?

— Можно и выпить для веселия духа. Готовь закуску и накрой стол, как только с делом справишься.

Но во время ужина веселье отсутствовало. Ермак был молчалив и задумчив, пил и ел рассеянно, чем поверг Савву в уныние.

— Худо можется, и кость не гложется, — проворчал он сердито. — Вот и старайся после этого...

Ермак посмотрел на него далеким взглядом и спросил:

— Ты мне что-то сказал, друже?

— Сказал спасибо, что ешь ретиво.

Ермак повертел поджаренную на костре баранью ножку, которую держал за косточку, и понял обиду монаха. Ножка была почти цела и успела остыть.

— Не сердись, отче, — виновато произнес Ермак. — Куда хуже, когда в работе отстаем, а за едой обгоняем.

Савва радостно встрепенулся и парировал:

— По пище и работа свищет.

А Ермаку тоже не нужно было лезть в карман за словом.

— Работай до поту, так и поешь в охоту, — ответил он и поднял кубок.

Они выпили, и Савва поспешил удержать разговор.

— Скажи-ка, велеречивый атаман, — вкрадчиво начал он, — какая новая задумка пленила твою голову? Не...

Ермак не дал ему договорить.

— Посмотри, Саввушка, внимательно на мои волосы. Что ты зришь?

— Черноты поуменьшилось.

— То и есть. А седые волосы в трясину не затянут, они не к лихости, а к думкам располагают.

— Не остерегаешься ли ты обмана? Ведь лжецы всегда щедры на клятвы, а у глупца всегда хватает ума, чтобы вредить.

— Чем нам могут навредить эти чувашаи? Укрыться в леса, отказавшись от посольства? Но они не сделают этого, боясь прогневить своих богов, они постараются отвести беду от единоверцев. Об этом-то я и думал.

— Что-то ты не договариваешь, Ермак Тимофеевич, — не унимался Савва. — Вдруг твои послы посоветуют сородичам готовить оборону и засады? Народ-то злохитростный — эти чувашаи. Что скажешь?

— Скажу, что от тебя так просто не отвяжешься, — произнес Ермак, усмехнувшись, — так и быть, откроюсь полностью. Завтра я сделаю так, чтобы послы не только карой могли пугать поселян, не только силой огневого оружия, но рассказали бы и о нашем милосердии к побитым, и об уважении к их вере, и о воздании почести за храбрость, и о щедрости казаков.

— Твоя правда, атаман. Чувашей одним испугом не покорить. Они напролом идут, голов не жалея. Бывает, что доброе, ласковое слово пуще дубины. Когда только зад хлещешь, то в голову не вбиваешь. Но что означают твои слова о почестях и щедрости?

— Сначала похвалю их за храбрость, потом примем клятву в торжестве, с боем барабанов и залпом из пищалей, а затем каждому дадим коня. Пусть это навек запомнится и другим будет передано. Можно на прощание по кубку браги им поднести.

Наступивший день начался с построения полков. Они образовали контур большого квадрата, подобного глухой крепостной стене без входа и выхода, над которой всплескивали красочные полотнища знамен. Внутри квадрата с одной стороны расположились шеренги из тридцати казаков с пищалами, за ними казаки с конями на поводу и впереди строя пять барабанщиков, а с другой стороны — чувашаи с башкирцами, перед которыми со свитком в руках и двумя толмачами, слева и справа, стоял Савва, а за его спиной пятидесятники Брызга и Галкин с обнаженными саблями.

Виновники этого торжества как замороженные взирали на происходящее и с восхищением разглядывали удивительных богов, изображенных на полковых и сотенных знаменах.

В самом центре на возвышении, сооруженном из бревен, была видна крепкая, словно литая, фигура Ермака.

Ермак поднял руку — и сразу умолк гул голосов. Стало слышно, как свищет ветер и шумит под яром полноводная Кама.

В следующее мгновение, заглушая посторонние звуки, прокатилась над головами людей барабанная дробь.

И снова наступила тишина, в которой зазвучал жесткий голос Ермака:

— Казаки! Удальцы! Пролитие крови — недоброе дело. Но в ответ на смертоносные стрелы гремят наши пищали и разит врага

карающий меч, а кто встречает нас не войною, а миром, те живут в благости и без страха. Браты! Посельники по Каме уже давно не ханские данники, а данники Руси. Однако они не платят ясак царю, и не приведены к шерти после взятия Казани. Вот мы и сделаем это, взяв с поселян прокорм для товарищества. Но предупреждаю, что тех, кто польстится на грабежи или на женок с дочерьми, буду наказывать смертью. Смотрите, братцы, перед вами стоят безумные чуваша, погубившие свой город. Но они храбрые воины, а храбрецы держат слово. Сейчас они дадут клятву и завтра отправятся по Каме на ладьях нашими посланцами мира. Приступай, Савва!

Вновь пробили барабаны, и Савва зычным голосом стал произносить слова клятвы, а толмачи, чуваша и башкирцы вторили ему. Затем казак Ясырь подвел на веревочке овцу.

Савва сказал присягнувшим:

— Эту овцу мы приносим в жертву вашим богам, чтобы удача не отвернулась от вас, чтобы боги сменили гнев на милость.

Ясырь повалил овцу и заколол ее кинжалом. Брызга и Галкин смочили кровью свои сабли и пошли по рядам башкирцев и чувашей, поднося клинки для целования.

Когда этот ритуал был завершен, грянули три залпа из пищалей. Заржали испуганные кони, взвиваясь на дыбки. По полкам прокатился одобрителный гул. Чуваша изнывали от нетерпения обрести свободу, но, считая позорным выставлять свои чувства на всеобщее обозрение, стояли как изваяния, гордо поднимая головы.

Сначала наделили конями башкирцев, говоря каждому:

— Атаман Ермак жалует тебя подарком.

Башкирцы дождались, пока очередь дошла до последнего из них, и только потом покинули лагерь казаков. По-иному поступили чуваша. Получив коня, каждый из них тут же уносился прочь.

Необычный замысел Ермака, который он назвал баловством, вполне удался. Население городов и деревень, наслушавшись рассказов посланцев, не проявляло враждебности, безропотно давало клятву и относилось к казакам доброжелательно. Ребятишки бежали по лагерю, как по собственному двору, затевали игры с повольниками, которые ласково теребили их волосы и учили вырезать из дерева фигурки зверей, а смуглые, черноволосые молодки восхищенно смотрели на это и призывно поглядывали на храбрых молодцов. Казаки, подавляя в себе порывы к любовным утехам, очень гордились, насилуя свою плоть, и держались в стороне от соблазна. Всякий раз, на новом месте, Ермак не скупился напоминать повольникам, что не потерпит блуда.

— Кто готов променять вольницу на бабу, — говорил он, — тот пусть берет ее в женки и остается жить в племени, а за блудовство буду награждать пятью десятками плетей. Заносить заразу в

дружину я не дам. Вот когда найдем место, где без оглядки можно жить, возвращаясь из походов, тогда и женок себе заведете, и детушек нарожаете.

Но не всякому это было по нраву, и находились такие, которые окольными путями добирались до условного места любовных утех. Только как ни таились молодые ходуны-греховодники, а все же попадались и получали сполна обещанное.

Большая часть наказанных обычно ищет сочувствия, и поэтому между пострадавшими протаптываются дорожки. Вот и стали собираться обиженные в сторонке, изливая друг другу душу, и поносили жестокие законы: и те, кто хлыста испробовал, и те, кто в цепях побывал после принудительного мытья.

— Какая это вольница, если атаманы отбирают у нас нашу собственную волю? — рассуждали они между собой.

Излюбленным предметом их разговоров становилось перечисление невзгод и лишений, которые они претерпевают по вине своих начальников. Это и гребля на стругах без сна и отдыха, и путешествия по пустынным рекам среди болотин и дремучих лесов, и темные столбы комарья и гнуса, от которых невыносимо чешется все тело, и зимние трескучие морозы, и многое другое, чего нет в излюбленном волжском низовье. А наслушавшись в деревнях страшных сказов о здешних леших местах, они убеждали друг друга, что Ермак ведет их прямо в логово самого сатаны. Но таких было совсем немного, считанные единицы. Подавляющая масса казаков и не мыслила выразить недовольство законами дружины, теми неудобствами, которые казались ничтожными по сравнению с боярским ярмом.

Осуществив свои планы, покорив от имени царя бунтующее население по Каме с большой выгодой для своего товарищества, Ермак направил казачью флотилию к месту зимовья.

26 сентября 1578 года струги вошли в русло реки Сылвы.

Глава 9

ЦАРСКИЕ ЗАБОТЫ

7086—7087 гг. от сотворения мира.

Январь—ноябрь 1578 года.

В то время, когда Ермак со своею дружиною, однажды пролив кровь злобных чувашей, совершал плавание по Каме, покоряя города без применения оружия, воевода Мурашкин безуспешно искал горную черемису и казачьи отряды, и вымещал свою досаду на ватажках беглецов, которые по неопытности попадали в его руки. Этих несчастных он вешал на виселицах, установленных на плотках, и пускал их плыть по воле течения для устрашения всякого люда на Волге.

Мурашкин одержимо ловил слухи, доползающие до Казани из Москвы, и с содроганием ждал того дня и часа, когда царь призовет его для отчета. Но о нем словно забыли в Москве.

После возвращения из победоносного похода на Ливонию Иван Васильевич целиком погрузился в свое любимое занятие — казнить тех, кто был под рукою. Выбивая под страшными пытками несуществующие вины, он казнил князя Никиту Романовича Одоевского, Петра Куракина, боярина Ивана Бутурлина, несколько окольничих и других лиц, в числе их дядю и брата одной из бывших цариц — Марфы. Тогда же был замучен любимец Ивана — князь Борис Тулупов. Его посадили на кол и с варварским бесстыдством истязали перед его глазами старуху мать. Затем был замучен любимец, врач Елисей Бомелий. Ему выворотили из суставов руки, вывихнули ноги, изрезали спину проволочными плетями, и потом в этом виде привязали к деревянному столбу и стали поджаривать.

Вместе с тем царь вспомнил недосягаемого Курбского, бежавшего в город Вольмар, в котором в честь победы Иван Васильевич устраивал пир, и написал ему письмо, хвастаясь и величаясь свои-

ми успехами, а также чванился смирением, называя себя блудником и мучителем, и советовал Курбскому покаяться.

Пребывая в эйфории, Иван Васильевич был самоуверен и не подозревал, что своим коварством во взятии польских городов в Ливонии он навлек на себя и Русь величайшие беды. Его авантюра не могла остаться без отмщения со стороны Батория, давшего при восшествии на престол обещание возвратить Польше то, что было в руках московского царя. Баторий отправил к нему посольство с требованием вернуть отнятые города, на что Иван Васильевич отвечал, что кроме Ливонии и Курляндии он требует еще Киев, Витебск, Канев и другие города, так как считает Великое княжество Литовское и королевство Польское своим родовым наследием от полоцких князей.

Царь приказал своим боярам говорить от его имени польским послам оскорбительные речи в адрес Батория: «Ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого выбираете вы себе в короли! А этот недостойн такого великого сана. Можно бы и хуже что про него сказать, да не хотим для христианства».

Несмотря на это, Баторий не ограничился одним посольством и послал другое, снова предъявляя царю Ивану невозможные требования, выигрывая тем самым необходимое время для подписания со Швецией оборонительного и наступательного договора по захвату Ливонии. А Иван Васильевич думал только о том, как бы воспользоваться преимуществами, достигнутыми в недавнем быстротечном военном походе. В марте 1578 года он согласился подписать перемирие на три года с хитрой оговоркой, запрещавшей полякам вмешиваться в ливонские дела. На основании этой оговорки царь направил к Вендену войско в восемнадцать тысяч человек. Но время было упущено из-за распрей между воеводами — кому командовать всем войском. В результате поляки и шведы успели соединиться и ударили с тыла на россиян, едва успевших построиться. Их разбили наголову.

Неудача постигла царя и в переговорах с ханом, требовавшим себе Астрахань и большую сумму денег. Возник момент, когда татары были готовы выступить против России, поддержав Батория. Но спасло то, что татары вынуждены были выступить против персов по настоянию Константинополя.

После многочисленных убийств воевод, князей и бояр, между именитыми подданными, оставшимися в живых, возникли распри и споры по поводу того, кто более достоин занять то или иное освободившееся место. Ко вреду государства царь много времени тратил на междуусобия воевод, которые не боялись изъяслять самого дерзкого упрямства, не слушались Ивана Васильевича, когда он

назначал им роль в войске не по их родовому старейшинству. Царь решал тяжбы, держа постоянно под рукой разрядные книги. Подобное происходило и в службе придворной.

Когда был казнен крайчий, шурина царя Собакин, царь возвысил Бориса Годунова, назначив его на освободившееся место. Князь Василий Сицкий, сын которого не хотел служить рядом с Годуновым за одним столом государевым, стал судиться с любимцем царя. Но Иван Васильевич своею грамотою объявил преимущество Бориса перед Василием, так как дед Годунова в старых разрядах стоял выше Сицких.

Для решения подобных дел уходило немало времени, что давало Баторию возможность, не теряя ни минуты, набирать рекрутов и формировать сильную армию на европейский лад, хорошо оснащенную огнестрельным оружием.

Были и личные заботы у Ивана Васильевича.

Похоронив заживо Василису Мелентьеву, насладившись казнями и устав от оргий, царь силой забрал себе в женищи Наталью Коростову, которая так и не получила звания царицы.

Еще до похода в Ливонию Иван Васильевич подыскивал себе невесту для нового брака, и его выбор пал на Наталью. Но ее дядя, новгородский архиепископ Леонид, приехал в Москву и решительно заявил царю, что скорее убьет свою племянницу, чем отдаст ее на поругание. Несмотря на то, что такие смелые слова были произнесены в присутствии приближенных государя, последний сохранил невозмутимость и накормил Леонида отменным обедом. Когда же трапеза закончилась, архиепископа неожиданно для всех связали и зашили в медвежью шкуру. Этот тюк вынесли из палаты, положили среди площади и натравили на него десяток злых псов. В несколько мгновений медвежья шкура и зашитый в нее Леонид были растерзаны в клочья.

Несмотря на сопротивление, Наталья стала добычей царя.

Через несколько месяцев после возвращения Ивана Васильевича из Польши Наталья таинственно и бесследно исчезла. Ходили слухи, что она погребена в подземелье Кремля. И снова царь занялся поиском очередной жены.

Занимаясь личными, внутрикремлевскими и государственными делами, связанными с проблемами на западе, царь не проявлял интереса к восточным рубежам. Послав в те края одного из своих пятисот стольников на укрощение бунтующей черемисы и воровских казаков, он считал, что этого вполне достаточно, и не опасался каких-либо неприятностей со стороны Сибирского ханства. Он помнил, что угроза с востока возникает только в случаях военных неудач Руси на западе или с южными татарами. Последний раз это случилось пять лет назад, в 1573 году, когда племянник Кучума

Маметкул совершил набег на ряд деревень и починков Строгановых в Пермских землях, но затем, после поражения крымского хана в походе на Москву, наступило затишье. Затишьем способствовали и распри между правителями Орды.

Но благоденствие Ивана Васильевича длилось недолго. Поляки на западе, а сибирские татары на востоке — готовились к войне с Русью.

Последовавшие в скором времени катастрофические неудачи в борьбе за Ливонию захлестнули все мысли царя.

Глава 10

БЕГЛЕЦЫ

7087 год от сотворения мира.

26 сентября 1578 года.

Черные труднопроходимые леса покрывали необозримые прикамские просторы. Только у берегов рек и озер, да болотных топей, отступали могучие ели.

Вбирая в себя многочисленные быстрые притоки, несла свои воды в Чусовую и Каму река Сылва.

На десятки верст вдоль ее берегов простирались безлюдные пустоши, угрюмые в гробовом молчании глухие урманы, пойменные луга, разрисованные затейливой мозаикой озерков, рыжие трясины, всхлипывающие пузырями.

В этой неприкаянной земле одиноким и затерянным казался острог, прилепившийся к лысому пригорку недалеко от устья Сылвы. Обнесенный высокими крепостными стенами из бревен, с башнями по углам, обмазанными глиной и обложенными камнями, острог впечатлял своей неприступностью и способностью отражать любую осаду. Но в сумерках, в окружающей безмятежной тишине, он казался лишь утомленным от безделья великаном с турьими рогами, равнодушно созерцающим глазами бойниц ненасытных халеев да стайки уток, проносящихся неизвестно куда. Казалось, что все тут брошено и предано забвению.

Но это первое впечатление было обманчивым. За острогом, при пристальном разглядывании, угадывались контуры домов с лохматыми крышами, а близкий берег убеждал в обитаемости мрачного места. Береговые устройства указывали на то, что местные жители занимаются и ловлей рыбы, и гоняют сюда скот на водопой, и совершают разезды на лодках. А едва различимые желтые огни за стенами башен наводили на мысль о существовании недремлющей стражи.

Мимо острога, высвечиваемые рассеянным лунным светом, проплывали бесшумные остроносые струги, похожие на летящие многокрылые призраки, выстроившиеся в одну линию чуть ли не на версту.

Однако, несмотря на проворность хода, каждое судно было нагружено сполна. Под ногами людей лежали бочонки с сухарями и порохом, кожаные мешки с зерном, ящики разной величины, плотницкий инструмент, тюки парусины для пологов и шатров и другая поклажа для походной жизни. Рядом с каждым гребцом были прислонены к лавке по две заряженных пищали и сабля. В одежде путников не было большого различия. Они носили кафтаны из толстого сукна зеленого или серого цвета, легкие шерстяные шаровары и высокие овечьи шапки.

Казаки крепко и дружно налегали на весла, стремясь как можно скорее добраться до места назначения и приступить к строительству жилья. Без жалоб и упреков они сгибали и разгибали спины, слаженно работая мускулистыми руками, пока впереди не вспыхнул факел, подавая сигнал остановки для отдыха. Все лодки разом свернули к берегу и ткнулись носами в песчаную отмель.

Зная, что время дорого, повольники не стали тратить его на разведение костров и приготовление пищи. Как не раз бывало, они, не покидая своих мест, утоляли голод сухарями, размачивая их в забортной воде, и тут же заваливались спать.

Когда могучий храп уже витал над отмелью, к флагманскому судну подошла ертаульная лодка.

Два человека, сблизив над бортами головы, повели разговор.

— Впереди никаких подозрений, — сказал Мещеряк, прибывший из разведки. — Я уверен, что местные племена обитают близ Камня, в самом верховье реки.

— Я тоже так думаю, — ответил Ермак. — Но осторожность не помешает. Не следует ловить туземные стрелы. В случае засады хоронитесь за бортами, а огневой боем отвечайте только при крайней нужде. С будущими соседями нам лучше установить мирные отношения. Если мы их перебьем, то с кого возьмем рыбу и мясо диких зверей?

— Добре, атаман. А как быть с острогом? Сомневаюсь, что нас не заметили.

— Может, и заметили... Пошли-ка туда разведку — пусть дня два-три понаблюдают. С острога непременно гонца отправят в усадьбу на Чусовой.

— Так и сделаю. Назначу Окула с Карчигой.

— Назначь, но только так, чтобы никто об этом не знал. Накажи им почаще оглядываться назад. Савва говорит, что будто появились смутьяны, подбивающие казаков на побег. Если они

решатся на это, то только теперь, пока мы не дошли до места и не разгрузили струги. Сотников и пятидесятников нужно предупредить, чтобы доглядывали за своими людьми, а если упустят кого, так Окул должен их схватить.

Выразив согласие, Мещеряк оттолкнул свою лодку от струга и поплыл на поиск Окула, а Ермак бросил на лавку мешок с ячменем, который в пути заменял ему подушку, и откинулся на спину. Как всегда перед сном, он стал перебирать детали плана на ближайшие дни, но туман дремы окутал сознание, и последняя промелькнувшая мысль вылилась в вопрос: «Быть может, эти дальние и глухие места станут не временным прибежищем, а родным домом вольницы на многие лета?»...

В этот же самый час, как и предполагали только что атаманы, от Сылвинского острога отплыла быстроходная долбленка. Посыльный начальника стражи вез срочное донесение в усадьбу Строгановых о появлении большого неизвестного войска.

Для Строгановых такое известие не могло стать неожиданностью. До них уже доходили слухи, что некто Ермак, казачий атаман, движется с дружиною в сторону Чусовой, покоряя города бунтующей черемисы, башкирцев, чувашей и вятичей. Еще тогда, собрав семейный совет, они решили не ставить об этом в известность ни Елецкого, ни царя Грозного, и попытаться уговорить казаков стать на охрану их вотчины.

Строгановы, которые постоянно засылали лазутчиков в Сибирь и имели сведения обо всем, что там происходит, последнее время были очень обеспокоены. Дело в том, что после разорения их деревень Маметкулом, племянником сибирского салтана, в 1573 году, Кучум в скором времени потерял престол, уступив его своему старшему брату Ахмед-Гирею, и отбыл для участия в борьбе, которую вел его покровитель и союзник бухарский шейбанид Абдуллахан с казахским правителем Хакк-Назаром. Но в этом году Ахмед-Гирей был убит своим тестем, государем казак-киргизов Шигайханом, и Кучум вторично завладел правлением. С этого дня нависла угроза новых вторжений татар в пределы Пермских земель. Рассчитывать на защиту со стороны Чердынского воеводы, исходя из горького опыта, Строгановы не могли, и видели только один способ спасения от нашествий — это найм казаков.

27 сентября 1578 года.

Утром над лугами и водою нависла густая дымка тумана, которая не помешала сигнальному колоколу известить казаков об отходе. Лодки немедля отплыли на середину реки, и над черными просмоленными бортами, словно перья взмахивающих крыльев,

заработали сотни весел. Преодолевая встречное течение, казачья армада двинулась навстречу своей новой жизни.

По мере продвижения стругов все реже и реже встречались пойменные луга и трясины, все выше и выше становились берега, все громче звенели серебряные струи ручьев, берущих начало от каменных гор. На мелководьях и перекатах встречались: то одинокий бродяга лось, то олени, пришедшие попить водицы, то бурый хозяин тайги, занятый ловлей рыбы.

Живописные, но суровые картины по-разному воздействовали на людей. Одни с опаской поглядывали на чащобы и скалы, другие, а таких было большинство, пребывали в состоянии обычного любопытства к новым местам, испытывая радость свободы и веру в будущее, к которому ведет их главный атаман Ермак.

По-иному оценивали обстановку те, кто решился на побег.

Заговорщики, а их было около трех десятков, взвешивали шансы опасной затеи и строили планы по осуществлению задуманного.

Организатором этой группы людей был казак по прозвищу Шалый. До того, как примкнуть к отрядам, объединенным под знаменами Ермака, Шалый с кучкой головорезов носился на конях между Доном и Волгою, попадая то под стрелы кочевников, то под пули царских стрельцов. Потеряв две трети людей, он искал надежное укрытие, и нашел его, присоединяясь к Кольцо, когда тот вместе с другими атаманами направился на Самару. Услышав там о богатстве северных племен, он решил идти с Ермаком, надеясь разжиться за счет грабежа. Но его надежды не оправдались: в походе по прикамским городам Ермак беспощадно казнил обидчиков населения.

Чувствуя себя связанным законами товарищества, Шалый задумал вырваться на простор безнаказанной самостоятельности и не упускал возможности приумножить число своих сторонников, сколачивая в недрах дружины собственный отряд. Действуя с великой осторожностью и хитростью, он особое внимание уделял пострадавшим от цепей и розг, склоняя их к предательству.

Во время очередной стоянки на Сылве Шалый известил единомышленников о необходимости срочной сходки на совет и указал место сбора. По одному, пробираясь окольными путями, они собрались вне видимости дружинников и уселись на землю, образовав плотное кольцо вокруг своего главаря. Шалый сразу приступил к делу — он сказал:

— Братцы, настал срок утекать из этой чужеродной и гибельной земли. Думаю, что царские лады уже убрались в Казань, а Ермак еще не взял нас на подозрение. Следует пользоваться случаем, пока струги не разгружены, а путь на Ахтубу не преградили

льды. По течению мы быстро скатимся до низа Волзы, где нам и черт не помеха. Вопросы есть?

— Есть! Как нам уйти тайком?

— Уйдем, как только вся дружина выйдет на берег для ночлега. Сигнала я давать не буду: сами должны додуматься. Соберемся в хвосте нашей змеюки и угоним два крайних струга.

Один из заговорщиков деловито поинтересовался:

— А сдаваться будем али нет, если за нами учинят погоню?

— Кто вздумает такое, тот пусть сразу прыгает в воду, а не то порубаю, — зло ответил Шалый. — Погони разом не будет, если среди нас не сыщется предатель. А для надежности мы сперва недалеко отойдем и затаимся на время в дебрях.

— Добре, — поддержал чей-то голос, — откладывать затею нельзя, а то останемся без еды и пороха.

Остальные, наиболее решительные, подхватили:

— Нельзя!

— Нельзя!

Но один из новичков неуверенно произнес:

— Может быть, попросить Ермака, чтобы отпустил нас добром?

— Просить бесполезно, — сурово отрезал Шалый. — Ермак не станет добровольно рисковать безопасностью всей дружины.

— Скажи, Шалый, а что будет, если мы попадем в руки стрельцов? — спросил тот же человек, который высказывался о погоне.

— Что ты все каркаешь, как могильная птица? — разъярился главарь. — Может, отступить хочешь? Так я тебя проучу!

— Не кипятись, Шалый, я тоже не лыком шит. Могу и сам кому хошь шею свернуть, — невозмутимо отпарировал уверенный в себе повольник. — Ты лучше ответь на вопрос.

Затаив злобу, пересилив себя, Шалый сказал:

— Со стрельцами будем драться до последнего дыхания. А если они застанут нас врасплох и схватят, то извернемся, сославшись, что убежали от воровского атамана Ермака, так как хотим послужить царю-батюшке.

Расходились заговорщики неудовлетворенные состоявшимся разговором, грызли их всякие сомнения, а некоторые и впрямь решили отступить.

28 сентября 1578 года.

На третий день пути погода катастрофически испортилась. Небо затянуло серою мглой, и заморосил холодный дождь. Лобовой ветер, попутный течению реки, гнал высокую волну, бросая в лица гребцов снопы брызг, которые леденящими ручейками стекали за воротники.

В короткое время все промокли насквозь.

Выбрав подходящее место для ночлега, Ермак объявил привал. Измотанные повольники повыскакивали на берег и, углубившись в лес, стали наскоро сооружать укрытия от непогоды: шатры, шалаши, пологи, под которыми разжигали костры.

Пока все были заняты устройством ночлега и приготовлением пищи, заговорщики, как было условлено, украдкой покинули стан и сошлись у зарослей кустарника на яру против крайних опустевших стругов, около которых виднелись две ссутулившиеся фигурки стражников с натянутыми на головы холстинами.

К досаде Шалого, явились не все — он не досчитался семерых. Сдерживая ярость, опасаясь предательства и провала побега, он сказал:

— Нельзя, братцы, терять ни минуты. Возможно, Ермаку уже донесли на нас. Двух караульных у стругов я беру на себя, а вы мигом занимайте места у весел.

Тут двое отделились от ватаги и заявили, что не будут участвовать в побеге.

— Свяжите нас, — сказал один из них, — на том и разойдемся. Когда нас найдут и спросят, то мы ответим, что в темноте не разглядели нападавших. А то и отпустите с миром, мы не выдадим.

— Я уже говорил, что никого не неволю. Будь по-вашему, — доброжелательным голосом заявил Шалый, незаметно толкнув в бок своего давнишнего приятеля-головореза. — Только для надежности лучше уж свяжем вас. Сдайте свои пищали и сабли, а то атаманы не поверят вам.

Отступники сложили на землю оружие и завели за спину руки, давая себя связать. Однако подручник Шалого отбросил в сторону ремни, выхватил из чехла саблю и рубанул одним махом две шеи.

Оглядев с кривой ухмылкой вытянутые лица оцепеневших заговорщиков, Шалый прыгнул с яра и мигом разделался с караульными у стругов.

Теперь беглецов осталось только двадцать человек и второй струг мог сыграть роковую роль. Поэтому, отведя от берега лишь одно судно, беглецы бесшумно ускользнули, доверившись воле течения. Когда же место привала осталось далеко позади, два десятка весел заработали в полную силу.

В этот же день, на восходе солнца, к укрепленной усадьбе Строгановых на реке Чусовой прибыл гонец из Сылвинского острога. Громким стуком в ворота крепостной стены он переполошил всю стражу.

— Что нужно? — спросил один из них сквозь смотровую щель.

— Срочное донесение к старшему господину, — ответил посыльный.

— От кого?

— От воеводы с Сылвы.

— Давай сюда послание.

— Не могу. Сказано передать самому из рук в руки.

— Тогда жди. Не велено впускать или выпускать кого-либо без личного разрешения хозяина.

Воротник застыл в раздумье, почесывая в затылке и решая сложную проблему: «Разбудишь — можешь нагоняй получить... Не разбудишь — может быть еще хуже, так как донесение, если верить, срочное».

Выбрав из двух зол меньшее, недовольно ворча, он поплелся к хоромам. Через несколько минут воротник вернулся бегом и впустил гонца.

На крыльце усадьбы посыльного уже ожидал слуга, который провел его в приемную.

Глава дома, Максим Яковлевич, стоял посреди просторной комнаты в черном бархатном халате, расшитом серебряною нитью.

Осмотрев с ног до головы вошедшего, Строганов отрывисто сказал:

— Давай бумагу!

Сначала он бегло пробежал глазами по листу, а затем снова внимательно перечитал и отдал приказание слуге:

— Буди дядю Семена и Никиту, пусть немедля идут сюда.

Когда слуга ушел, Максим Яковлевич, испытующе глядя на посыльного, спросил:

— Тебе что-нибудь известно, что изложено в письме?

— Ведомо, — не моргнув, ответил гонец. — Я был в карауле и первым заметил, что по реке движется большое войско. Потому меня и послали с вестью.

— Насколько большое войско?

— Я насчитал два по сорока и еще половину сорока больших стругов. На таких казаки ходят.

— Почему ты решил, что это казаки?

— А у них всегда по каждому носу стоит рулевое весло. Это для быстрого маневра, чтобы, меняя ход, не разворачиваться.

— А ты смышленный. Как звать-то?

— Аника Багор, сын Якова.

— Смотри-ка, — удивился Максим, — я тоже сын Якова, а дед мой — Аника. А почему тебя Багром прозвали?

— А я до вашего найма три лета в казаках по Волзе ходил, приноровился багром сдергивать с коней ногайцев — вот и кличку получил такую.

— Забавно... Так-таки сдергивал?

— Угу. Багор в левой руке, а сабля в правой. Очень ловко получалось.

— Так-так... Вот что, Аника, для твоего же блага говорю: держи рот на крепком замке, никому ни слова о том, что видел. Ясно?

— Яснее не бывает. Буду нем, как рыба.

— Надеюсь... А теперь иди на кухню, там тебя накормят.

— Благодарствую, нужда в том есть, — сказал Аника и указал ладонями с растопыренными пальцами на ширину своего могучего тела.

Аника ушел, а из внутренних покоев появились с заспанными лицами Семен Аникиевич и юный Никита Григорьевич. Позевывая, они уселись в кресла и поочередно прочитали донесение. Вялость сразу покинула их.

Семен Аникиевич спросил племянника:

— Что будем делать?

— Мы будто уже договаривались — не выдавать казаков. Считаю, что самое лучшее — это ничего не делать, — предложил Максим.

— Верно, — согласился Семен Аникиевич, — ничего не делать, что может нанести вред станичникам. Они нам этого не простят, коли огласку сделаем. Думаю, что войско в две тысячи удалцов не стало бы от татар хорониться. Они от своих, русских, от Мурашкина упрятаться решили. Не хотят родную кровь холопскую проливать.

— Как же нам быть с отпиской государя? — встревоженно спросил Никита. — Прознает царь — не сносить нам головы.

— А ты уж и убоялся! — насмешливо сощутив глаза, сказал Семен Аникиевич. — Пока жареный петух в задницу не клюнул — ты соглашался, а теперь сомневаешься. Почему царь должен прознать? А прознает от кого — так мы и не видали, и слыхом не слыхивали.

— А вдруг они сами вылезут наружу?

— Это в зиму-то? Не-е-т. Пересидят тихо в убежище, а по весне опять уйдут в низовья. Попробуй их там сыскать в разливах. Нам бы придержать на лето казачков, чтобы от набегчиков защитили, да тоже боязно. Как бы в разорение не впасть от такой тьмы разбойничков. Вот если бы они на кабалу согласились... Да-а... Нет, племяннички, будем пока сидеть и ждать...

— А вот ждать-то не следует, — возразил Максим. — Надо как-то намекнуть им, что знаем, а не выдали.

— Хитро! Что же дальше?

— Когда в доверие войдем, тогда и переговоры вести будем. Сами знаете, что от разорения со стороны татар и вогуличей как-то оберечься требуется. Вдруг казаки согласятся на найм?

— Тогда нужно составить план и по нему действовать.

— Я к тому и веду. День думайте, а вечером порешим. Спешить-то некуда.

Гонцу было велено ожидать обратной отписки. Анику не только накормили, но и наградили ковшом меда. Насытившись, он вышел погулять по усадьбе.

Площадь господского городка была намного больше Сылвинского острога, да и крепостные стены впечатляли необыкновенной мощью. Один только их вид уже не раз отпугивал воинственных гостей. Они сооружены были из широких срубов высотой более двадцати метров, обложенных снаружи каменными глыбами. Каждый угол многоугольника этой стены замыкали глухие башни, ощеренные стволами пушек, способными по всем сторонам света держать под обстрелом обширную территорию. Посад, примыкающий к усадьбе, был обнесен тыном из высоких кольев и рвом, заполненным водой. Внутренняя площадь усадьбы представляла собою хорошо распланированный и благоустроенный городок. Рядом с двухэтажными хорами стояли церковь и колокольня, разукрашенные и словно игрушечные, что вызвало на лице Аники выражение детского восторга. Площадь и дорожки были вымощены камнем. На небольшом расстоянии располагались погреба и амбары, а за ними конюшня. Далее чернело большое посевное поле, часть которого занимали ленточные грядки, на которых виднелись навозные кучи. За огородом, в сараях и загонах, находился скот. Эта часть хозяйства была отнесена на такое расстояние, чтобы неприятные запахи не достигали хоров и садика с клумбами и качелями — единственного средства развлечения купеческих жен и дочерей, проводивших большую часть времени в светлице за художественным шитьем.

Рабочие и прислуга имели добротные бревенчатые дома, крытые тесом. Дома были разбросаны, размещаясь вблизи с обслуживаемыми хозяйствами. Совсем обособленно располагались казармы гарнизона, склады оружия и пороховые погреба.

Аника, впервые попавший в усадьбу на Чусовой, ходил и удивлялся на каждом шагу. Оказавшись у строений гарнизона, он с завистью стал рассматривать ближайшую казарму.

— Эй, кто таков? — раздался за его спиной окрик.

Аника обернулся. Перед ним стоял стражник, нацеливая в его грудь пицаль. Аника улыбнулся и сказал:

— А такой же, как и ты, братец. Только из гарнизона на Сылве.

— Оружие есть какое?

— Не-е. Господский слуга взял, пока дожидаясь отписки.

Продолжая смотреть с сомнением на крепкого в плечах детину, стражник сказал:

— Такой, как ты, и кулаком может зашибить.

— Могу, — согласился Аника, сжав огромные кулаки и рассматривая их, будто впервые. Потом посоветовал: — Бери, братец, для караула бердыш да лук, а эту штуку оставляй в казарме, — он пальцем ткнул в дуло пищали, — пока зажгешь фитиль — тебя и зашибут.

Стражник опустил пищаль, смущенно потер нос, туда-сюда, и, кивнув в ту сторону, в которую только что смотрел незнакомец, спросил:

— Что скажешь?

— Зависть берет. У нас хуже.

— А служба как?

— Иноверцы стали часто объявляться, дома жгут, но крепости боятся. Пальнем из пушки — они и разбегаются.

— Все веселее живете. Будет время — приходи, поговорим еще.

— Будет ли? А теперь пора вертаться. Вдруг ищут уже.

Аника ушел к хоромам, сел на лавку в садике и стал ждать.

Между тем день близился к закату, и Строгановы собрались, как было условлено, для выработки плана сближения с казаками.

Семен Аникиевич, погрузившись в мягкое кресло с персидскими подушечками, надул щеки, шумно выпустил воздух и произнес:

— Ну и дела-а-а. Не знаю, что и сказать.

— Чем же ты, дядя, занимался целый день, если ничего не надумал? — возмутился Максим.

— Из трав мази и настои готовил.

— Нет ли у тебя настоя для мозгов?

— Максим, ты такой же нетерпеливый грубиян, как твой дед.

— Оставь в покое деда, царство ему небесное. Чем он тебе не угодил?

— А тем, что была крепка власть Строгановых и доходы росли, а как помер батюшка, разделив вотчину между Григорием и Яковом, так все на убыль пошло. А померли братья — и того хуже стало. Ты спроси сначала этого молокососа Никиту, а потом меня спрашивай.

— Почему меня первым? — обидчиво спросил Никита.

— А потому, что ты, как снулая рыба, как бездумная улитка, которой ни до чего нет дела, — распалился Семен Аникиевич. — Тебе достался Орел-городок, от которого зависит судьба всех наших земель. Там делают пищали и порох, а хозяина нет. Лодырь и бездельник! Только и можешь ныть да слюни пускать.

— Остановись, дядя! — рявкнул Максим. — Что ты напал на него? Придет время — и одумается Никита. Он ведь еще совсем молод!

— Когда он одумается, уже поздно будет беду отвести. Сибирский салтан к войне готовится, наущает бунтовать племена, а ты ему время даешь.

— Все! — воскликнул с несвойственной ему решительностью Никита. — Завтра же к себе съеду!

— Съезжай! Только не думай, что я тебя в покое оставлю!

— Хватит! Давайте о деле говорить, — снова вмешался Максим.

— О деле — так о деле, — спокойно сказал Семен Аникиевич, будто бы ничего не произошло. — Кое-что я надумал. Следует заслать в казачий стан лазутчика, чтобы выведать их планы.

— Полезное предложение. Что еще?

— Еще о доверии, о котором ты упомянул, Максимушка. Нужно найти повод для послуги им. Может быть, нужда у них есть в чем-либо, в зелье или еде — так стоит малость помочь.

— Без кабалы, в убыток себе, я помогать не стану, — твердо заявил Максим.

— А зря: можешь и больше потерять, если они вздумают сами взять. Им не впервой будет купцов грабить. Надо усладить прежде, а потом и кабалу предлагать. Ну, а если от них возникнут неудобства всякие, то надо постараться внушить им, что земли за Камнем хотя и дикие, но обильны сокровищами. Бьют, мол, и грабят они ногаев — так почему бы не пограбить Кучума. А нам это всяко будет на пользу. Побьет их салтан — избавимся от разбойников, побьют казаки его — нам дорога откроется. Укрепимся на Тоболе, Иртыше и Оби — на что имеем пожалование государя. Если Ермак, а я уверен, что это он, уйдет за Камень, то никто не узнает о нашем укрывательстве и сговоре. Если же он согласится послужить нам и смирит бунтарей, побьет набежчиков татар, защитив границы Руси, то слава и благодарность государева достанется нашему дому.

— Добре, дядя. А ты говорил, что сказать нечего, — подвел Максим итог.

— Тогда отсылай на Сылву гонца со словами: доносить, что увидят, а деяний против казаков никаких.

Напутствуя посыльного, Максим в завершение напомнил:

— Не забывай, Аника, что я наказал тебе ныне. Рот на замке держи.

Сходив после этого на вечерню в церковь, попросив Господа о защите от лиха, Строгановы, успокоенные, разошлись по своим спальням. Они никак не могли предположить, что не пройдет и трех дней, как новые события сами дадут им в руки повод оказать казакам послугу.

30 сентября 1578 года.

Ночью, как и прошлый раз, загромыхали железные ворота усадьбы на Чусовой. Аника, не ожидая переговоров с воротником, орал во весь голос:

— Отворяй, окаянный! Буди господ!

— Это ты што ль опять, бес тебя забери? — спросил удивленно стражник, громко позевывая.

— Отворяй, коли узнал!

— Не-е. Пойду господ спрошу.

Через несколько минут Аника предстал перед всполошенными Строгановыми. Кафтан на его левом плече был в крови.

— Ты ранен? — спросил Семен Аникиевич.

— Царапнуло маленько.

— Снимай одежду.

— С раной потерпитя, — небрежно отмахнулся Аника.

— Я сказал — скидывай!

Семен Аникиевич осмотрел рану и сказал:

— Кость цела. Сейчас залечим и перевяжем. Кто это тебя?

— Рассказывай все по порядку, — вмешался Максим.

— Я же сказал — царапина. А вышло так... Попал я в перестрелку между казаками. Меня послали разведать — как далеко ушло казачье войско. Прошел я верст десять, а то и больше, и вдруг заметил впереди малый струг на шесть весел — и враз докумекал, что это ертаульщики. Стал я, хоронясь у самого берега, за ними идти, а тут впереди, навстречу ертаульной ладье, скатывается по течению двадцативесельный струг. Гребцы весла побросали и пищалями ощерились. Ертаульщики тоже за пищалями схватились, и несет их течением мимо меня. Ну, думаю, пора в острог поспешать, воеводу оповестить о том, что на реке делается. Выплыл я на показ, а тут стрелять начали — меня и задело. Однако чувствую, что слегка царапнуло — и загреб во всю силу. Моя-то долбленка словно стрела летит, а их струги... Дело понятное — волочатся. Воевода весь гарнизон на реку вывел, цепь натянули поперек на ужине, ратников с пищалями расставили по обоим берегам, а для острастки — из пушки в воздух пальнули. Теперь все повязаны и вашего указа дожидаются.

Строгановы переглянулись, сразу оценив ситуацию и поняв друг друга. Максим спросил Анику:

— Если на малом струге были ертаульщики, то на большом кто такие?

— Беглые из дружины.

Никита присвистнул и с презрительной усмешкой сказал:

— Представляю, какие там порядки, если свои же от своих бегут.

— Кто-нибудь убит или поранен? — спросил Семен Аникиевич.

— Убит один ертаульщик и двое ранено из беглых.

Максим позвал слугу и распорядился, чтобы готовили судно для его поездки на Сылву.

— Я тоже еду с тобой, — сказал Семен Аникиевич.

— А я остаюсь, — заявил Никита, — какого лешего нам всем там делать?

— Тебя никто и не просит, — презрительно процедил сквозь зубы Семен Аникиевич. — Какая там в тебе нужда?

В остроге на Сылве в кабинет начальника стражи привели Окула и Шалого. Максим приступил к дознанию.

— Ну, а теперь рассказывайте: по какой причине вы устроили сражение в моих владениях?

Окул, опустив голову и глядя исподлобья на допросчика, молчал, не изъявляя желаний что-либо рассказывать. Зато организатор побега Шалый, думая, что имеет преимущество, заговорил с охотой:

— Боярин, я и товарищи, что со мною, одумались, не желая вести разбойную жизнь с казаками, захотели вернуться с повинной под волю государя и послужить ему. Отпусти нас с миром. Можем и к тебе в найм пойти.

Семен Аникиевич шепнул на ухо Максиму:

— Это разбойник из разбойников. Все он врет.

— Я тоже так думаю. Разберемся...

Максим перевел взгляд на Окула.

— Это беглецы, как я понял, — сказал он, — а тебе, казак, поручено их поймать. Так ли?

Но Окул продолжал молчать. Тогда Строганов обратился вновь к Шалому:

— А что за дружина, от которой ты побежал? Кто атаман?

— Дружина очень большая, в ней и без нас могут обойтись, одних атаманов и есаулов два десятка, но главный над всеми Ермак.

— Что-то не слыхал о таком. Откуда Ермак? Как такое войско собрал?

— Это мне не ведомо. Знаю только со слов казаков, что грабил он на Волге и море Хвалынском персов, бухарцев, купцов русских да послов государевых с ущербом для царской казны. А я недавно к дружине примкнул — о чем сожалею. Не сторонник я затеи Ермака.

— Какой затеи?

— Схорониться, чтобы под службу царю не попасть и по Каме племена пограбить, да и купцов тоже.

Окул не выдержал. Сжав кулаки, он прохрипел:

— Ну, погоди, вошь поганая, я еще доберусь до тебя.

— Так-так... — проговорил Максим и обратился к Семену Аникиевичу: — Что скажешь, дядя?

— Вели увести этого, а молчуна оставь.

Когда Окул остался один перед допросчиками, он сжался и приготовился к схватке, решив, что лучше умереть в драке, чем болтаться на виселице. Скосив глаза, он примерил — за сколько прыжков достанет стражника у двери, чтобы сшибить и вырваться наружу. А там — как Бог поможет. Но, к его удивлению, дело приняло неожиданный для него оборот. С лица молодого господина вдруг сошло выражение суровости, и он дружелюбно сказал:

— Знаешь, казак, нам уже три дня известно, что ваше войско ушло вверх по Сылве. Мы вам не судьи, никому о вас говорить не намерены. Беглых от дружины мы сейчас передадим тебе повязанными. Вези их Ермаку. Пусть он сам решит — что делать с предателями.

Окул слушал, открыв от удивления рот. Не сразу поняв, что вместо петли на шею ему предлагают содействие, он, еще сомневаясь, спросил:

— А ты не шутишь, боярин?

Максим рассмеялся и сказал Семену Аникиевичу:

— Вели, дядя, принести нашему гостю угощение.

Слуга принес на подносе ковш с медом и какую-то снедь. Когда Окул осушил ковш, вытерев губы рукавом и отказавшись от закуски, Максим стал объяснять:

— Не боярин я, казак, а купец и промышленник. Называй меня просто господином. С казаками наше семейство всегда водило дружбу, и многие у нас охотно служили, и теперь служат по охране вотчины от басурманов, коие и наши, и ваши враги. Царь далеко, а мы с вами одни в пустоши. Какой ляд мне шутить? Передай от Строгановых своему главному атаману, что мы на вашей стороне. Если какое вспоможение понадобится, то пусть скажет. Договоримся по-соседски об условиях. А пока могу предложить тебе и товарищам твоим место для отдыха и сна, а беглецов на время в ямы посадим и под охраной подержим. Утром могу своих служилых дать на ладьях в помощь, чтобы в дороге не случилось чего.

Окул высказал благодарность, но отказался от соблазнительного предложения, попросив только нужное количество веревок и хлеба.

Прикрутив беглецов к лавкам, Окул с казаками покинул Сылвинский острог.

Глава 11

КАЗНЬ

7087 год от сотворения мира.

3 октября 1578 года.

Когда беглецов доставили в лагерь, там в полном разгаре велись работы по строительству городища.

Увидев приближающиеся струги, повольники побросали лопаты, топоры и пилы, и заволокли весь берег. Каждому хотелось взглянуть на тех, кто безжалостно порубал своих товарищей. Совершенное преступление было неслыханным событием за все многолетнее время плавания по рекам и гуляний по Полю. Ветераны не помнили ничего подобного.

Беглецов, со связанными за спиною руками, вывели из стругов и повели по живому коридору из дружинников. Преступники шли, склонив головы и потупив взоры, ибо когда они бросали взгляд по сторонам, то не находили сочувствия, а встречали гневное осуждение. Вслед за ними несли убитого разведчика. Один только главарь Шалый держался нагло, скривив губы в презрительной ухмылке и глядя поверх голов. Никто не подозревал, что он еще рассчитывает на подходящий случай, чтобы вырваться из пут и сбежать.

К поляне, на которой разместили преступную ватагу, подошел Ермак и другие атаманы. Ермак спросил:

— И кто же у вас затейщик, разбойнички?

Солидарное молчание было ему ответом. Он пожал плечами.

— Не хотите говорить — и не надо. В этом нет большой нужды. Лучше спросим казаков — какое наказание вы заслужили?

Ермак крикнул:

— Гей, братцы, что будем делать с предателями и душегубцами своих товарищей?

Толпы повольников, стоящие вокруг плотным кольцом, всколыхнулись взрывом негодования. Раздались возгласы:

- Смерть змеенышам!
- Порубать их, как они порубали!
- Удавить петлею! Враз на сучках развесим!
- Утопить гадов!

И еще, и еще, и еще выкрикивались всякие кары.

Ермак обвел взглядом беглецов.

— Слыхали приговор казаков?

— Понятно, слыхали, — удрученно ответил один из ватажников, — ты, атаман, не терзай нас дознаниями, а вели порешить всех разом, в сей час.

Шалый привскочил.

— Ты что, шакал, отвечаешь за всех? — вскрикнул он злобно. — Я, к примеру, дознания хочу! И другие, может, хотят, чтобы оправдаться.

— Чем же ты оправдаешься? — спросил Ермак, глядя в лицо Шалому пронзительным взглядом.

Шалый извернулся и встал на ноги, всем на удивление. Его звонкая речь, смелая и наглая, ударила по толпе.

— Казаки! Брательники! Али не надоели вам атамановы строгости? Али привыкли вы к холопству? Такой ли вы жаждали вольницы? Для того ли вы бежали от ярма боярского, чтобы под новое попасть? Только и слышите запреты: «Браги-меду не пей!», «С бабою не любись!», «Поселян инородцев не шарпай!», «Добычу отдай в общую казну!» Разве это вольная жизнь? Где же она, волюшка желанная? А от такой, какая заведена атаманами, не лихо и наутек броситься! Помилуйте, братцы, за что же нас казнить?

Богдан Брязга не выдержал и подскочил к нему, выхватив саблю и выговаривая сквозь зубы слова:

— Ах ты, гнида поганая! За что казнить, спрашиваешь? А за что ты брательников сгубил? Вот и я срублю тебе голову!

— Погоди, Богдан, — осадил его Ермак, — потерпи малость. Брязга, нехотя, отступил.

— Верно, атаман, — подхватил Шалый, — усмири этого щенка. Я требую дознания, а завтра и суд можно собрать.

— Суд уже собран, — сказал Ермак, указав на толпы казаков. — А ты, видать, и есть главарь?

— Он! Он, Шалый! — крикнул тот же беглец, который просил скорой смерти. — Это он и вот тот, подручник его, срубили станичников из-за спины, не спросив остальных. Однако мы все в ответе и заслуживаем смерти.

— Как тебя зовут? — спросил Ермак.

— Микола Тихий.

— Не шибко ты тихий, как вижу, но готов миловать тебя за правду.

Микола встрепенулся радостно и сказал:

— Если миловать, атаман, так всех, кроме убивцев. А для одного себя не могу принять твое прощение.

Ермак в раздумье потеревил бороду и решительно произнес:

— Ты прав — вы все в ответе. Никого не помилую. Но не будет справедливости в одинаковой смерти убивцев с остальными... А ну-ка, Шалый, погляжу-ка я — что за рубака ты не за спиною, а лицом к лицу.

Ермак обернулся, поискал глазами и крикнул:

— Гей, Окул, поди сюда, развяжи главаря и дай ему саблю.

У Шалого бешеной радостью вспыхнули очи. Он поспешно схватил протянутое ему оружие, поджался, изготовившись к прыжку, и завертел головой, выискивая противника. Он никак не предполагал, что противник уже стоит перед ним. Это был Ермак с обнаженным изогнутым персидским клинком.

Шалый побледнел, лоб его покрылся испариной, а на кончике уса повисла капля. Он снова завертел головой: нет ли прорехи в толпе? Но круг по-прежнему был замкнут. Шалый заглянул в глаза Ермаку, скривив рот в уродливой улыбке.

— Что же ты топчешься, убивец? — с усмешкой спросил Ермак. — Али спину тебе показать, герой?

К Ермаку рванулся Брызга.

— Батько! Дозволь мне сразиться с ним!

— Не мешай! — сердито оттолкнул его Ермак. — Это мое дело!

Шалый воспользовался заминкой и в два прыжка оказался у цели, нанося удар саблей.

Ермак, словно каменная глыба, не сдвинулся с места, легко отразив серию ударов. Шалый отскочил.

Ермак похвалил:

— Хорошо дерешься. Тебе бы в самый раз с басурманами сражаться.

— Тогда прости наши вины, — сказал Шалый.

— Жаль, но должен тебя наказать...

Шалый напал вновь. Многочотенная толпа зрителей, затаив дыхание, наблюдала за поединком. Было так тихо, что слышалось, как в лесу постукивает дятел. Отбивая удары, Ермак сказал:

— Умрешь-то ты заодно со своей братвой, а перед тем получишь то, что заслужил.

После этих слов Ермак дважды молниеносно взмахнул клинком — и тут же сабля Шалого полетела в сторону, а отрубленная кисть руки упала в траву. Из живого обрубка хлестала кровь.

Ермак поморщился и сказал Савве:

— Займись им, чтобы дожил до казни.

Шалый обезумел от боли и ужаса; он поднял отсеченную кисть и стал приставлять ее к обрубку. Савва крутился возле него и не знал, как подступиться, чтобы не замараться кровью. Наконец он нашел простой выход — стукнул Шалого по голове рукоятью кинжала. После этого Савва перевернул Шалого на спину, убедился, что тот жив и, упав, не свернул себе шею, и стал туго затягивать ремнем запястье.

Следующим, кому назначалась подобная кара, был подручник главаря. Поняв, что очередь дошла до него, он припал к земле щекой, глядя на Ермака слюдяным взглядом.

Ермак усмехнулся и сказал:

— Богдан, ты саблей хотел помахать — так он твой.

Брызга подошел к подручнику и пнул его ногой в бок.

— Вставай, гад! — приказал он,

— Не встану, — ответил подручник. — Можешь меня лежаче-го рубить, а саблю в руки не возьму.

Брызга растерялся и разочарованно спросил Ермака:

— Что мне с ним делать, батько? Он не хочет драться.

Ермак пожал плечами, бросив:

— Если желаешь, то отруби ему руку на колоде.

Озадаченный Брызга махнул рукой и присоединился к Мещеряку, который все это время, стоя в сторонке, наблюдал за происходящим и ожидал развязки, поглядывая, время от времени, на Ивана Грозу. Тот, хотя и казался невозмутимым, сгорал от зависти, что не он, а Ермак так искусно наказал главаря предателей.

Полюбовавшись растерянностью Брызги, Ермак обратился к Окулу:

— Тащи, друже, двадцать кулей. Не будем поганить землю, на которой нам жить. В реке потопим преступников.

Всем повольникам было разрешено оставить на время дела и присутствовать при казни.

Необычная, многосотенная вереница людей растянулась вдоль берега. Казаки шли вниз по течению к месту, где под обрывом крутил водоворот. Осужденные шли понуро, смирившись с неизбежной судьбой. Один только Шалый, которого поместили замыкающим своей преступной группы, вышагивал бодро, вызывая всеобщее удивление. Левой рукою он поддерживал обрубок правой, с уже запекшейся кровью, и, казалось, что-то напевал. Даже Савва, врачевавший многих и шарахнувший его по темени, повидавший виды, был в изумленной растерянности и бормотал себе под нос: «Ну и бесовское отродье... Бес, ей-ей — бес».

Когда пришли на место, Окул и Карчига разложили кули вдоль кромки яра и засыпали в каждый добрую порцию песка. Затем они проверили — надежно ли связаны руки у беглецов. Только однору-

кий Шалый не имел пут, так как сочли, что в его положении в этом нет необходимости.

Осужденных на смерть поочередно подводили к кулям. Савва говорил каждому:

— Покайся, грешник, и Господь примет тебя.

Жертва каялась, влезала в куль, который натягивали до пояса и крепко перевязывали. Затем за пазухи одежды так же набивали песок и обреченного сталкивали с яра.

Шалому предстояло умереть последним, чтобы утрашиться гибелью всех своих сообщников, а также любимого подручника. Ему даже разрешили присесть на пенек.

Шалый бесстрастно наблюдал за происходящим, а когда очередь дошла до него, покорно поплелся к обрыву.

— Ты жаждуешь покаяния и отпущения грехов? — спросил его Савва. — Если покаешься, то Господь примет тебя и ты не попадешь в ад.

— Жажду, — ответил Шалый, — ковш браги и еды перед этим.

Он толкнул Савву на Окула, вlepил затрещину Карчиге и бросился с обрыва вниз головой.

Все оцепенели. Такого никто не предвидел. Ермак и атаманы подошли к обрыву, а Окул и Карчига, да еще с десятков казаков изготовились открыть стрельбу из пищалей. Ермак остановил их:

— Не стреляйте, братцы. Пусть плывет, если сумеет выплыть.

Шалый выплыл, и его понесло по течению.

— Все равно ему не выжить без руки, — сказал Ермак. — Шалый сам выбрал себе смертное мучительство.

— А я думаю, что такая тварь сумеет выжить, — возразил Брызга.

И он оказался прав.

Отплыв на небольшое расстояние, Шалый выбрался на берег. Поскуливая, посмеиваясь и смачно ругаясь, он отдышался, отлежался, и стал освобождаться от мокрой одежды, когда убедился, что за ним нет погони. Отжав, как мог, шаровары, кафтан и рубаху, он развесил их на кустах и осмотрел руку, вернее то, что от нее осталось. Спасительный ремень, наложенный монахом, сделал свое дело — срез на култышке выглядел терпимо. Превозмогая боль, бьющую толчками пульса, он заставил себя сосредоточить внимание на разработке плана выживания. Положение было отчаянным, казалось, безнадежным, но Шалый не терял присутствия духа и уверенности в свою изворотливость. Решив, что его ждет неминуемая гибель, если он не обеспечит себя необходимым для поддержания сил, чтобы продолжить путь, он стал дожидаться ночи, задумав отчаянный ход — проникнуть в лагерь Ермака, где его никак не могут ждать. Кому придет в голову мысль о такой наглости?

Когда в казачьем стане все погрузились в сон, кроме караульных, Шалый, обойдя сторожей, прокрался к одному из окольных шалашей и выкрал саблю, нож, топор, пилу и моток веревки. Оттащив добытое богатство в лес, он вновь пустился в рискованное путешествие. В поисках еды он заглянул в котел над затухшим костром и обнаружил в нем на стенках жалкие остатки ячменной похлебки. Он собрал их ладонью и жадно проглотил. Затем ему невероятно повезло — снаружи шатра какого-то есаула или сотника стоял бочонок с сухарями. По-змеиному, ползком, Шалый добрался до него и с особой осторожностью, чтобы не хрустнула какая-нибудь ветка, укатил его в кусты. Собрав в одном месте все украденное, связав веревкой каждый предмет и прикрепив их к бочонку, Шалый перекинул через левое плечо лямку и заковылял вдоль реки, подальше от лагеря.

Ему потребовалось два дня упорного труда, чтобы соорудить плот. Столкнув его по покатам в воду, Шалый пустился в плавание по уже студенной реке.

Пропажа сабли, инструмента и сухарей привела в замешательство потерпевших. Опасаясь неприятностей от начальства, предполагая чью-то злую шутку и надеясь, что еще не все потеряно, бедняги обшаривали каждый куст в округе, но поиски были бесплодны. Тогда доложили о случившемся Богдану Брызге, надеясь на его защиту перед Ермаком. Брызга немедля, смекнув о причине пропажи, побежал к Ермаку и выпалил с торжеством:

— Я был прав, батько. Шалый спасся и обокрал нас ночью. Дозволь заняться розыском.

— Не позволяю, — сказал Ермак, нахмутив брови. — У нас есть дела поважнее, чем ловить смертника.

— Ты хочешь дать ему волю? — удивился Брызга.

— Он получил свое и для дружины уже не опасен, — уклончиво ответил Ермак, задав, в свою очередь, вопрос Брызге: — Скажи-ка, а чьи караулы он сумел обхитрить?

— Мои, — сказал растерянно Брызга.

— Так ты спроси со своих казаков, спроси. И проверь — может, у нас ночью и татары побывали?

Брызга проглотил справедливый упрек и ушел с тяжелым чувством. Ох, и досталось же от него караульным! Несколько дней Богдан не мог успокоиться, досадуя, что упустил Шалого.

Между тем, беглец, несмотря на ноющую рану и ярость от потери руки, ликовал, восседая на своем плавучем сооружении и направляя его движение рулевым веслом. Быстрое течение стремительно приближало его к роковому месту — Сылвинскому острогу, который было необходимо миновать ночью, чтобы вновь не по-

пасть в руки Строгановых. Только эта мысль беспокоила Шалого, но он был уверен, что теперь-то сумеет остаться незамеченным.

Так, видимо, и произошло бы, если бы не случайность, если бы Шалого не преследовал рок.

Благополучно миновав острог, прогнав плот под прикрытием крутого берега, Шалый за первым же поворотом реки оказался лицом к лицу с Аникой Багром, который возвращался с Чусовой от Строгановых с их очередной отпиской.

Бросив рулевое весло, Шалый схватился за саблю. Плот тут же стало разворачивать. Увидев угрожающее действие, Аника взял на изготовку багор. Приблизившись, он узнал главаря беглецов, заметил окровавленную култышку и понял, что этот разбойник опасен и хитер, коли сумел снова улизнуть в подобном виде. Но теперь-то ему никуда не деться, даже с саблей.

Как только лодка ткнулась носом в плот, а Шалый вскочил на ноги, Аника изловчился, зацепил его багром за штанину и резко дернул. Шалый упал на искалеченную руку, взвыл от боли и выронил саблю, которая, спружинив от бревна, улетела в воду. Аника, не теряя момента, зацепил крюком лодку за плот, прыгнул на него и всю тяжесть своего грузного тела обрушил на Шалого. Тот, не желая покориться, впился зубами в плечо напавшего и попытался дотянуться до голенища сапога, в котором был спрятан нож, но не успел им воспользоваться. Аника, осерчав от укуса, стукнул Шалого кулачищем по темечку.

Прикрутив пленника веревкой к бревну, пересев в лодку, Аника продолжил свой путь к острогу, ведя плот на буксире.

Вновь, в который уже раз, Анику отправили с новым донесением в господскую усадьбу.

Строгановы выслушали рассказ о поимке разбойника и о том, что дало дознание. Шалый утверждал, что Ермак пощадил всех беглецов, оставив их в отряде, а ему, как затейщику побега, отрубил в наказание руку и отпустил с миром. Потому он просит, чтобы не чинили ему препятствий и дали возможность продолжить свой путь.

— Не верю я этой сказке, — пришел к заключению Семен Аникиевич. — Думаю, племянники, что Шалого следует вернуть Ермаку. Если он раз его отпустил, то и в другой не станет удерживать, а у нас уже дважды в долгу будет, коли разбойник сбежал.

Максим и Никита согласились с дядей и тут же сочинили отписку на Сылву, в которой предписывалось отправить пленника на шестивесельной лодке с тремя гребцами под стражей Аники. Кроме того, Аника должен был выступить в качестве посла, вручить Ермаку поминки: три пуда соли, пять кулей толокна и бочонок вина.

Версты за три от городища Ермака ладье преградил путь ертаульный струг, внезапно появившийся из потайного укрытия. Окул издали узнал посланца и приказал казакам опустить пищали. Подойдя к ладье, караульщики с удивлением и радостью обнаружили связанного Шалого.

— Это ты его поймал, Багор? — спросил Окул.

— Случай помог, — признался Аника, — а иначе — поминай как звали. Говорит он, что Ермак отпустил его на все четыре стороны.

— Как бы не так. Убег он! Вот будет подарок атаманам!

Первыми увидели прибывших Мещеряк и Брязга, которых оповестил дозорщик о приближении чужого судна в сопровождении Окула. Брязга, увидев Шалого, возликовал и спросил его:

— Не хочешь ли, змееныш, сразиться со мною? Я буду держать саблю в левой руке, чтобы все на равных было.

— Тебе далеко до Ермака, вонючий козел! — огрызнулся Шалый. — Только драться с тобою я не буду по своей воле. Небось, досталось тебе — что меня проспал? — и он, презрительно ухмыльнувшись, пошел под стражей к Ермаку.

По дороге Анику поразила окружающая деловая суета. Стучали топоры, визжали пилы, радовали глаза свежие срубы. Огромный город словно вырос из земли в виде рядов изб, куреней, лабазов, погребов и амбаров. Воздух пьянил смолистым, хвойным ароматом древесины. А на ветру над головами людей развевались красочные знамена.

Ермак, увидев Шалого, сердито спросил:

— Кто это надумал притащить его ко мне? Не ты ли, Богдан?

— Ты што, батько? Я твоего запрета не нарушал. Это купцы Строгановы решили одарить тебя.

— Хорош подарок! Лучше бы они себе его оставили. Кто же изловил его?

Брязга подтолкнул в спину Анику, который выступил вперед и, как бы оправдываясь, сказал:

— Да он сам выплыл на меня на своем плоту и за саблю схватился. Вот я его и маленько помял, и скрутил.

— Кто же ты таков, молодец? — спросил Ермак, окинув оценивающим взглядом внушительную фигуру человека, смахивающего на казака.

— С острога я, по найму у Строгановых, Багром кличут.

— Значит, купцов оберегаешь? Не тошно?

— Было бы тошно, если бы не мастеровые да крестьяне, что у острога живут. Разоряют их инородцы, а мы, казаки служилые, защищаем их, из пушек палим.

— Только-то?

— Мало нас для драки за стенами, а их, бывает, приходит сотня, а то и две.

— И это все?

— Все.

— Скука, — заключил Ермак.

— Скука, — подтвердил Аника Багор.

— Иди тогда в наше товарищество.

— Я не могу пока. У меня друг в остроге.

— Это хорошо, что уважаешь дружбу. Если погода надумаете вдвоем, то приму. Что велели Строгановы сказать мне?

— Велели сказать, что у них рот на замке и они готовы вспоможение оказывать посильное, если потребуется. Поминки тебе прислали.

— Если так, то пусть примут от меня в ответ ковер персидский и чашу золотую. А Шалого больше не лови: он получил уже свое.

Брызга подскочил и возмущенно выпалил:

— Батько, не жалея гада! Отдай его мне.

— А я и не жалею. Пусть убирается ко всем чертям. А ты, со своими караульными, не зевай по ночам. Сам знаешь, что с ворами делать.

Шалого освободили от пут и отпустили, как он говорил недавно на дознании у Строгановых, на все четыре стороны.

Яков Михайлов, который присутствовал при этом, спросил Мещеряка:

— Как ты думаешь — почему он его отпускает?

— Думаю, что его грызет сомнение от поединка с этим шакалом. Сожалеет, что не сдержался.

Шалый, осознав, что волен идти куда угодно, избежав кары, нерешительно, словно сожалея о чем-то, потоптался на месте и медленно пошел к лесу. Там, недолго думая, он выбрал путь на восток и зашагал в сторону Каменного Пояса. Он решил, что его единственное спасение — это разыскать местных жителей, так как надвигалась зима.

Брызга был очень раздосадован, но надеялся, что пути с Шалым у него еще пересекутся.

Глава 12

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Эссе

Уважаемый читатель! Как только в моем повествовании дружина Ермака стала обустраиваться в верховьях Сылвы, вблизи Уральских гор, называемых в прошлом Каменным Поясом или просто Камнем, у меня возникло множество вопросов относительно племен и народов, заселявших Сибирь в те времена. Я подумал, что без ответа на них не обойтись, что это небезынтересно не только для меня, но и для любознательного человека, заинтересованного прошагать вместе со мной дорогами прошлого. Мне кажется, что такой экскурс в историю поможет понять — как горстка казаков сумела прибрать к рукам столь обширное Сибирское ханство.

Облик, культура, языковые различия и сходство обычаев, языческие верования, легенды, создающие ореол восхищения, неудержимо влекут меня к познанию истоков народов Сибири. Кто такие вогулы и остяки, теперешние манси и ханты, кто такие сибирские татары и татары-чингизиды? Эти вопросы не дают мне покоя, и я считаю, что, не ответив на них, невозможно объяснить то, что произошло, когда Ермак со своею дружиною перевалил через Уральский хребет.

Огромное разнообразие населения Сибири в XVI веке заставляет предполагать, что Сибирь была местом продолжительной деятельности народов, имеющих некогда самостоятельную культуру, но с течением времени утративших познания.

Западно-Сибирская равнина стала осваиваться человеком в конце древнего каменного века, примерно 15-20 тысяч лет назад на исходе ледникового периода. К шестому-четвертому тысячелетию до н. э. относятся открытые памятники эпохи неолита — нового каменного века. На протяжении всего неолита в лесостепи и южной тайге Притоболья взаимодействовали два крупных сообщества

населения. В то же время в Притоболье и на Ишиме появились представители иной культуры, истоки которой уходят к районам Прикаспия.

С этого времени аборигены, как можно предположить, подвергались влиянию пришельцев. Исторические источники весьма ясно проливают свет на то, как многие народы, один за другим вытесняемые с юга на север вторгнувшимися племенами, уходили в необитаемые тундры севера или оседали в районах среднего Иртыша и Оби. Эти племена стояли на очень низкой ступени развития, вели жалкую кочевую жизнь, занимались охотой и рыбной ловлей.

Есть основание считать, что самыми древними жителями Сибири из пришельцев были енисейцы, или так называемые енисейские остяки, которые в IV веке до н. э. покинули восточно-азиатское плоскогорье, двигаясь с востока на запад по южному склону Алтайского хребта, и обосновались на первом этапе в верховьях Енисея, а затем переместились на север Сибири. Это племя совершенно отличалось своим языком от всех урало-алтайских племен, что указывало на его полную изоляцию от тюрко-монголов. Это племя в непривычных для него условиях сурового климата было обречено на вымирание. В XI веке, когда русские пришли в Сибирь, енисейских остяков насчитывалось едва около тысячи человек.

Вслед за енисейцами, в результате первой народной волны, под напором народа хунну в III веке до н. э. последовали народы-племена угро-самоедов, которые перешли Алтайский хребет, а жили до этого, наверняка, близко от тюрко-монголов, так как их язык относился к семейству урало-алтайских народов.

Каково же было географическое распределение народов, вытесняемых с юга? Подробное описание о таком распределении нахожу у П.П.Семенова в издании 1884 года «Живописная Россия». Он сообщает, что по верховьям Иртыша жили западные монголы (калмыки). Параллельно с рядом монгольских народов тянулся ряд тюркских племен от Иртыша до устья Лены. По среднему течению Иртыша жили аялы, туралы и курдаки. Дальше на восток, в Барабинской степи, до Оби — барабинцы, между Обью и Томью, к северу от Алтая, — телеуты; на Алтае — уранхайцы и телесы (уйгуры). По верховьям Енисея жили сагайцы, киргизы (хагасы) и саянцы. Между Томью и Енисеем, к северу от тюркских племен — енисейские остяки — на левом берегу среднего течения Енисея, а на правом — котты и ассаны. Крайний север Западной Сибири занимали самоедские племена.

Во время русских завоеваний самоеды, енисейцы и тунгузы стояли на такой ступени развития, что от них не получено никаких преданий о доисторическом времени. Только угро-самоеды остави-

ли все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовой эпохе. Но последующего развития цивилизации мы уже не наблюдаем. Что могло препятствовать этому? Ответ на этот вопрос также дает П.П.Семенов.

От горной цепи, простирающейся от верховьев Иртыша на восток, идет к северу несколько отрогов, покрытых лесами и болотами, которые были удобны для плотного заселения. Наибольший интерес для переселяющихся народов представляли два района, относящихся к этому повествованию. Это северо-западный край Алтая до Томи и долины со степями верховьев Енисея, Абакана и Чулыма. Названные районы имели в изобилии все необходимое для жизни культурного народа. Большие долины, окруженные горными цепями, смягчающими суровый климат, были большей частью плодородны, удобны для земледелия и скотоводства. Протекающие по ним реки изобильно снабжали рыбой, а окружающие горы — металлом, золотом и серебром. В лесах водилось много всякого рода пушного зверя и дичи. Одного лишь недоставало жителям этих местностей — удобных способов сообщения с другими образованными народами. Горы и пустыни отделяли эту часть Сибири от юга, бесконечные степи простирались между ней и Европой, а река Обь вела через неплодородные тундры в малодоступный для судоходства Ледовитый океан. Этим, видимо, и объясняется ранняя гибель начавшегося самостоятельного развития ее жителей.

Движение воинствующих орд привело к исчезновению многих народов и их цивилизаций. Об этом нам сообщают древние китайские историки. Первым из них было нашествие могущественных орд народа хунну в III веке до н. э. За ним следует в IV веке н. э. народ жунжань, затем тукю, хайхой и, наконец, хагас (киргизов, получивших это название от китайцев). Все они будто бы тюркского происхождения. Эти народы, по свидетельству китайских источников, частью направились в Сибирь, что до некоторой степени разъясняет прежнее положение ее жителей.

В Северной истории (Бей-Шы) говорится, что в 492 году уйгурский царь Афуджило покинул со ста тысячами своего народа Селенгу, направился на запад и основал в верховьях Иртыша новое самостоятельное государство. Далее та же история сообщает, что Или-Хан-Тумын, царь восточных тукю, напал с севера (с Алтая) на передвигавшихся по Иртышу телесов (уйгуров) и подчинил себе Аймак, состоявший из 50 000 кибиток. Под влиянием этого успеха он послал к Анауху, главе народа жунжань, предложение брачного союза с его домом. Анаух, разгневанный такой дерзостью, отвечал: «Как осмеливаешься ты, мой плавильщик (т.е. занимающийся обработкой металлов), делать мне такое дерзкое предложение?»

Тумын велел убить посла, передавшего такой ответ. Впоследствии Тумын породнился с китайской династией Вэй, а в 552 году послал войско против жунжань и одержал полную победу.

В истории династии Тхань говорится о продолжительных войнах народа хагас (киргизов) с уйгурами (телесами). Из этой истории известно, что государство Хагас было чрезвычайно могущественно и имело 80 000 строевого войска, что оно простиралось от верховьев Иртыша до верховьев Енисея и занимало собственно Алтай. Хагасы занимались земледелием и скотоводством, сеяли просо, ячмень и пшеницу. Муку они мололи ручными мельницами. Вино квасили из каши. Их лошади были полны и рослы, а дикие лошади очень ценились. Они держали также верблюдов, коров и овец. Богатые люди владели стадами в несколько тысяч голов. Главную пищу хагасов составляло мясо и кобылье молоко. Из музыкальных инструментов они имели флейту, бубен и еще два неизвестных инструмента. Они очень любили смотреть представления с обученными львами и верблюдами, а также волтижирование на лошадях и балансирование на веревке. Хагасы были рослы, с рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами. Мужчин было меньше, нежели женщин. Мужчины носили в ушах кольца, были горды и стойки, татуировали себе руки. Женщины же, выходя замуж, татуировали шею. Оба пола жили нераздельно, почему у них было большое распутство. Многие их слова дают возможность предположить, что они принадлежали к тюркскому племени. Но так ли это?

Еще в XVII веке русские встретили много киргизов в долине Енисея и телесов на восточном крае Алтая. Историки полагают, что все племена южной Сибири, говорящие на тюркском языке, частью потомки этих тюрков, переселившихся в первые века нашего летоисчисления на Алтай, частью иноземцы, «отатарившиеся» под влиянием тюркских народов.

Тюркские племена в Сибири не сохранились в первоначальной чистоте своих племенных признаков (рыжие волосы, голубые глаза), а это значит, что тюрки наружностью резко отличались от соседей монгольского происхождения. Казак-киргизы и алтайские тюрки стали иметь вполне монгольский вид. Барабинцы и иртышские тюрки походили на самоедов и остяков, тогда как между татарами восточной России встречалось много блондинов. Однако есть сомнение, что светлые волосы и голубые глаза — признак племенной чистоты тюрков. Но об этом скажу ниже.

Читая «Живописную Россию», я искал и не находил упоминания о кипчаках. А ведь появление этнической общности — сибирских татар — связывают с этим народом, пришедшим около тысячи лет назад на юг угорских земель (т.е. в период первой волны дви-

жения народов), в связи с чем местное население отошло в более северные районы, а часть его ассимилировалась пришельцами. Так говорят современные историки.

Кто же такие кипчаки?

Сведения о них когда-то промелькнули передо мной во время давнишнего чтения. Начинаю перебирать стопку потрепанных, залежалых на моих книжных полках журналов, и нахожу: «Роман-газета». Владимир Чивилихин, «Память». Перелистав, читаю: «Русские, впервые увидев кипчаков в одиннадцатом веке, назвали их половцами из-за светлого, соломенно-желтого, «полового» цвета волос, а среди маньчжуров даже в восемнадцатом веке нередко встречались субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой». И далее: «Самоназвание енисейских кетов — «ди», что на их необыкновенном языке означает «люди». В XIV веке арабский историк Эломари написал: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в течение шести месяцев. Несмотря, однако, на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их — совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые».

Ранее я выступал в роли «любопытного читателя», к которому обращался В. Чивилихин, но теперь, в состоянии целеустремленности, делаю для себя потрясающие открытия. Ответ на один вопрос порождает другие. Народ «ди», или динлины, на которых по родовому признаку похожи не только киргизы и енисейские кеты, но и маньчжуры и кипчаки — кто они? Откуда они взялись?

Грум-Гржимайло пишет, что динлины составляют ядро того народа, который в 1122 году до Рождества Христова овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу. Ученый числит динлинов в долине Хуанхэ еще в третьем тысячелетии до н. э. Они отличались высоким ростом, голубыми глазами, белокурыми (рыжими) волосами. Динлины строили дома — деревянные срубы, крытые древесной корой, были знакомы с земледелием, которое вели близ своих поселений, но легко снимались с места в поисках рыболовных и охотничьих угодий. Мужчины носили серьгу в ухе, не терпели подчинения и сами не были тиранами. Они знали рудное, литейное и кузнечное дело, сами изготавливали себе оружие, были храбрыми воинами, «имели сердце тигров и волков», но, будучи свободолюбивым, подвижным народом, жили разрозненными мелкими родами, собираясь вместе для борьбы с общим врагом.

Китайские источники указывают, что с VII века до н. э. динлины вели наступательные и оборонительные войны, разгромив в 661 году царство Син, а на следующий год государство Вэй. Затем,

в V веке до н. э., они создали самостоятельное государство, следы которого прослеживаются до 318 года н. э.

Вопрос — кто они? — стал назойливым в моем повествовании. Некоторые ученые считали динлинов родственными древним иранцам, другие — тюркоязычным народом, а один исследователь предположил, что они предки славян, но веских доказательств не нашел.

Однако такое предположение, на мой взгляд, имеет право на существование и изучение. В подтверждение этой версии мне захотелось найти зацепки в известных и малоизвестных сведениях о белой расе.

Белая раса, зародившаяся вблизи Северного полюса, не могла быть аборигенной на Востоке — материке возникновения желтой расы, появившейся задолго до людей с белым цветом кожи, но позже черной расы.

Развившись в числе и силе, белые первоначально переселились на Юг, преодолевая леса Конской Земли (нынешняя Россия), и добрались до земель Польши, а оттуда до возвышенностей Центральной Европы, где в то время проживала черная раса, имеющая несравненно высокий уровень цивилизации. Черные покорили белых и использовали их в качестве рабов в рудниках и на постройке крепостей, что закалило невольников, а приобретенный опыт позволил самостоятельно изготавливать оружие.

Вскоре, скрываясь в непроходимых дремучих лесах, белые стали одерживать многочисленные победы над черными, и по истечении некоторого времени полностью их уничтожили.

С самого начала инициативу в этой борьбе проявила женщина по имени Валюспа, обладающая пророческим даром. В благодарность пророчице стали возводиться жреческие храмы, и женщины-друидессы обрели верховную власть, основанную на страхе и человеческом жертвоприношении.

Столь жестокое всемогущество женщин вызвало противодействие мужчин. В результате часть кельтов, примерно 10 000 лет до Рождества Христова, покинула отечество и добралась до Аравии.

От смеси, которая происходила на основе северной и южных рас, произошли арабы. Эти арабы, или кельты-бодоны, длительное время — не менее двух тысячелетий — были властителями Аравии, пока не пришла на их земли новая волна кельтов из Центральной Европы. Это привело к тому, что часть арабов осталась на месте, часть перешла в Эфиопию, а часть предпочла бродить по пустыне, почему и получила название евреев, то есть скитальцев.

Теперь вернемся к кельтам, оставшимся в Европе под тиранией друидесс, до того как они составили вторую волну, следовавшую на Восток.

Белая раса едва не погибла от проказы в результате сношения с черными. Спасителем явился замечательный гений друидов по имени Рам. Он изобрел лекарство из дубовой омелы и избавил народ от страшной болезни. Друиды долго хранили секрет приготовления лекарства, а в память этого дня был установлен ежегодный праздник, совпадавший со временем обновления сил земли и собирания дубовой омелы, — Рождество и Святки.

Друидессы, опасаясь большой популярности молодого человека, Рама, придумали средство избавления от него. Они предложили «передать послание предкам» путем принесения в жертву самого Рама. Но он не согласился на это и, во избежание междоусобной войны, покинул Родину, а за ним последовало несколько тысяч человек. Это случилось за 6 700 лет до Рождества Христова.

Рам направился на юго-восток вдоль Каспийского моря, провёл несколько лет у подошвы Уральских гор, сформировал войско, включив в него местных белых, и двинулся в поход на Индию. Для этого он перешёл Уральский хребет и расположил свой первый лагерь между Каспийским и Аральским морями.

Оттуда Рам отогнал черных до острова Ланки (Цейлона), где разбил армию фараона, а его самого убил. Индусская поэма «Рама-яна» передает часть этих фактов. Владычество Рама имело значительное влияние на все предания белой расы.

Сделавшись властителем Индии, Рам образовал теократическое и религиозное государство. Он установил на Тибете первосвященство, переименовав свое боевое имя Рам (Овен) на имя священника Лам (Ягненок), основав ламаизм, культ таинственного агнеца, характерный для арийской расы.

Обычно с этого времени историки, не зная или забывая, что белые пришли в Индию с Запада, описывают события, утверждая, что раса белая, или арийская, вышла из Индии.

Рам настолько воспринимался как избранник Провидения, что все белые племена и даже некоторые другие описывают этого героя в своих летописях под разными наименованиями.

Все эти сведения, уважаемый читатель, почерпнуты мною из трудов французского медика Жерара Энкоса, известного под псевдонимом Папюс, впервые опубликованных в государстве Российском в Петербурге в 1912 году. Папюс в доступной форме излагает основные представления оккультизма, раскрывает секреты сокровенной мудрости древних, тайны алхимии и астрологии, спиритизма и истории мистических учений, вводит в мир эзотерической философии, магии, каббалы.

Под какими же именами выступает герой белого рода человеческого?

У индусов — Рам,
на Тибете — Лама,
в Китае — Фо,
в Японии — Па,
на севере Азии — Па-па, Па-ди-шах,
в Персии и Иране — Жиам-Шид,
у арийцев — Дионисий.

Следует напомнить, что в древней религии символ Овна соответствует Солнцу, а в мифологии фигурирует бог Солнца Ра.

Приведенные наименования Рама могут подвести к общему знаменателю разнообразные мистические истории.

Именно Раму принадлежит создание списка Зодиака, чем он показал всю силу своего гения. Первым знаком Зодиака был поставлен Овен, настоящее его имя. Надо полагать, что в то далекое время знак Овна должен был совпадать с началом года, то есть с временем зимнего солнцестояния — Матери ночи. В начале же XX века эта ночь попадала на знак Стрельца, что как бы составляет возвратное движение на 120 градусов. Исходя из того, что точка равноденствия отстает на 50,16 секунды в год, астрономы подсчитали, что давность Зодиака соответствует 8 640 годам, точно совпадая с календарем или хронологией Арриана.

Столь высокие астрономические познания того времени у Рама явно перекликаются с движениями динлинов, создавших изумительный календарь, о котором я упоминаю в настоящем повествовании.

Правоверное посвящение белой расы всегда изображалось белым цветом — символом силы мужского пола, сумевшего преодолеть тиранию друидесс. При случае, уважаемый читатель, обрати внимание на изображение Овна. Он спасается, повернув голову назад, со взором, обращенным на покидаемую им страну.

Царство Рама существовало около 35 столетий, после чего началось перемещение полюса цивилизации из Индии, куда перенес его Рам, к земле кельтов, где оно должно было быть изначально.

Распад государства Рама начался по причине внутренних противоречий и мятежей. Мятежники в знак протеста приняли красный цвет, считая пурпур цветом могущества. Они были воинственно настроены и стремились к завоеванию новых территорий для своих сообществ. Их называли племенами скотоводов, финикиянами и др. Выйдя из Индии за 3 200 лет до Р. Х., они, в конечном итоге, разбрелись по всему белому свету. Примечательно, что по времени это совпадает с нашествием с Востока орд хунну, состоящих из скотоводческих племен. Грум-Гржимайло числит динлинов в долине Хуанхэ примерно в этот же период, называя третье тысячелетие до н. э. Он относит енисейских кетов к «ди» (т.е. люди),

принявшим это самоназвание. Кроме того, нельзя не учитывать его утверждение о принадлежности динлинов к европеоидной расе.

Невольно склоняешься думать, что динлины являются одной из частей народа после раскола государства Рама, так же как в первую волну произошло возникновение арабов и евреев. Ведь известно, что выходцы из Индии — кельты — повлияли на многие народы и их правящие династии, на образование новых государств. В 2 700 годах до н. э. они пришли в Египет, внося коррективы в династии фа-ра-вонов, узнав предания об Атлантиде. Другие части кельтского народа, покорив Аравию и почти всю Малую Азию, положили основание могущественным государствам: Финикии и Ассирии.

Если не кельты, принявшие самоназвание «ди», то кто еще из белой расы мог в 1122 году до н. э. овладеть всем Китаем? Других людей белой расы, кроме пришедших с Севера, в Азии не было. Даже угры, пришедшие сначала из Азии на Алтай, а затем переместившиеся на северо-запад, говорили на языке, относящемся к северной финно-угорской группе, что указывает на Север как их первичную родину. Наверное, не только Рам покинул свое отечество, но были и другие народы белой расы, ушедшие с Севера искать обетованные земли.

Люди белой расы, распространившись по Азии, проникнув далеко на Восток, не могли полностью сохранить свой первоначальный облик и язык. Смешиваясь с черными, желтыми и остатками красных, они претерпевали те или иные изменения, принимали отличные от первоначальных черты и составляли новые народы в рамках образования новых государств.

Уважаемый читатель, мое мнение таково, что современным историкам есть над чем поработать, глубже исследуя движения белой расы.

Грум-Гржимайло не сомневается в принадлежности динлинов к европеоидной расе, что подтверждается данными антропологии. На обширной территории Китая, где когда-то жили динлины, расположено множество предметов искусства и быта, выполненных в знаменитом скифском «зверином стиле», в том числе наборы оружия, конские сбруи, украшения I тысячелетия до н. э., не имеющие ничего общего с типично китайскими предметами того времени.

В 1954 году президент китайской Академии наук Го Можо писал о влиянии скифского искусства на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуньцю (VIII-V века до н. э.), а далее: «Население царства Чжуншань было ответвлением «белых ди».(!)

В китайском «Каталоге гор и морей» также имеется фрагмент: «Есть царство Динлин...» Комментатор этого памятника III века н. э. Н.Я.Бичурин, известный востоковед прошлого века, пояснял,

что динлины — племена, обитавшие на землях от Енисея до Байкала, а Грум-Гржимайло, ссылаясь на множество исследований, утверждал, что динлины растворились почти во всех соседних племенах и народах. Некоторая их часть еще до нашей эры была ассимилирована народом хунну, другая, смешавшись с тюрками, образовала средневековых уйгур и киргизов — оба эти народа, в отличие от древних китайцев и тюрков, носили в ушах, как динлины, серьги; уйгуры в старину звали себя «дин-ли», а среди киргизов в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза настолько преобладали, что черные волосы считались нехорошим признаком, в людях же с карими глазами единоплеменники усматривали потомков китайцев.

Уважаемый читатель, ты, наверное, потрясен не менее, чем я. Поверь — тут нет никакой выдумки или розыгрыша, а все, как нельзя кстати, служит прояснению вопросов, связанных с темой романа. Поэтому задержу еще твое внимание в экскурсе по страницам «Памяти».

Динлины — самая восточная ветвь скифских народов — можно считать, за тысячу лет до Чингиз-хана исчезли с исторической арены. Ушел в небытие их язык древнеиранских корней, хозяйственный и семейный уклад и своеобразная культура. Кочевники времен Чингиз-хана не строили изб, не обрабатывали землю, не умели выплавлять руду и ковать оружие, не носили в ушах серег, были многоженцами. В историю входил совсем другой народ, точнее сказать, еще не народ, а разрозненные скотоводческие племена, впервые объединенные Чингизом.

Видно, на самом деле динлины были многочисленным, подвижным, терпимым и уживчивым народом, если их расовые признаки в разные времена фиксировались у многих народностей Западной Сибири, вплоть до курильских айнов. Несомненно, что и кипчаки были одной из ветвей восточных скифов, динлинов, не имеющих никакой этнической принадлежности к монголам или татарам.

Вывод напрашивается один — сибирские татары есть название нарицательное.

Кроме того, видимо, не следует упрощать вопрос заселения Сибири только волною кипчаков. Несомненно, что какая-то часть других народов также мигрировала в северные районы и ассимилировалась с местным населением. Напоминаю, что угро-самоеды не были кочевым народом и, кроме земледелия и охоты, занимались горным делом и металлоплавкой, изготавливая бронзу. Это они научили хагасов и уйгуров литью металлов. Недаром хан народа жуньжань называет Тумына «плавильщиком», а появление в Сибири в V веке железа могло вполне принадлежать племенам тукю.

Однако нет сомнения, что влияние кипчаков в Сибири было преобладающим. По расовым признакам это был более самостоятельный народ, с более высоким уровнем социально-экономического развития, чем у угров. По прошествии многих веков, вплоть до XVI века, жители Сибири говорили на языке кипчаков.

Но все же кипчаки пришли в Сибирь позже других тюркских племен? Судя по всему — позже, и их приход состоял из двух волн.

Формирование сибирских татар началось еще в VI-VIII веках, т.е. за четыре-пять веков до появления кипчаков. Как установлено археологами и лингвистами, с Алтая и из центральных районов Казахстана в лесостепи Западной Сибири первыми стали переселяться древние тюркские племена. Те, что расселились в Среднем Прииртышье, образовали барабинских татар, в Притомье и Среднем Приобье сложились группы томских татар. Вслед за этим, в IX-X веках, в Притомье и Среднее Приобье проникли племена киргизов, уйгуров и, затем, кипчаков, основная часть которых осталась в Великой Степи.

Пришельцы-кипчаки представляли собою наиболее многочисленную группу по сравнению с другими тюрками, чем и можно прояснить их влияние на язык местных племен.

На территориях, захваченных тюркскими племенами, жили угры и самодийцы — предки современных ханты, манси и селькупов. Основная часть этого населения мигрировала на север, а оставшаяся смешалась с пришельцами. В результате в состав барабинских татар вошли предки ханты (остяков), в состав туринских — ханты и манси (остяки и вогулы), в состав томских — селькупы.

О таком порядке заселения Сибири свидетельствуют китайские источники. Они упоминают, что там процветало владычество тюркских племен от начала IV до VIII столетия, которое постепенно ослабевало вследствие внутренней борьбы.

Вторая волна массового переселения кипчаков в Сибирь произошла через 250-300 лет, но не ранее 1223 года, когда Чингизова орда, под предводительством полководца Субудая, уничтожила половецкие становища, овладела Крымом и Причерноморьем и разгромила соединенное воинство русских и половцев.

На этот раз кипчаки продвинулись к северу, в таежную зону, в Притоболье и Прииртышье, частично вытеснив коренное угорское население, которое ушло к северу и востоку. Часть населения осталась и слилась с пришельцами.

Так называемые сибирские татары вели полукочевой образ жизни. Основным их занятием было скотоводство, разведение лошадей и овец. Существовали также небольшие очаги земледелия. В постоянных поселках развивалось гончарное производство, ткачество, плавка и обработка металлов. Хозяева улусов — мурзы и

беки — владели пастбищами, скотом и рабами, а «черные люди» несли военную службу в отрядах улуса.

Сибирские ханы силой подчинили себе все местные племена на Урале, в низовьях Иртыша и на Оби. С покоренных племен они взимали дань.

Уважаемый читатель, думаю, что будет небезынтересно узнать о формировании местных племен с древнейших времен вплоть до XVI века. Если не принимать во внимание памятники мезолитической эпохи, уходящей от наших дней на 8-10 тысяч лет, а сразу перейти к памятникам палеолитических времен, то можно условно считать, что где-то в VI-V тысячелетиях до н. э. появился первый человек в Западной Сибири. Предположительно, как уже говорилось, это были енисейские остяки. Об их появлении свидетельствуют, например, наконечники копий с кремниевыми и костяными вкладышами. Более поздние памятники культуры предков ханты и других народов эпохи неолита и бронзы в III-II тысячелетиях до н. э., видимо, связаны с приходом в Сибирь угро-самоедских племен. Этот период интересен находками оружия: бронзовых кинжалов, мечей, боевых топоров, наконечников стрел и копий, секир, костяных панцирей и шлемов. Предметы, найденные в городище Усть-Полуй (под Салехардом), дают нам представление о предках ханты, об их противостоянии захватчикам, продвигающимся с юга. Об этом можно судить по обилию оружия, по укреплениям поселений с помощью земляных валов и рвов. Жители городища занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой, собирательством ягод, кедровых орехов, съедобных корней. Женщины шили одежду и обувь из звериных шкур, умели делать нитки из крапивы. Жили они в полуземлянках, ездили на собаках, запряженных в нарты.

У каждого из древних сибирских племен были свои тотемы: медведь, лось, олень, ястреб, зайчиха, гусыня, лягушка. Видимо, они соответствовали той территории, на которой проживало племя: тайга, тундра, болото и т.д. Особенно интересны сюжеты на литых медных и бронзовых бляхах: борьба медведя и орла, хищная птица на спине медведя, борьба лося и орла и тому подобное. Из этого можно заключить, что не только от внешнего врага защищались племена, но и между их фаториями велись постоянные войны. На определенном этапе их воинское искусство было на довольно высоком уровне, о чем говорят имеющиеся сведения о столкновениях северных племен с русичами.

Первое знакомство русских с Сибирью принадлежит Великому Новгороду. В начале XI века новгородцы предприняли первый поход в Югру, но потерпели неудачу. Югры побили их, и назад вернулись немногие. Но это не охладило пыл стяжательства пред-

приимчивых новгородцев. Имея издавна сведения о богатстве Югорской земли разными пушными зверями, серебром, украшениями из хрусталя и бисера, моржовыми клыками, они желали распространить свою власть в этих местах и собирать дань с местных народов. Поэтому походы периодически возобновлялись. В конечном итоге, во второй половине XIII века Югория уже числилась как Новгородская волость. Однако племена не хотели быть данщиками и оказывали яростное сопротивление.

Угорско-самодийские племена, теснимые с юга и заселившие обширные территории севера Приуралья, Припечерья, Зауралья, с появлением воинственных русичей стали перемещаться: одни на восток, другие на запад. Первобытно-общественное устройство этих племен и их раздробленность не позволили им противостоять внешнему врагу.

По-иному происходило развитие племен в западно-сибирских лесостепях, в лесостепном Тоболо-Ишимье. Те племена, которые выдержали удары мощных миграционных потоков с юга и остались на месте, стали основой для формирования народов исторического периода. Наибольшее воздействие на них оказало возникновение саргатской культуры приблизительно в IV веке до н. э., в начале железного века, в междуречье Оби и Иртыша. Есть основание полагать, что изначально саргатцы говорили на одном из восточно-иранских языков с большим количеством угорских и самодийских заимствований. Впоследствии, распространяясь на запад и включая в свой состав иные этнические компоненты, саргатское население вполне могло превратиться в конгломерат разноязычных групп, объединенных в рамках одного военно-политического союза. Не исключено, что в Тоболо-Иртышье возникновение саргатской культуры связано с приходом туда уйгуров или тую, которые когда-то тесно были связаны с енисейскими уграми.

Формирование ханты (остяков), так же как манси (вогулов) и венгров, завершилось, по-видимому, лишь к концу I тысячелетия н. э. Но предки манси и венгров жили западнее предков ханты. Несколько древневенгерских угорских племен в первые века нашей эры ушли на Дунай, где образовали свое государство.

Несмотря на сходство языка, относящегося к угорской группе финно-угорской семьи, на котором говорили далекие предки, современные ханты и манси не понимают друг друга. Это по сути два разных народа, хотя и близких по культуре и по происхождению. Распад обско-угорской общности выделил из нее предков манси. Проникновение тюрок в бассейн Туры в XIII-XV веках привело к быстрому окультуриванию проживающих в ее среднем и нижнем течении мансийских групп, а на Верхней Туре и Тавде они обитали еще и во времена начавшегося освоения Сибири русскими.

К XVI веку манси занимали весьма обширные территории: на севере их граница проходила по рекам Мезень и Печора, а на юге — по реке Уфа и далее через места, где теперь Екатеринбург и Тюмень, на западе мансийские земли доходили до Казани, на востоке — до среднего течения Иртыша.

Территория расселения ханты включала бассейны Конды, Демьянки и районы современного Тобольска. Очевидно, под давлением манси и предков сибирских татар ханты постепенно перемещались на восток, оттесняя, в свою очередь, селькупов, территория которых доходила до Сургута. Таким образом, в XVI веке ханты продвинулись в бассейн рек Вах и Васюган.

Обь — исконно хантыйская территория. Манси появились здесь значительно позднее, они пришли с Северной Сосьвы. В русских документах конца XIX века манси, жившие по Северной Сосьве и Ляпину, назывались остяками, а не вогулами, как их было принято называть в прошлые времена. Так же остяками — а не вогулами — в конце XVIII века называли жителей кондинского притока — Юконды. Объясняется это смешением местного хантыйского и пришлого мансийского населения. Считается, что группа современных манси, живущих по Конде и Северной Сосьве, сформировалась в период XV-XVII веков, т.е. именно с ними столкнулся Ермак.

У ханты и манси к XVI веку сформировались так называемые «княжества», которые в своей основе имели территориально-родовые объединения. Сначала они были небольшими, слабо организованными, но затем появились объединения, включавшие несколько мелких княжеств. Во главе их стояли «князцы», власть которых передавалась по наследству. Князцы имели постоянные военные дружины. Однако князцы по образу жизни мало отличались от остальных людей — ходили на охоту, рыбную ловлю, выполняли повседневную работу, хотя все большее значение для них приобретало воинское занятие.

Уважаемый читатель, немало сведений о вышесказанном мною почерпнуто из книги «Очерки истории Тюменской области», изданной в 1994 году. Ниже я вам приведу дословный текст, так как лучше не перескажу.

«Наиболее крупное княжество манси — Пелымское — занимало бассейн рек Пелыма, Конды и Тавды. Центр княжества — Пелымский городок — находился у места слияния рек Пелыма и Тавды. С XV века Пелымское княжество начинает испытывать татарское влияние и становится частью Сибирского ханства. Сильное мансийское объединение — Ляпинское княжество — включало бассейн реки Ляпин, среднюю часть низовья Северной Сосьвы, а также низовья рек Сыни и Куновата. Центром княжества был городок Кунаут-наш. Здесь находилась столица князца Гугуя.

Наиболее крупное у ханты во главе с династией Алачевых княжество Кодское занимало территорию современных Октябрьского и северо-западную часть Самаровского районов. Центр княжества находился в Кодском городке, а всего оно объединяло 13 городков. Известны также Обдорское... и Казымское княжества. Сильное хантыйское княжество находилось на реке Демьянке. Его возглавлял князец Немнюян (Демьян — в русской транскрипции), который мог выставить отряд в 400 воинов, что было тогда значительной воинской силой. Не менее сильным являлось княжество Бардака, влияние которого распространялось на Сургутское Приобье, реки Тромъеган, Юган и даже Пур... В княжество Бардака, возможно, входили не только ханты, но и часть селькупов. Селькупы имели свои княжества, самое крупное и влиятельное у них было Пегая Орда. Во главе ее стоял Воня... он оказал сильное сопротивление русским, вступив в союз с изгнанным Кучумом... По структуре и социальному составу селькупские княжества были сходны с угорскими. В рамках княжеств селькупы объединялись для противодействия наступающим с северо-запада хантам, с востока — эвенкам и кетам, с юга — татарам».

Теперь несколько слов об этих племенах, которые говорят на языке самодийской группы народов. По происхождению они близки к ненцам, а по культуре схожи с ханты. Один финский ученый назвал их «остяко-самоедами». Считается, что большое сходство нарымских селькупов с ханты является одной из загадок их происхождения, и строится предположение, что селькупы произошли от смешения прежде жившего на этой территории угорского населения и пришлых самодийских племен. Однако лингвисты находят у селькупов кетские топонимы — народа, который живет в бассейне Енисея, а этнографы утверждают, что в культуре селькупов не обнаруживается явных древних связей. Осмелюсь сказать, что это не является веским доводом, так как прародина селькупов — бывших самодийцев — та же, что и у угров и енисейских кетов. Следует учитывать, что «селькуп» — это самоназвание от «соль-куп», означающего «таежный человек», которое приняло самодийское племя, пришедшее в тайгу с Енисея. Самоназвание самодийцев на иной территории принимало и другие формы. Например, «чумыль-куп», т.е. «земляной человек» — житель землянки. В связи с этим я не отважился бы поддерживать мнение, что схожесть с ханты является результатом их происхождения от смешения. В силу этнических особенностей этот народ, скорее всего, был вполне самостоятельным до прихода в Сибирь, как и любое из енисейских племен угро-самоедов.

Обосновываясь на новых территориях, те же ханты и манси присваивали себе соответствующие самоназвания.

Большое влияние на жизнь местных народов оказал XIII век, когда кочевники под предводительством Чингиз-хана вторглись в Западную Сибирь, в результате чего лесостепи по Тоболу и Иртышу вошли в состав Золотой Орды.

Эти районы стали улусом Джучи, старшего сына Чингиз-хана, рожденного от кунгиратки. Джучи имел около 40 сыновей от жен и наложниц разных племен. После его смерти (есть предположение, что он был убит отцом, чтобы передать власть более сильному наследнику) названный улус отошел сыну Батыю. Став ханом Золотой Орды, Батый часть земель Сибири выделил своим братьям: старшему, Орды-Игену, отошли районы к северу от Балхаша, включая западный Алтай, Барабинская и Кулундинская степи, а брату Шейбану — территории к востоку от реки Яик по Иргизу, Ори, Илеку до низовьев Сыр-Дарьи, в том числе земли угорских и кипчаковских племен Западной Сибири. В тот период эти владения стали фактически независимы от Золотой Орды, но считались в ее составе до XV века. За это время (между XIV и XV веками) с центром Кызыл-Тура возникло Ишимское ханство. Его основателем и правителем был Саргачик, который оставил Саргатские юрты на Иртыше, выбрав для нового ханства Ишим. С его потомком Елыгаем впоследствии столкнулся Ермак.

В период упадка Золотой Орды возникает городище Тюмень. Об этом стало известно, когда недруг Руси хан Тохтамыш потерпел поражение от азиатского завоевателя Тимура и искал спасения у себя в Тюмени. Его татарские мурзы воспользовались неудачами своего тюменского хана и убили его.

Судьбы Ишимского и Тюменского ханств складывались в зависимости от непрекращающейся междоусобной борьбы родовой знати сибирских татар и борьбы последних с шейбанидами, потомками Чингиз-хана.

О событиях, произошедших на пороге XIV-XV веков, коротко повествует Карамзин: «Князь Ивак, или Он, племени ногайского, жил на р. Ишиме, повелевал многими татарами, остяками и вогуличами... Что какой-то мятежник Чингиз свергнул Ивака, но из любви к его сыну, Тайбуге, дал ему рать для завоевания берегов Иртыша и Великой Оби...»

Однако есть сомнение, что столь значительный жест со стороны Чингиза мог быть только проявлением любви к сыну свергнутого врага. Серьезным поводом наделения Тайбуги ратью могло послужить только стремление обезопасить себя от сильного соседа — Тюменского ханства, которым правили шейбаниды.

Тайбуге удалось захватить городище Тюмень, который он в честь своего покровителя переименовал в Чингий на Туре. С этого времени, вплоть до третьего поколения, тайбугины правили Тю-

менским ханством. Тайбугу сменил его сын Ходжа, а затем внук Мар. У Мара было двое сыновей — Адер и Яболак. Последний был женат на казанской царевне, сестре Ибака из рода Шейбанидов, который вынашивал замысел возврата своему роду Тюменского ханства. Ибак, потомок брата хана Батыя — Шейбани-хана, представитель Бухарской (узбекской) династии, связанный с Ногайской Ордой, которая сложилась в XIV веке между Уралом и Волгой, в 1456 году убил правителя Мара, отца Яболака.

Ибак не удовлетворился, завладев Тюменским ханством, и принялся расширять его пределы по Туре, Тавде, Тоболу, Среднему Иртышу и Ишиму.

Во времена его правления Москва неоднократно посылала свои рати в югорские земли, подвластные Великому Новгороду.

В 1456 году воевода Василий Скряба прошел с отрядом за Урал и собрал дань с Югры в казну московского великого князя, а воевода Федор Пестрый в 1472 году подчинил Пермь Великую и выстроил на ее территории порубежный городок — крепость Чердынь.

С падением независимости Великого Новгорода в 1478 году все его северные владения, включая Печорский край, вошли в состав Российского государства.

В 1483 году Федор Курбский и Иван Салтыков-Травин осуществили поход в Сибирскую землю, разбив войско пелымского князя Юшмана. Воеводы обошли стороной Тюменское ханство, так как Иван III и Ибак вели совместную борьбу с Большой Ордой. С Тобола ратники двинулись по Иртышу, не встречая там татар, но где уже существовала крепость Сибирь, в которой властвовал остяцкий князь Лятик. Вслед за тем на Оби воеводы пленили остяцкого князя Молдана и «повоевали» Югру.

Через некоторое время после этой экспедиции в Москву прибыл остяцкий князек Пыткий, и от имени земли Кодской и Югорской попросил Ивана III освободить взятых в плен князей, что было решено положительно.

В следующем году кодские и вогульские князья из Зауралья вступили в более тесные отношения с Россией, заключив мирные договоры и получив охранные письма на проезд в Москву.

Век XV, уважаемый читатель, преподносит яркие примеры агонии умирающей Большой Орды. Она распадается на части в результате стремления знатных отпрысков утвердиться в своей самостоятельности. С времен Василия Васильевича Темного (1425-1462 годы) сделалась известною Крымская Орда, составленная Эдигеем из улусов черноморских и принеся в следующем веке неизгладимые беды для Руси. А когда русичи в 1399 году превратили в развалины некогда процветающее царство Булгар, они не

подозревали, что заложили основу к возникновению Казанского ханства.

Сыновья-наследники Эдигея все погибли в междоусобии. Тогда монголы черноморские избрали в ханы 18-летнего юношу из потомков Чингиз-хана именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного земледельцем Гиреем. Из благодарности Ази назвался Ази-Гиреем, утвердив тем самым династию гиреев. Есть версия, что Ази — сын или внук Тохтамыша, родился в Литве и потому наказал волжских татар, разбив Седи-Ахмета за его нападение на Литву.

В это же время, а точнее в 1437 году, был свергнут хан Большой Орды кипчак Махмет своим братом Кичимом. В поисках новых владений Махмет пришел в Булгарию, где был древний Саинов Юрт (или Казань). Близ старой крепости он построил новую, деревянную, и передал ее булгарам, черемисам и монголам, которые жили там в ужасе от набегов русских. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды. Махмет стал первым ханом Казани. У него были сыновья Ягуб, Касим и Мамутек. Правление Махмета было недолгим. Мамутек, злодейски утерпев отца и одного из братьев, завладел властью. С этого времени, т.е. с 1446 года, Казань стала опасной для Москвы.

Одновременно, возвратив роду Шейбанидов Тюменское ханство, Ибак не оставил своих честолюбивых замыслов. Он стремился возродить былое могущество Золотой Орды. Став властителем Тюмени, Ибак стремился объединить под своей властью древнюю столицу Золотой Орды Сарай, Астрахань и Казань, используя то, что Большая Орда была ослаблена и распалась, ведя одновременную борьбу с владыками Крыма, Тюмени и Ногайской Орды.

В 1480 году властитель Большой Орды хан Ахмет напал на Русь, но был разбит на реке Угре. Он был вынужден отступить в степи и там неосмотрительно распустил мурз. Его оплошностью немедленно воспользовался Ибак. Он напал на его кочевья 6 января 1481 года и, ворвавшись в ставку хана, убил его: «Начаша Ахметову Орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял Ибак-царь пять дней на Ахметове Орде и поиде прочь, а ордобазар поведе в Тюмень не грабя». Одним словом, взяв старую столицу Орды Сарай, Ибак разграбил ее, а купцов перевел к себе в Тюмень.

После этого, когда царь Иван III овладел Казанью после пятидесятилетней ее независимости и посадил там своего ставленника, Ибак прислал в Москву посла и предложил заключить мир, но требовал отпустить к нему пленного казанского царя. Но Иван III отказал.

С гибелью отца сыновьям Ахмет-хана пришлось взвалить на свои плечи одновременную борьбу с Крымом, Тюменью и Ногайс-

кой Ордою. Но Крым попал в зависимость Османской империи, а Казань признала власть Москвы. В таких условиях Ибак взялся завоевать Поволжье.

В 1492 году Ибак с братом Мамуком разорил Астрахань, а затем перевел свою ставку в Заволжье, поближе к бывшей столице золотоордынских ханов.

В 1493 году Ибак известил Ивана III о своих военных достижениях. Он сообщал, что убил сына Ахмет-хана Тимур-Кутлуева: «Саинский стол взял... на отцов юрт, к Волзе пришед, стою».

Но стремление Ибака объединить Сарай, Астрахань и Казань не осуществилось. Долгое отсутствие его в Тюмени имело пагубное последствие. Тайбугины, ставшие его вассалами, готовили заговор и при появлении Ибака в 1495 году восстали и убили его.

Махмет (в иных источниках его называют Магметом), сын Адера, внук Мара, убитого Ибаком, овладел Тюменским ханством, вернув его роду Тайбугинов. Но, опасаясь мести Шейбанидов, Махмет осуществил нападение на город Сибирь, где властвовал остяцкий князь Лятик, и перенес туда свою столицу, назвав ее Искером.

Поскольку Махмет, осуществив месть за убийство деда, оставил Чингий на Туре, или Тюмень, там остался править Мамук, брат Ибака. Мамук продолжил планы брата и с помощью ногайцев изгнал из Казани московского наместника, но сумел удержать Казань всего несколько месяцев, а в 1498 году готовился к новому нападению на Казань.

Иван III, узнав о происходящем, снарядил в 1499 году более четырех тысяч ратников в Югорскую землю — в Ляпинское княжество, заселенное северными вогулами, заставив тем самым Махмета отказаться от своих планов в отношении Казани и позаботиться об обороне северных границ. В результате этих оборонительных мер Сибирь вся попала под власть хана Махмета Тайбуги, который объединил улусы на Тоболе и Иртыше. Поход продолжался всю зиму на лыжах под предводительством воевод: Семена Курбского, Петра Ушатога и Василия Бражника-Заболотского. Ими было занято более сорока урочищ, взято в плен 58 князьков и приведено к шерти население Югры.

Великий князь Иван III присоединил себе дополнительный титул «князя Кондинского и Обдорского», властителя сибирских земель.

Несмотря на это, когда Мамука сменили сыновья Ибака — Кутлук и Муртаза, Тюменское ханство возобновило набеги на русские земли. В 1505 году Кутлук-салтан пришел в Прикамье, разорил Соль-Камскую и истребил много русских людей. В то же время Тюменское ханство, вовлеченное в междоусобные войны Ногайской

Орды, то и дело отбивало врагов от стен Чимги-Туры. В конце концов хан Муртаза вынужден был бежать, уступив престол одному из сыновей хана Большой Орды Ахмета, убитого Ибаком. Но вскоре Тюменское ханство было поглощено государством тайбугинов.

Шейбаниды снова напомнили о себе, когда повзрослели внуки Ибака: Ахмед-гирей, Кучум и Атаул...

Начиная с XV века и с приходом в Сибирь Кучума, сына Муртазы, на юг Западной Сибири проникали группы уйгуров, телеутов, узбеков-бухарцев, киргизов, башкир, казанских татар и казахов, часть которых слилась с предками сибирских татар. Из этого следует вывод, что происхождение сибирских татар очень сложное. В течение длительного периода произошло смешение многих этнических групп.

Об этнической принадлежности Кучума нет точных свидетельств. Летописец Савва Есипов считает его казахом, а первый историк Сибири Г.Ф.Миллер относит Кучума к узбекам, называя его сыном хана Большой Бухары. Кем бы он ни был, но только, безусловно, не татарин и не монголом. Для коренного сибирского населения он остался чужаком и пришельцем. Неизвестно даже его имя. А «Кучум» — это всего лишь прозвище, которое было принято давать в те времена. Например, Иван Калита, Дмитрий Донской, Ярослав Мудрый, Иван Грозный и пр. А «кучу» с тюркского — кочевник, пришелец. Недаром он сам называл себя «вольный человек Кучум-царь». Однако род его был самым древним и знатным. Он был потомком самого Чингиз-хана в двенадцатом колене.

Великий предок Кучума, как известно из достоверных источников, был человеком высокого роста, длиннородым, имел зелено-желтый цвет глаз. Персидский историк Рашид-ад-Дин пишет, что дети в роду Чингиз-хана рождались, большей частью, с серыми глазами и белокурые, а когда у Чингиза родился черноволосый внук Хубилай, он удивился цвету его волос. Далее, по словам того же историка, в роду Чингиз-хана, по всем признакам, имелась значительная примесь динлинской крови или даже более того — что его род был динлинским по происхождению.

Уважаемый читатель, согласитесь, что это кажется неправдоподобным? Неужели следует отнести Чингиз-хана и его род к европеоидам?! Но тогда испытываешь неимоверную горечь от того, как некогда интеллектуально достойный уважения народ мог породить столь омерзительное чудовище, о сути которого я расскажу ниже.

Исчезнувшая цивилизация динлинов, живших в III веке до н. э. между Енисеем и Байкалом, удивляет культурой и совершенством прикладного искусства, знаниями в математике и астрономии, далеко отодвигая шумеров и другие известные цивилизации.

При археологических раскопках в 1962 году близ Ачинска Виталий Ларичев нашел жезл с кольцом, вырезанный из бивня мамонта, полированная поверхность которого была покрыта сеткой точечных зафасеток. По их расшифровке выяснилось, что это сложный астрономический календарь! Лунный, солнечный и даже с указанием на високосный год, периодов звездного и синодического вращения Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна с минимальными погрешностями относительно современных астрономических расчетов. Календарь позволял даже рассчитывать солнечные и лунные затмения!

Достаточно знать, насколько сложна задача разработки всех упомянутых календарей и каких точных расчетов требуют они, чтобы воздать должное величию познаний математики, геометрии и астрономии тех древних людей, которые жили в Сибири 18 000 лет назад!

Поразительно! Не правда ли?

Если Чингиз-хан не был ни татарин, ни монгол, то из кого же могло состоять его войско?

Когда в 1206 году после двадцатилетней жестокой борьбы за единоличную власть Темучин, достигнувший пятидесятилетнего возраста, был провозглашен Чингиз-ханом, его стотысячное войско состояло в основном из карайтов и найманов. Личную тысячу хана возглавлял тангут Чаган, а самой крупной воинской частью в 10 тысяч человек руководил Туганваншай из народа тунгусской ветви — чжурчженей, обладавших секретом изготовления пороха и применявших огневые снаряды. Как видим, монголов в войске Чингиза не было. Были тюрки-найманы, большой самостоятельный народ на Алтае, не родственные монголам и получивший свое название от реки Найма.

В организации войска Чингиза не было предусмотрено снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора — либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь.

Жестокие правила, введенные Чингизом, стали традицией степняков. Кочевники продолжали грабить, угонять людей в рабство, бросать в огонь стариков и детей, сдирать заживо кожу, вырывать из груди трепещущие сердца. Вот почему не только русские, но и другие народы и племена пылали ненавистью к так называемым татарам, этим вырождакам рода человеческого, какими они оставались и на рубеже XVI-XVII веков.

Мир тюркских кочевников от Волги до Иртыша всегда был неустойчивым и быстроизменяющимся. Политические объединения здесь появлялись внезапно и так же быстро разваливались. Таким же было Тюменское ханство, государство тайбугинов, род которых

происходил из местной знати. Его представители именовались беками, салтанами, или — по-русски — князьями. По понятиям Большой Орды их правление было незаконным, хотя они и были аборигенами края. Потомки Чингиз-хана относились к ним враждебно, поддерживая шейбанидов. Особую поддержку они получили, когда в 1557 году к власти в Бухаре пришел воинственный Абдулла из рода Шейбани-хана.

Испытывая вечный страх, ожидая мести за убийство Ибака, тайбугины, внуки Махмета, Едигер и Бекбулат, в 1555 году отправили в Москву большое посольство.

Послы поздравили русского царя со взятием Казани и Астрахани, «били челом государю от князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон от всяких заступил и дань свою на них положил, и даругу своего прислал, кому дань собирать». Таким образом, Иван IV дополнил свой титул — «всея Сибирской земли повелитель».

Царь отправил в Сибирь Непейцина, который вернулся лишь в ноябре 1556 года вместе с татарским послом Баяндой. Вместо 30 700 собольих и стольких же беличьих шкурок, что соответствовало численности «черных» людей в ханстве, посол привез всего 700 собольих шкурок. В письме Едигер объяснял причину малой дани, ссылаясь на вторжение в ханство внука Ибака, шейбанида Кучума. Но царь был разгневан и посадил посла под стражу.

В сентябре 1557 года служилые татары, посланные государем в Сибирь, чтобы все исправить, возвратились в Москву с новым послом от Едигера и привезли 1000 соболей дани. Царь освободил из тюрьмы Баянду и послал с ним в Искер своих людей для сбора дани следующего года.

В этом же году обстановка в Сибири резко изменилась. Сын Ибака Муртаза, изгнанный ранее из Тюмени, пришел кочевать в лесостепь между Тоболом и Иртышом со старшим сыном Ахмед-гиреем и с Кучумом. С собою они привели большой отряд казак-киргизов. Муртаза, женившийся Ахмед-гирея на дочери государя казак-киргизов Шигай-хана, воспользовался его помощью для экспедиции в Сибирь.

Принудив к подданству улусы Сибирского юрта, Муртаза и Ахмед-гирей в 1558 году, добившись от Бухары признания Муртазы сибирским ханом, хотели добиться того же и от Москвы, чтобы утвердить свою власть в Сибири. Одновременно с Едигером они отправили послов к русскому царю. Но царь приказал арестовать послов шейбанидов, так как никто из них не привез дани. После такой неудачи шейбаниды, сумев привлечь для этого ногайцев, с их помощью в 1563 году овладели Искером.

Кучум безжалостно умертвил соправителей Едигера и Бекбулата вместе с их детьми. Из родственников свергнутой династии уцелел лишь малолетний сын Бекбулата Сеид-Ахмат, прозванный в будущем Сейдяком.

Муртаза правил в Искере недолго, переименовав его в Кашлык. В том же 1563 году он умер, и ханский престол занял Кучум.

Смена династии в Сибирском ханстве сопровождалась большой смутой. Семь лет Кучум вел кровавую борьбу с непокорной знатью и племенными князьками. Местное население относилось к Кучуму как к завоевателю и узурпатору и стало подчиняться ему только из страха.

Уважаемый читатель, все же хотелось бы прояснить: кого с XIII века называли татарами, коими считали и рати Кучума.

Собирательное китайское имя «татань», или просто «тата», носили в древности многие племена и народы Центральной Азии. Они обитали на юге, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание, не имеют с ними этнического родства. Что же касается древних центрально-азиатских татарских племен, то Чингиз, захватывавший новых и новых соседей в круговорот воинственной политики, так изложил ее в отношении татар, отравивших когда-то его отца Есукая:

*Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздадим.*

Об исполнении этого намерения говорится, уже прозой, в «Сокровенном сказании»: «Мы сокрушили ненавистных врагов Татар, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси».

Татары были истреблены в несколько приемов. В 1204 году Чингиз-хан разбил последних татар, которые сумели убежать в леса и горы Алтая. Он приказал перерезать всех, включая женщин и детей.

Почему же степные орды, ринувшиеся в XIII веке во все концы света, были названы «татарами»? Может, потому, что татар ставили в первых рядах отрядов войска, на убой, и с годами условное имя разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей орды.

Выходит, что нашествия на Русь монголов и татар не было, и наши предки сражались с разноплеменным войском.

Уважаемый читатель, эти неординарные выводы мною с изумлением почерпнуты из «Памяти» В. Чивилихина. (Как жаль, что он так рано покинул наш бранный мир!)

Культ жестокости и страха царил в империи, созданной Чингиз-ханом. Смертная казнь была главным средством наказания. Ею карались не только убийства, кражи, скупка краденого, грабеж, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Ломали спину или вырывали сердце у тех, кто подавится пищей, наступит на порог ханской юрты или помочится в его ставку, искупается или стирает одежду в реке, кто умертвит скотину не по «правилу», согласно которому надлежало в разверстную грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нащупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет. Смерть ждала даже того, кто допустит не вполне точное изложение мыслей Чингиз-хана в проекте письма. Все это исходило не из обычаев или морали народа, породившего Темучина, а из свода правил — ясы, авторство которого приписывается Чингиз-хану, хотя он сам ни читать, ни писать не умел.

Некоторые исследователи, о чем я уже говорил, предполагают, что на черной совести Чингиз-хана и тайное убийство старшего сына Джучи, брата Батыея, о чем он распорядился за несколько месяцев до смерти, чтобы оставить империю более сильному наследнику.

А вот какая характеристика дана в «Сокровенном сказании» полководцам — знаменитым «четырем псам» Чингиза, выступившим в поход против найманов.

*Лбы их из бронзы,
А рыла — стальные долота,
Шило — язык их,
А сердце железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом,
Мясо людское — походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
Спросишь, как имя тем псам четверем?
Первая пара — Чжебе с Хубилаем,
Пара вторая — Чжельме с Субетаем.*

Однако, уважаемый читатель, вернемся к нашему историческому периоду... Захватив власть в Сибири, Кучум не забывал обыды, нанесенной русским государем, выразившейся в аресте посольства, и уже в 1564 году грозился идти на Пермь войною.

Отношения между Москвой и Кашлыком прервались на несколько лет, и за это время Кучум сумел объединить татарские улусы. Его владения находились между Иртышом, Тоболом и Турой, на севере они тянулись по берегам Иртыша до реки Туртас, на западе — по Туре, а за южным Уралом они граничили с землями Строгановых, на юге земли Кучума простирались в Барабинские степи. Сибирскому хану платили ясак кодские и обдорские князья, а также все «низовые» народности.

Владельцы улусов были обязаны участвовать со своими отрядами в ханских походах, получая за это часть добычи. Но во внутреннюю жизнь улусов хан не вмешивался.

Чувствуя себя чужим в своей стране, Кучум обеспечил личное окружение выходцами из Бухары, Ургенча и Ногайской Орды, на которых полагался больше, чем на местную знать. Для укрепления власти он женил своего сына Алея на дочери князя Тинахмата из Большой Ногайской Орды, а дочь выдал замуж за хана Акмурзу из той же орды. Вторая дочь стала женой ургенчского сеида Дин-Алиходжи. Сам Кучум женился на дочери казанского мурзы Мурата и дочери сановника Делетим-бея.

Укрепив свою власть, сибирский хан обратился к русскому царю с грамотой: «Вольный человек Кучум царь» соглашается признать «белого царя» своим «братом старейшим». И ныне похощь миру — и мы помиримся, а похощь воеватися — и мы воюемся».

Хитрый и расчетливый политик, Кучум неустанно следил за развитием событий в Восточной Европе. Когда в 1569 году многочисленная турецкая армия и Крымская Орда напали на Астрахань и потерпели поражение, Кучум как можно скорее решил добиться мира с Россией и направил посольство в Москву с данью в 1000 соболей, обратившись со следующими словами: «Да послал Кучум о том, чтобы его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю».

Царь Иван Васильевич велел дьякам изготовить грамоту с текстом присяги и послал с нею к казак-киргизам сына боярского Третьяка Чубукова. Но когда тот в 1571 году был еще в пути, крымцы успели сжечь Москву.

Опять сибирский хан круто изменил свои намерения, возобновив враждебные действия к Москве. Он убил царского посла Чубукова и всех сопровождающих его служилых татар, направляющихся с миссией в орду. Он стал жаждать большой войны с белым царем.

Для усиления власти Кучум предпринял меры распространения ислама на все племена Сибири. Он попросил бухарского султана Абдуллу направить к нему мусульманских проповедников, которые в 1572 году прибыли в Кашлык. Но результаты этой миссии

были ничтожны. Тогда через два года вместе с духовными лицами прибыл и военный отряд, и распространение мусульманства значительно ускорилось.

В этом же году закончился поражением поход крымского хана, сумевшего сжечь Москву. И снова Кучум затих.

Царь Иван IV воспользовался этим, и по просьбе Строгановых разрешил им обосноваться в Зауралье на Тахчее. Строгановы были уверены, что новая слобода позволит со временем продвигаться за Tobol и завладеть Сибирью. Но в 1572 году в Поволжье взбунтовались черемисы и появились на Каме, а к ним примкнули местные остяки и башкиры. Кучум не упустил такого удобного момента и уничтожил строгановскую зауральскую слободу, подчинив себе окрестные племена. Кроме того, он нарушил границу, послав с ратью своего племянника Маметкула в Пермские земли, который совершил набег на ряд деревень и починков Строгановых, взяв там немалую добычу и пленных.

Местное население не хотело мириться с властью хана. Остяки из Тахчеи запросили у Строгановых помощь, говоря, чтобы «Сибирскому дани и ясаков не давати, от Сибирского ся им боронити за одно». Но Строгановым было не под силу затевать войну с ханом, хотя московские дьяки писали в грамоте: «А на Сибирского Якову и Григорию, забирая охочих людей, и остяков, и вогулич, и югричь, и самоедь, с своими наемными казаками и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцев имати...»

Строгановы в ответ молчали и выжидали, надеясь на счастливый случай.

Летом 1574 года Кучум в третий раз запросил у бухарского эмира прислать учителей ислама. Его покровитель шейбанид Абдулла-хан направил в Кашлык ургенчского сеида Дин-Алиходжу, мужа второй дочери Кучума, и с ним старшего брата Кучума Ахмед-гирея как защитника на опасном пути с большим отрядом.

Когда миссия пришла в Сибирь, Ахмед-гирей овладел правлением, считая себя законным преемником власти от отца Муртазы. Своим поступком он ослушался Абдуллу-хана, не вернулся в Бухару для участия в войне совместно со своим тестем Шигай-ханом, государем киргизов, против казахского правителя Хакк-Назара, с которым вел борьбу бухарский эмир. Его место в этой войне занял Кучум, изгнанный из Кашлыка. Он проявил себя как талантливый военачальник и заслужил благодарность Шигай-хана, занявшего казахский престол после разгрома Хакк-Назара.

В 1578 году, то есть когда Ермак, направляясь на реку Сылву, приводил к шерти племена на Каме, Шигай-хан, благодарный Кучуму, убил его брата Ахмед-гирея, и Кучум вторично завладел правлением Сибирью. Скоро он разорвал установившиеся дружеские

отношения с Москвой и стал интенсивно готовиться к войне с Россией, стараясь наверстать упущенное время. Побудительной причиной к этому было не только намерение завладеть Пермскими землями, но и то, что в его отсутствие русский царь повел наступательную политику, разрешив в 1574 году Строгановым строить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби.

Предугадывая приход русских отрядов, Кучум в короткие сроки построил оборонительные укрепления-городки вокруг Кашлыка: Бицик-Тура, Абалак, Мурзы Аттика, Тунус-городок, Кулары-городок, Сузгун-Тура, Бегишево городище, Карачи-городок и возле Уральских гор — «городок опасный» есаула Алышная, а также «заставной городок».

К этому времени у Кучума стали очень болеть глаза, он терял зрение и заказывал купцам мазь для больных своих очей. Но один из караванов был разграблен казаками, и пошло московскому государю письмо, в котором Кучум просит Ивана Васильевича разобраться с грабителями и вернуть ему мазь.

Но мог ли русский царь выполнить сию просьбу?

Недуг Кучума приводил его в ярость. Не имея возможности лично возглавлять войско при переходе от оборонительных мер к наступательным, чтобы опередить русских, он возлагал большие надежды на способности сыновей: Маметкула, уже проявившего себя в набеге на Пермские земли, и на Алея. Будучи хитрым политиком, Кучум не раз усыплял бдительность русского царя, зная, что у того и так хватает забот на западных и южных границах. Осуществляя набеги на территорию русичей, он всякий раз как бы каялся по поводу проявления своей силы и делал вид, что признает вассальную зависимость от Руси. Так, в 1569 году, когда Иван IV проявил мирную инициативу, послав хану свою грамоту о восстановлении московского вассалитета в Сибири, Кучум дал ответ царю в духе своего постоянного маневрирования между войною и миром. Он совершил набег на русское поселение на реке Чусовой, схватив трех пермяков, Ивашку Поздеева «с товарищи», и доставил их к себе в столицу. «И был Ивашко у царя в Сибири ден с десять, и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарищев его оставил... и обиды не учинили никоторые». Отпуская к Москве подневольного посланца, Кучум просил на словах передать царю: «...Ныне деи дань собираю, господарю вашему царю послов пошлю, а нынче деи мне война с казахским царем».

После такой, казалось бы, покорности Кучум в декабре послал в Москву грамоту. В ней он называл себя «вольным человеком Кучум-царем», написав известный вызов: «И ныне похошь миру — и мы помиримся, а похошь воеватися — и мы воюемся». Это никак не походило на предложение мира.

Упорство, с которым русское правительство добивалось признания сибирскими ханами зависимости от Москвы, объяснялось не желанием получать дань. Для царской казны вполне хватало тех соболей, которых собирали Строгановы у местных племен. Сибирская дань в глазах царя имела чисто символическое значение. Иван IV не был готов воевать с «Сибирским юртом» и рассчитывал, по соображениям государственного и личного престижа, сохранить к своему титулу слова: «всея Сибирские земли и северных стран повелитель».

Однако Кучум предполагал иное, и своими хитростями старался выиграть время, чтобы обезопасить себя от вторжения русских в ходе создания боеспособного войска, а тем более опасался развязывать наступательную войну. Те несколько сотен ратников в личном отряде, состоявшем из казак-киргизов, ногайцев, бухарцев и ургенов, не были способны осуществить широкие замыслы своего владыки. Местные остяки и вогулы неохотно участвовали в военных акциях чуждого им правителя и, по причине своей малой численности, не могли послать достаточное количество людей, способных держать оружие. Основными поставщиками «черных людей» были улусы сибирских татар, проживавших по Туре, Тавде, Пелыму и Конде. Но и в этих улусах преобладало вогульское и остяцкое население. Было известно, что на Конде во главе татар и других ясачных людей стоял мурза Курманак, а на Пелыме князь Абылгерим, способный собрать не более 700 ратников.

Огромная территория Сибири, большая разрозненность племен, проживающих на ней, невероятно сложные, труднопроходимые пути сообщения — все это играло решающую роль в шаткости власти, в частой ее сменяемости и в неспособности противостоять организованному воинству.

Кучум понимал это. Он сознавал, что без армии, организованной и оснащенной огневым оружием, ему не только не справиться с русским царем, но и не уберечь своих завоеваний. Поэтому он призывал наемников из Ногайской Орды и из азиатских стран, пытался приобрести у османцев или крымских татар пищали и пушки, но получил отказ.

Междоусобные интересы татар, отсутствие взаимной поддержки после распада Большой Орды обозначили пути их гибели.

Глава 13

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

7087 год от сотворения мира.

Зима 1578—1579 года.

Зимняя стужа и снегопад, хотя и ожидаемые, обрушились внезапно. С вечера одного из ноябрьских дней вдруг запуржило, заметелило и, будто бы на радость после ночи, под утренним солнцем заискрилась ослепительная белизна. Сылва еще нехотя сопротивлялась, пронося мимо сало, но готова была вот-вот успокоиться и уснуть, замедляя свой ход. Неизбежный сюрприз природы повольники успели встретить по достоинству. Нарядные в убранстве пушистого одеяния, стояли добротные дома и куреня, сделанные будто на века.

Начало зимы, так же как и первые вздохи весны, горячили кровь и своею новизною побуждали к долгожданым деяниям. Казаки знали, что впереди их ждут походы на лыжах к Камню и встречи с неведомыми племенами.

Ермака беспокоили эти встречи. Беспокоили по той причине, что он не хотел проливать кровь ради грабежа простых невинных людей, а желал установить добрососедские отношения, чтобы устойчиво пополнять запасы продовольствия для прокорма своего многочисленного войска. Разорение этих племен не входило в его планы. Но как удержать казаков, которым была обещана добыча в северных землях? За Камнем живут татары, враги местного населения, их постоянные грабители. С ними-то и нужно драться, отбить награбленное. Следует вразумить казаков...

Так думал Ермак и решил сделать тщательный отбор людей для первого похода, а во главе его поставить волевого и уравновешенного Якова Михайлова.

С Михайловым шла долгая беседа, обсуждались детали предстоящей экспедиции. Ермак советовал:

— Ты, Яков, старайся не саблей махать, а языком делать дело. Прихвати с собою для поминок таганки, сбрую, ножи, материю и ясак бери как бы в обмен, без ущерба для вогуличей или остяков. Обещай им защиту от татар, а если те объявятся, то побей их, улус разори, разрешив казакам добычу взять. Но мирных людей не обижай и женок их не трогай.

— Не беспокойся, атаман, — заверил Михайлов, — сделаю так, как ты желаешь.

Узнав о выборе Ермака, Брязга пристал с просьбою:

— Яков, брат, сверши доброе дело — приведи мне красивую девку. Господа Бога буду молить за тебя.

— Ты что — ошалел, Богдан? — возмутился Михайлов. — Ермак не потерпит блудовства.

— А кто сказал, что я думаю о блуде? Я, может, женку хочу завести. Многие казаки только о том и думают. Вон ведь какой городище отстроили! А батько еще пообещал Савве поставить к весне часовню. Вот и сообрази: стало быть, поселение наше задумано Ермаком не на одно лето.

Яков Михайлов недоуменно скривил губы.

— А ты, видно, прав. Я и не разумел этого. Будь по-твоему — добуду тебе красавицу.

— Ой, брательник, у тебя сердце доброе, и удача сама пойдет в руки.

— Брось, Богдашка, льстить. Я и так постараюсь.

— Уж постарайся, Яков. Эх-ма! Отпустил бы меня батько с тобою!

— Не мечтай, не отпустит. Тебе караульная служба назначена.

— От этой службы у меня одни неприятности, — сокрушенно сказал Брязга. — Буду просить батько, чтобы замену сделал.

— Пустое! Любит тебя атаман — вот и держит при себе.

Брязга возмутился:

— Что я, девка какая? Мне не любовь нужна атаманова, а ратные дела.

— Не кипятись, еще навоюешься, — сочувственно сказал Михайлов. — Может быть, скоро тебе и повезет.

Через несколько дней Брязге действительно повезло — его караульщики захватили на реке вогулича. Тот, не таясь, неся в оленьей упряжке, привскакивая в нартах, размахивая хореем и покрикивая: «Хэй! Хэй!» Увидев вооруженных людей, преградивших ему путь, он за несколько десятков метров резко натянул поводья. Снежная пыль догнала нарты, окутала их облачком, из которого выплыло смуглое морщинистое лицо, озаренное широкой улыбкой.

— Рус! Рус! Казаки! — воскликнул радостно вогулич.

— Чего ты нам обрадовался? — удивился Окул, возглавлявший караул.

— Рус — холосо, а татары — плохо, — последовало объяснение.

— А не лазутчик ли ты?

— Зачем лазутчик? Я Елын, я много-много ездящий, я все знай, и язык ваш знай.

— Откуда же и куда едешь так быстро?

— Холосо быстро, не люблю медленно. В деревне у острога был, лисицу на таганок менял.

В доказательство, что говорит правду, вогулич вытащил из-под ног сосуд, сияющий начищенной бронзой, выказывая всем своим видом неподдельное восхищение. Таганок стоил того не только сверканием, но и формой в виде большого кубка на изящной ножке с устойчивой основой-кругом.

Решив, что встреча со всезнающим вогуlichem — это большая удача, Окул похвалил его за выгодную мену и пригласил в гости к главному атаману.

— Холосо, холосо, — тут же согласился Елын, довольный тем, что он не пленник, а гость.

Когда нарты въехали в городище, повольники сбежались со всех сторон, чтобы посмотреть на необычную для них повозку и ее хозяина.

Вогулич был маленького роста, так что пятиметровый хорей, который он держал вертикально, опасаясь задеть кого-либо, казался высоченным. Судя по всему, этот человек чувствовал себя уверенно, даже горделиво, став объектом всеобщего внимания. Облачен он был в глухую одежду из меха, спадающую ниже колен, с капюшоном из шкуры головы оленя, на котором торчали ушки. Чуть выше колен его шуба, без разрезов и пуговиц, была окольцована широкой лентой, красиво расшитой меховой мозаикой, а из-под капюшона выбивались тонкие черные косички, реденькая бороденка и добрый, веселый взгляд.

Три оленя, запряженные цугом, вызывали у повольников невольную жалость. Они были низкорослы, худосочны, с ветвистыми рогами, которые, казалось, обременяли их своею тяжестью.

— На таких верхом не поедешь. Хребтина у них слабая — враз сломается, — высказался Гаврила Ильин, возвышающийся словно великан над вогуlichem.

— Сломается, обязательно сломается, если ты сядешь, — согласился Елын. — А с нартами шибко бегут, холосо.

Раздался громкий хохот повольников, а Ильин, сначала опешивший, затем сам весело расхохотался, представив себя верхом на такой скотине.

В этот момент через толпу пробился Брызга и крикнул:
— Раздвиньтесь, братцы! Батько вогулича к себе зовет!

С не меньшим восхищением, чем при взгляде на свой таганок, Елын теперь восторгался всем, что встречалось на пути.

— Ай, какой большой город, шибко большой! — обращался он к Брызге. — Мой паул совсем маленький.

Елын протирал рукавицей глаза, думая, что их запорошила поземка и играет его воображением. Вот у огромной сосны стоит чернобородый богатырь, Най-отыр, Небесный отец Торум, внезапно спустившийся на землю и острым взглядом осматривающий нежданного пришельца. Но в глазах Най-отыра нет осуждения, в их глубине Елын угадывает доброжелательность и чистоту помыслов. Если это Бог, то не злой. Но оказывается, что это человек, атаман-богатырь, у которого столько воинов, сколько рыбы в реке.

Из оцепенения Елына вывел приветливый взмах рукой, которым Ермак подзывал гостя. Он положил ему ладонь на плечо и повел в избу, где Савва уже хлопотал у стола, расставляя миски с едой и ковши с медом.

— Садись на лавку, Елын, — сказал Ермак. — Ты, наверное, утомился в пути и хочешь есть?

— Спасибо... спасибо... — пробормотал вогулич, поразившись, что богатырю уже известно его имя и в его честь накрыт стол.

Елын присел бочком на лавку и отбросил на спину капюшон. В избе было жарко, но он не собирался снимать меховое одеяние. Его косички-жгутики рассыпались по плечам, а глаза спешили охватить все детали внутри помещения.

Через два маленьких окошка, обтянутых рыбьими пузырями, пробивался тусклый свет, но зато шустрые языки огня в печи разгоняли сумрак, причудливо поплясывая отблесками на стенах и потолке.

Не обнаружив каких-либо признаков роскоши, Елын удивился.

— Татарские салтаны и мурзы не так живут, — сказал он разочарованно.

— Так то салтаны, а я казак, — усмехнувшись, ответил Ермак. — И еда у меня простая. Али не та она для тебя?

— Та, та, — торопливо сказал Елын.

Он взял ломтик хлеба, положил на него кусочек мяса, подошел к печи и бросил в огонь; возвратясь на место, пояснил:

— Нельзя есть — пока не накормишь Най-Анки. Поделись с ней — и она будет оберегать твой Юрт.

Понимающе кивнув головой, Ермак повторил содеянное Елыном, а тот удовлетворенно заявил:

— Теперь можно есть. Тебе, Ойка 'Ермак, будет удача. Ты шибко умный.

Раз-другой отпробовав меда, Елын почувствовал себя разомлевшим, раскованным и словоохотливым. Его речь потекла плавно, как ручей по руслу без перекаатов:

— Я люблю ездить, люблю ходить по юртам и все знать. Такими были мои предки: отец, дед и дед деда. Раньше деды жили на земле, где солнце пряталось от людей на семь дней, на Большой реке, Пащар ас, вогульского Ойки. Ойка переплыл Большую реку без весла, загребая руками, а остальные люди плыли за ним на калданках. Бежали они от злобных, диких людей, ростом с собачий хвост, и приплыли сюда на Сылву, где разошлись семьями, выбрав места для своих Юрт. По этим Юртам отец мой ездил, дед ездил, а теперь я езжу — и каждого из нас всегда звали Елыном. Люди везде ждут меня. Они хотят знать: какие есть перемены, на какой стороне им стоять, ждать ли нападения или увеличения ясака. Жадность русских купцов беспокоит всех вогулов, а с другой стороны татары Мурзака приходят из-за Камня и разоряют паулы, уводят жен и дочерей, отбирают добытого в лесу зверя. Мурзак ходит под властью Кучум-хана, который не позволяет давать русам ясак. Хитрыми лисицами пришлось стать вогулам, вертим хвостами на обе стороны.

— Как же вам это удастся? — спросил Ермак, как бы между прочим, скрывая возникший особый интерес.

Он зачерпнул из ендовой очередной ковш меда для Елына и добавил сочувственно:

— Тяжко вам приходится.

— Тяжко, ой тяжко! Совсем нехолосо! — подхватил Елын. — Наш Номин, князец, наказал Кусину, дары собирающему, делить добычу с утайкой, припрятав ясак для русов в стороне от Юрта. Но мы и от Кусина прячем, так как он обманывает даругу купцов, а те насылают ратников на наш паул. Поэтому мне поручили тайно отвозить ясак. Я отвожу два по сорока соболей, а они говорят, что мало, требуют еще сорок. А где их взять? Если татарам не оставить, то жди набега. Тяжко, ой тяжко, Ойка Ермак.

Наступило минутное молчание. Елын отхлебнул из ковша медку и принялся за еду, а Ермак размышлял: «Вогулич наверняка говорит правду. Если это так, то от их Юртов можно получить немалую дань. Нужно только завоевать доверие и не потерять его». Поймав взгляд Елына, он спросил:

— А что, если я возьму под защиту от татар и купцов твой паул и другие? Будете мне вполовину меньше отдавать?

Вогулич будто оцепенел от такого предложения, перестал есть и расширенными от удивления зрачками уставился на атamana.

— Али не устраивает? — поинтересовался Ермак.

— Ой, как холосо! Ой, как устраивает! — восторженно воскликнул Елын. — Добрую весть повезу в паулы и скажу людям: — Най-Отыра послал нам Торум.

— Пусть будет так... Может, и впрямь ваш Торум сговорился с нашим Господом. Ответь-ка мне: много ли воинов у Мурзака?

— Один татарин говорил мне, что в том улусе черных людей триста человек и еще сорок. Все они воюют, когда Мурзак пошлет. Плохой он человек, хуже росомахи, живое сердце из груди вырывает всякому, кто слово не так сказал. Боятся его и свои татары, и мы боимся. Плохо будет вогулам, плохо, когда он узнает о твоём заступничестве, если его не убить.

— Не тревожься, Елын, — сказал Ермак, — пошлю я триста казаков, а ты укажешь дорогу к улусу этого зверя. Затравим его в логове. Не убоишься?

— Зачем бояться, если с тобой пойду?

Ермак нахмурил брови.

«Прав Елын, — подумал он, — в такой поход следует мне самому вести братьевников. Что подумают инородцы и казаки, когда устанюсь от драки с татарами? Ведь по-другому все поворачивается, нежели вначале думалось...»

Больше всего атамана беспокоил вопрос о возможностях передвижения войска в условиях суровой зимы, и он спросил об этом вогулича:

— Скажи-ка, друг, а как провести людей по снегам глубоким, по кручам каменным? На лыжах пройдут?

— Пройдут, если лыжи правильно смастерить.

— А ты посмотри у казаков их поделки и помоги им. Будем готовиться к походу.

Приняв решение, Ермак сразу прервал трапезу, сославшись на неотложные дела.

Теперь, с утра до темноты, Елын обходил избы казаков, безжалостно бракуя имеющиеся лыжи, и наставлял, как нужно их делать.

— Лыжи широкие — это холосо, — говорил он, — но задние концы надо тоже распарить и загнуть вверх. Однако в гору на них не пойдешь без оклейки мехом. Пойдете на голых лыжах по реке до паула, а там есть олений камус и клей из рыбных пузырей. Там и завершим работу.

Казакам понравился подвижный и неумный вогулич. Делая сани для поклажи, повольники старались перенять и опыт Елына в изготовлении нарт, которые были очень легкими и прочными. Их немногочисленные детали соединялись деревянными втулками, штырями и связками из корней кедра. Таких корней у казаков не было, и поэтому Михайлов сказал, чтобы их заменяли ремнями из

кожи. В подготовке к экспедиции участвовало почти все население городка. Настроение у всех было приподнятое.

Мрачным во всеобщей веселой суете был только Брызга. Он норовил чаще попадаться на глаза Ермаку, выражая всем своим видом упрек и уныние. Наконец, сердце атамана дрогнуло и он, как бы между прочим, спросил:

— Почему, Богдан, не подсобишь Михайлову? Али нет желанья со мною к вогулам идти?

Брызгу будто ошпарило кипятком. Он сорвал с головы шапку, с силою бросил ее под ноги и сказал:

— Эх, батько, жестокий ты человек! Зачем так долго мучил?

— А я не знал — хочешь ты или нет, — ответил Ермак, лукаво улыбнувшись в поднесенную к губам ладонь.

Брызга подхватил с земли шапку и бегом бросился к Михайлову.

— Фу, Яков! — выдохнул он, подбежав. — С вами иду!

Михайлов ничуть не удивился и спокойно напомнил:

— Я же говорил, что быть тебе при атамане. Ты для него вроде сына. Это понимать надо...

И вот настало утро, когда три сотни удальцов двинулись в путь по заснеженной ленте реки. Обоз состоял из трех десятков саней, имеющих по две лямки, с помощью которых казаки попеременно тащили свою поклажу. Она была довольно громоздкой, но зато могла обеспечить достаточную защиту от зимней стужи и голода. Нельзя, как полагали казаки, заранее знать — сколь долго продлится этот поход по незнакомой земле. В каждой санной повозке лежало снаряжение для обеспечения нужд десяти человек: шатры, пологи, овечьи шкуры, топоры и пилы, запас свинца и пороха, походные котлы, съестные припасы и дары для вогуличей.

Колонна, растянувшись чуть ли не на версту, двигалась не спеша, делая привалы через каждые два часа, хотя погода и благоприятствовала путникам. Легкий морозец только бодрил, а низкое солнце, рассыпая по снежному простору разноцветные звездочки, вселяло хорошее настроение. Справа и слева от цепочки людей незначительное свободное пространство окаймляли леса, которые казались безлюдными, но, следуя неизменному правилу, каждый казак имел при себе одну заряженную пищаль, а вторая покоилась в санях.

Во время шествия Михайлов и Брызга наравне с повольниками впрягались в лямку и тянули сани, а Ермак то объезжал войско на нартах, то устремлялся вверх по реке, прокладывая колею и осматривая побережье. Елын охотно направлял оленей туда, куда указывал атаман, и был очень доволен, почувствовав себя нужным человеком для Ермака и всего его войска.

Когда пришло время располагаться на ночлег, Елын предложил:

— Юрткве, Ойка Ермак, холосо будет, если я не буду спать, быстро поеду в свой паул и пригоню олешек для саней.

Атаман задумался: «Нет ли тут подвоха? Не хитрит ли вогулич?» Но, рассердившись на себя за такие мысли, сказал:

— Заманчивое предложение. Идти по глубокому снегу тяжело, тем паче на голых лыжах да в ляжке. Нет такой привычки у казачков. Олени да дополнительные сани нам пришлось бы ко времени. Но как отнесутся к этому твои поселяне? Не осудят ли тебя?

— Не осудят. Я им хорошую весть привезу о твоей защите и малом ясаке. Все согласятся служить такому Най-Отыру, на своих нартах поедут со мною и олешек дадут.

— Убедительно толкуешь. Когда же ждать вас?

Елын потер рукавицей лоб, напрягаясь в подсчете.

— Два дня, если тут будешь отдыхать.

— Теперь не до отдыха.

— Тогда быстрее — завтра к вечеру.

— Добре... Езжай!

— Хэй! — крикнул Елын и ударил оленей хореем.

Вскоре сумеречная даль поглотила быстролетные нарты, провожаемые сотнями глаз.

На крыльях радости летел Елын к соплеменникам. Полная луна, повисшая над горизонтом, заглянула ему в лицо и, словно зацепившись за ветвистые рога, какое-то время неслась вместе с упряжкой.

— Не сбежит ли вогулич? — высказал опасение Яков Михайлов, подойдя к Ермаку и сбрасывая с ног лыжи.

— Не думаю, — ответил атаман, теребя и оглаживая по привычке курчавую бороду, — нельзя жить без доверия.

— Оно-то так, но одно дело Елын, а другое — население паула. Все инородцы хитры и себе на уме. Можно и на засаду нарваться.

— Не посмеют, — уверенно возразил Ермак, — не пойдут против силы, а главное, они умеют ценить добро.

— Хочу, чтобы ты оказался прав, атаман.

Следующий день прошел в тревожном ожидании. Дорога без суетливого вогулича, без его покрикиваний и резвых оленей казалась скучной. Всех волновал вопрос: выполнит ли обещание Елын и не наведет ли на казаков татар?

Эти предположения были напрасны, но Елыну пришлось немало поработать языком, чтобы убедить односельчан, что казачье войско идет к ним с добрыми намерениями и не будет чинить обиды. Он без усталости, чуть ли не каждой семье, пересказывал о своих беседах с Ермаком, рассказывал, как тот ласково его встретил, на-

зывал другом и настоящим Най-Отыром славного атамана. А трудности у Елына возникли из-за однорукого русского, которого приютил паул. Тот выступил противником оказания помощи казакам, лгал и охаивал как только мог Ермака, призывал встретить его с оружием в руках. Однако односельчане поверили Елыну, а не чужаку.

Когда сорок оленей и десяток нарт, ведомых погонщиками, двинулись на встречу с казаками, с другой стороны паула отбыла одинокая нарта с русским. Злобно ругаясь, он погнался оленей к ставке князьца Номина.

Всеобщее возбуждение и ликование прокатилось по цепочке лыжников, как только вдали возникли быстродвижущиеся черные точки. Радовались тому, что вогулич оправдал доверие и не будет надобности проливать кровь.

Теперь все нарты и сани тянули олени, и повольники, освободившись от лямок, весело перебрасывались шутками или вдруг начинали очередную песню о родных южных просторах, о вольной жизни.

До того как стемнело, в первом удобном месте отряд расположился на ночлег. Казакам было чему поучиться у вогуличей. Те быстро очистили от снега широкую полосу, уложили на нее длинный ствол лиственницы, обложили его березовой корою, мелкими сучьями и мхом. После этого не составило труда поджечь сушняк по всей длине бревна, которое как бы лениво восприняло языки огня и стало медленно гореть, раздавая тепло по обе стороны, где тут же были сооружены постели из оленьих шкур.

Ермак подозвал Елына к костру, где также сидели Михайлов и Брязга, и протянул вогуличу миску с ячменной похлебкой. Елын, громко чмокая от удовольствия, опорожнил посудину, собрал остатки крупинок пальцем и облизал его.

Наблюдая за его действиями, Ермак спросил:

— Как ты думаешь, друг, сможем ли мы на твоей земле найти столько еды, чтобы прокормиться до весны?

— Эх, Ойка Ермак, шибко большое у тебя войско, а в наших паулах еды мало. Повезу тебя на Юрт Кукана, много рыбы имеющего, но, боюсь, и ее не хватит на всех. Будем на охоту ходить, стрелять лося, олешек да зайцев. Этих-то много в березовых чащах...

Подумав, Елын добавил:

— Большие запасы у Номина, но он не даст. А у Мурзака и меда шибко много, но на него идти теперь нельзя.

Ермак опешил, удивился и спросил:

— Почему нельзя? Ты же сам побуждал на него идти.

— Да, говорил. Но на лыжах путь далек и опасен.

— Нам, казакам, не привыкать к опасностям.

— Лучше переждать до весны, — упорствовал Елын. — Шибко холосо на лодках плыть.

— Не понимаю, — сказал Ермак, нахмутив брови, — что тебя заставило переменить мысли? Говори правду!

— Скажу, скажу! Только не сердись, Ойка Ермак. Думаю я, что по пути засады будут. Не хочу, чтобы ты зря казаков загубил.

— Почему вдруг возникли такие опасения? — спросил Ермак.

— Русский живет у нас в пауле. Он не любит тебя, Ойка Ермак, и грозился донести Номину и Мурзаку о нашем сговоре.

— Откуда взялся этот русский и за что невзлюбил меня?

— Он говорит, что это ты ему руку отрубил.

При этом упоминании Брызга сорвался с места и, сорвав с головы шапку, досадливо и с упреком воскликнул:

— Эх, батько, я же говорил, что этого гада нельзя было миловать! Пусть только попадется мне еще — не упущу, порубаю шакала на куски!

— Плохой он человек, злой, — подтвердил Елын, — я много в людях понимаю. Но моим словам не стали верить братья, пожалели его и, приютив, согласились отдать в жены самую красивую девушку. А она не поддалась ему, приняла побои и убежала в соседний паул.

— Да-а, задал ты думку... — Ермак помолчал и усмехнулся. — Ну и живуч же этот Шалый. То, что он знает о нас, — это на пользу. Пусть потешит татар сказками, а наше дело походное да гостевое... А если до драки дойдет, то и повоюемся.

Далее разговор вернулся к обсуждению способов добывания еды, после чего все улеглись спать вдоль тлеющего бревна. Последним улегся Брызга, поскольку на нем по-прежнему лежала обязанность обеспечения караульной службы. Он долго не мог уснуть, фантазируя о том, как разделается с Шалым, когда встретится с ним лицом к лицу.

Паул Елына располагался в густом лесу, в верховье одного из притоков Сылвы, куда в полдень свернул отряд, а к исходу дня уже прибыл на место.

Увидев рубленые дома, вросшие срубам в землю, покрытые жердями и берестою, казаки удивились.

— Глянь-ка, как наши куреня! — воскликнул Окул.

— И лабазы на высоких пнях, как в нашем городище, — добавил один из повольников, стоящих рядом.

Гаврила Ильин развел в стороны ручищи и пробасил:

— Ну, братья, а я думал, что увижу только чумы!

О размерах паула трудно было судить, так как и дома, и хозяйственные постройки располагались на большой территории среди

гуши деревьев, были хаотично разбросаны и отстояли друг от друга на значительном расстоянии.

Из-за кустов и толстых стволов ельника выглядывали чумазные лица ребятишек, а за ними мелькали силуэты женщин, бросающих любопытствующие взоры на статных бородатых молодцов.

На поляну, соблюдая независимый вид, стали выходить мужчины, похожие на Елына: в таких же малицах, такие же, в основном, низкорослые и с косичками. Все они были вооружены луками и копьями, предостерегающе направленными в сторону казаков.

Видя их настороженность, Ильин крикнул:

— Не бойсь! Мы с добром пришли!

Его поддержали погонщики оленей, которые уже успели свыкнуться с добродушными русскими. Они загалдели наперебой, подавая руками призывающие к общению знаки.

Дети первыми, словно только этого и ждали, разом покинули свои укрытия и ринулись к удивительным воинам-чужестранцам. Они восхищенно рассматривали и поглаживали малиновые чехлы, в которых покоились мечи и сабельки, щупали суконные шаровары, охотно позволяли взять себя на руки, чтобы дотянуться до бараньей шапки, не похожей на их ушанки, или потрогать длинные кончики усов.

Казаки, казалось, зачерствелые рубаки, растрогались: кое-кто смахивал умильную слезу, некоторые расплылись в умильно-глуповатой улыбке и ковырялись в карманах, выискивая гостинец, коим чаще оказывался залежалый сухарик. Неожиданно дети всколыхнули в них воспоминания о своем детстве, о родителях, и пробудили нечто спящее — естественную тягу к семейной жизни.

У взрослого населения паула, наблюдавшего за происходящим, развеялись всякие сомнения относительно миролюбивых помыслов русов, и оно сменило свою настороженность на радушие гостеприимных хозяев. С участием вогуличей за какой-то час возник на окраине поселка лагерь из трех десятков чумов, покрытых оленьими шкурами и оборудованных внутри каменками для костров, которые тут же запылали, выбрасывая через верхние отверстия жилища клубы дыма.

Когда в медных котлах, подвешенных над огнем, стала закипать вода, к чумам подошли поселяне, обвешенные вязанками вяленой рыбы и мяса, а кое-кто притащил даже большие куски свежей оленины. Само собой все вылилось в совместный пир. Кубки с брагой и ковши с крепким медом ходили по кругу, сближая хозяев и гостей. Казаки помнили совет Ермака и не упустили случая одарить каждого вогулича подарком, чем доставили им большое удовольствие. Особый восторг выказывали те, кому достался обоюдоострый нож.

В чум, возведенный в центре лагеря, где поселились Ермак, Михайлов, Брязга и монах Савва, заглянул Елын, отодвинув полог на входе и просунув голову.

— Входи, гостем будешь, — пригласил Ермак.

Елын пролез в чум и сказал:

— Спасибо, но я к себе вас зову вместе с попом. Хочу с шаманом его познакомиться.

— Хорошо, — согласился Ермак и спросил: — А где сейчас русский безрукий?

— Сбежал, однако, к Номину. Нужно стражу поставить за паулом.

— Уже со всех сторон поставлена, — успокоил Брязга и, переводя взгляд туда-сюда на Ермака и Савву, предложил: — Давайте медку с собою возьмем на такой случай.

В знак согласия Ермак кивнул головой Савве — хранителю хмельного питья.

Дом Елына, как, впрочем, и все другие, был срублен из осиновых бревен, не боящихся влаги и не загнивающих в соприкосновении с грунтовой водой. Сначала вошедшие попали в широкие сени с кладовой, отгороженной жердями, и с полкой на противоположной стороне для всякой домашней утвари. Прямо по ходу была низкая дверь, которая вела в просторную жилую комнату. В ней, справа от входа, в огромном чувале со стенками из спекшейся глины тлели угли, а на них стоял большой таган, в котором уже булькало какое-то варево, источающее запах мяса. На полатях, занимающих левый дальний угол, сидели две женщины, мать и дочь, и изготавливали нитки из каких-то высушенных стеблей, разминая волокна костяными скребками. Не поднимая глаз на гостей, женщины продолжали заниматься своим делом, пока Елын не прикрикнул на них. Получив выговор, они очистили стол от мусора и стали расставлять глиняную посуду, снимая ее с полки над нарами.

— Неприветливая у тебя женка, Елын, — сказал Ермак. — Чем мы ей не угодны?

— Угодны! — уверил хозяин. — Только маленько боится. А так — холосая она, приветливая, но опасается — вдруг дочку кто обидит.

— Э-э, если так, то успокой ее. Крепкий наказ у меня казакам, запрет на баловство. Если такой объявится обидчик в твоём пауле, сам утоплю в проруби.

Елын передал слова атамана женщинам, после чего лица их посветлели и они уже без прежней скованности засуетились у стола.

Брязга с изумлением пялил глаза на мать и дочь, испытывая жестокое разочарование. Широкоскулые, узкоглазые, низкорос-

лые, с незначительными признаками талии — они полностью разрушали его представление о туземных красавицах. Вот только соблазнительно развитые бедра... Но этот невыносимый запах пота! Нет, избавь, Господь, от подобной женки. Неужели все вогулки похожи на этих двух и не найти ни одной, близкой его былому воображению?

Он положил руку на рукоять сабли, сжал ее, словно прося прощения за измену. Решив, что покончил с глупыми помыслами, Брязга обернулся в сторону булькающего котла, втянул в себя воздух и сказал, молодецки щелкнув пальцами:

— Эх, у меня и аппетит — пока шапка не слетит!

Ермак взглянул на него с удивлением, ухмыльнулся и нарочито серьезно сказал:

— За то спасибо, что ешь ретиво!

Внимание Михайлова привлекли серебряные изделия, расположенные на той же полке, где стояла глиняная посуда. Это были кубки разной формы и величины, расписанные изображениями невиданных фантастических птиц и зверей, и большая, литая из серебра, чаша, окантованная золотом.

— Откуда это? — спросил он Елына.

Елын снял с полки четыре кубка и чашу, расставил их на столе, поцокал от удовольствия языком и сказал с гордостью:

— Сорок соболей и десять лисиц отдал за них купцам, которые приходили на верблюдах. Боюсь, однако, что даруги Мурзака отберут, если увидят. Спрятать надо.

Гости с любопытством рассматривали содержимое чаши. Она наполовину была загружена серебряными монетами с примесью земли и до краев заполнена водой.

— Эта вода изгоняет из тела болезни, — пояснил Елын. — Ее пить надо... Однако, пора есть.

Еда, поданная на стол, произвела впечатление. Сберегаемые для угощения особых гостей деликатесы, мозги и языки оленей, были разложены на блюдах. Появился и крепкий ягодный напиток. Елын хитро улыбался и, после настойчивых вопросов, признался, что подобное зелье выменивает на пушнину в деревнях у Строгановых.

После нескольких кубков выпитого наступил момент, когда Елын, прочно прилипнув к скамье, ступил на привычную тропу хвастовства. Он вновь пересказывал о том, как много ездит и много знает о всех, кто живет в округе, даже за Каменным Поясом. Атаманы молча слушали и мотали на ус интересующие их детали хмельных признаний. Оказалось, что помимо припрятанных на стороне соболей в каждом доме есть их достаточный запас на случай прибытия купцов из южных стран. Накопилось у жителей и немало

заморских изделий из серебра и золота. Но очень много этого добра в Юртах у Кусина, дары берущего, и у именитого Номина, к одному из которых, видимо, и сбежал однурукий. Кусин и Номин находятся под защитой Мурзака, и никто не решается им противостоять. Они жадны, имеют злых воинов, часто обирающих вогуличей, которые живут охотой на пушного зверя. У этих князьков есть большие стада оленей и овец. Есть и лошади. А еще они имеют по нескольку жен вогулок и красавиц татарок. Вообще в их паулах живет немало воистых татар.

Брызга вслушивался в откровения Елына с пристальным вниманием, не упуская ни одного слова. Он уже предвкушал предстоящие события, творцом которых станет батько. Ведь удача сама идет в руки к Ермаку. Как можно упустить такой случай?

Ермак, как видно, принявший уже некое решение, сказал:

— Елын, утром собери всех мужчин на поляне. Как принято у вас давать клятву?

— Целуем голову медведя или проходим между половинами разрубленной собаки.

— Собаку жаль... Пусть будет медведь, — сказал Ермак.

— А крест не заставишь целовать? — спросил Елын, бросив взгляд на Савву.

— Не заставлю. Я не хочу отрешать вас от своей веры и обычаев. Ваших богов я не стану обижать и сердить.

Елын обрадовался.

— О, Ойка Ермак! Наши боги станут оберегать тебя и твое храброе войско! А вот татары силою навязывают вогулам свою веру, но мы сопротивляемся и прячем за болотами свое капище.

— Это по уму, — одобрил Ермак. — А мне можно посмотреть ваше святое место?

— Один я не могу дать согласие. Нужно спросить у шамана.

— Давай спросим. Когда он придет?

— Он уже давно здесь, — подал голос Савва. — Станный человек.

Все присутствующие разом оглянулись и увидели пожилого мужчину в нарядной парке, который сидел на чурбаке против чувала, глядя на огонь и что-то нашептывая.

— Аням! — окликнул его Елын. — Почему не идешь к столу?

Шаман устало и медленно покачал головой и сказал с упреком:

— Зачем помешал, Елын? Мой дух уже шел в верхний мир, чтобы узнать правду о казаках, а ты вернул его обратно.

— Ты же сам говорил, что камлание будет утром, — оправдался Елын.

Шаман вздрогнул, вскочил на ноги и, растопырив пальцы, стал будто бы что-то бросать в огонь чувала, бессвязно приговаривая:

— Уйди... унеси... Спаси от бед — пока их нет... Болтливый язык беду зовет...

Ермак нахмурил брови.

— Уймись, старик! На всяку беду страху не напасешься! — сказал он гневно. — Лучше отведи нас завтра к святому месту и покажи там свое умение. Теперь же иди сюда да выпей браги. На обеде — все други да соседи.

— Иди, Аням! Иди! — подхватил Елын. — Отдам я завтра в жертву своего олешку.

Шаман уселся рядом с Саввой и, не ожидая уговоров, одним махом опрокинул в рот содержимое большого кубка.

— Лихо пьешь, — заметил Ермак. — Чем еще можешь удивить?

Почувствовав в голосе атамана иронию, шаман бесстрашно впился колючим взглядом в его лицо и сердито сказал:

— Не хочу удивлять: духи этого не любят.

— Да, да — не любят, — подтвердил Елын. — Духи разговаривают с Анямом, рассказывают ему о всем, что спросит, а он передает это людям, помогает больным — такая его клятва. Если шаман откажет в помощи, то духи от него уйдут, отберут удачу на охоте, могут ударить по лицу тынзяном и наслать болезни.

— Он и мне не может отказать в помощи, если я попрошу? — спросил Ермак.

— Не может! — категорично заявил Елын.

— Это хороший у вас закон... — проговорил Ермак после раздумья, внимательно разглядывая шамана.

Несмотря на слишком морщинистое лицо Аням производил впечатление не дряхлого старца, а еще здорового и крепкого человека. От него будто веяло какой-то непостижимой внутренней силой.

— Скажи, Аням, ты можешь определять судьбу человека? — поинтересовался Ермак.

— Да, могу, — твердо ответил шаман. — Если не боишься, то давай руку.

Он взял протянутую ему кисть руки, покачал головой, удивляясь ее размерам, и стал внимательно разглядывать борозды и черточки на ладони, проводя по ним пальцем.

— Тяжелая у тебя судьба, очень тяжелая, — сочувственно произнес Аням. — Однако обретешь ты великую славу... После смерти, — добавил он, закрыв глаза. — Умрешь ты не от старости, а от дурного случая. Но не скоро...

Все присутствующие были поражены предсказанием.

Ермак тихо спросил:

— А не врешь ли ты?

— Я вру?! — возмутился Аням. — Моя душа может терять тело и улетать в верхний мир, в царство духов, которые все знают и помогают мне, оберегают и дают силу.

В доказательство сказанного, он соскочил с лавки, подбежал к чувалу и голыми руками выхватил из него угольки, сжав их в кулаки. Подойдя к столу, он вывалил их в блюдо, где они продолжали еще тлеть, и показал обомлевшим зрителям ладони. На них не было ни единого следа ожога.

Чувствуя себя победителем, Аням степенно занял прежнее место на лавке, поднял кубок и торжественно сказал:

— Я великий шаман! Завтра пойдем на капище, и я вымолю у духов удачу казакам. Нужно наказать Номина.

Теперь, поглядывая на всех искоса, Аням отхлебывал из кубка небольшими глотками и усердно закусывал. Когда он насытился, Савва завел с ним разговор о лечебных травах, проложив тем самым путь к доверительным отношениям.

Пиршество закончилось после полуночи, хозяева и гости расстались довольные друг другом.

Ранним утром Елын и шаман собрали всех соплеменников на поляне, где на высоком помосте уже была помещена шкура медведя. После того как Савва произнес слова клятвы, а шаман повторил их, вогуличи поочередно стали подходить и целовать медвежью голову.

Эта церемония не заняла много времени. Сразу после нее все мужское население и полсотни казаков из отряда Брызги, которых взял с собою Ермак, отправились к капищу, а Михайлову выпала доля охраны паула, где остались старики, женщины и дети.

Войдя в гущу леса, Елын предупредил, что следует идти за ним след в след, не отступая ни на шаг в сторону и не касаясь ветвей, тянувших колючие лапы к тропинке, так как можно попасть под стрелу настороженного лука или угодить в яму с кольями.

Казаки с опаской вглядывались в дебри, сгибали спины под низкосвисающим лапником сосен, и вздохнули облегченно, когда вышли на просторную поляну.

В центре поляны стояла одинокая, сказочной величины лиственница, которая, казалось, упирается в небо. Обхватить ее ствол смогли только три человека, взявшись за руки. Остальные казаки с любопытством осматривали удивительное дерево. На его корявых сучьях висели рога оленя, какая-то чаша, стрелы, истлевшие кусочки шкур и цветных тряпочек. Под деревом валялись котлы и изделия из рогов. На самой вершине чернело орлиное гнездо. Зарубки на стволе, очищенном от коры, напоминали изображение лягушки, от которой, как объяснил Елын, произошел его род. Ниже лягушки

был орнамент, напоминающий соболя, и множество узоров медвежьих лап.

— Это святое дерево, — гордо сказал Елын и засунул руку в пасть большого дупла, находящегося на уровне груди человека.

Он вытащил горсть трухи вместе с сияющими драгоценностями в виде бус, серег, колец и монет. Показав их казакам, он бросил сокровища обратно и сказал:

— Дайте лесным духам то, чем сами дорожите, и они защитят вас от врагов и дадут удачу.

Между тем, метра в пятидесяти от дерева, на сухой выжженной плешине, шаман Аням вел приготовления к камланию. Там уже пылал небольшой костер, вокруг которого было разложено шаманское одеяние, железный обруч с прикрепленными к нему рогами оленя, опутанными нитью с разноцветным бисером и привязанными лоскутками цветной материи. Тут же находилась и большого размера деревянная плаха от распила когда-то могучего кедра, хранящая темные пятна крови жертв, приносимых в дар высшему богу Торуму, давшему добрым и злым духам свободу.

В левой руке Аняма был бубен, который он держал за два перекрещивающихся бруска, прикрепленных с обратной стороны. Вся внутренняя часть бубна была искусно выжжена, изображая какие-то знаки и символы магической силы, а края украшали разноцветные лоскутки, которые безудержно трепетали под воздействием ветра.

Из серебряной чаши Аням зачерпнул ладонью маленькую толику воды и разбрызгал ее по всей площади бубна. Затем он выхватил из костра уголек, поджег с его помощью кусочек трута, и окурил им бубен и свое лицо. Уголек и трут он положил в блюдце из свинца, и тут же подхватил с плахи колотушку.

Все вогуличи и казаки обступили шамана широким кругом, предоставив ему простор для священнодействия. Наступила торжественная тишина.

Аням поднял над головой бубен и сильно ударил в него колотушкой, рассыпая по поляне целый каскад звуков, охвативших присутствующих таинственной силой.

Сквозь непрекращающийся грохот вырвался наружу зычный голос шамана:

— Я слышу, духи, слышу — вы уже здесь! Смотрите, люди, смотрите — ваши духи пришли к вам! Спросите их — где ваша смерть? Спроси, Ойка Ермак, какой тебе идти тропой. Слушай, что скажут тебе духи, и запомни их слова.

Шаман вдруг резко подпрыгнул, оборвав стук, и, положив бубен с колотушкой на землю, растопырил пальцы и будто бы стал что-то бросать в огонь. Потом неожиданно обернулся, оста-

новил свой взгляд на Брызге и подозвал его вместе с четырьмя казаками.

Аням расставил казаков вокруг плахи, попросив положить на нее руки, и стал быстро натирать их своими ладонями, обойдя каждого. Затем он отошел в сторону и пристальным взглядом впился в плаху. И тут казаки со страхом почувствовали, что плаха начинает подниматься, отрываясь от земли. Они со всей силой стали давить на нее, но безрезультатно. Какая-то сверхъестественная сила противостояла казакам.

Тогда шаман подозвал Ермака, потер ему ладонями руки и посоветовал присоединиться к товарищам. Ермак уперся обеими руками о плаху, и она, поддавшись, одним краем коснулась земли.

— О, Ойка Ермак, духи благосклонны к тебе! — воскликнул шаман. — В казаках — твоя сила, а в тебе — сила всех казаков. Вы неразделимы. И нет пути назад — откуда ты пришел в наши земли. Но духи говорят, что не здесь твоя тропа, а севернее, и имеет она прямой путь к злохитроственному Мурзаку, которого ты побьешь, взяв хорошую добычу. На реке Чусовой ты найдешь свою удачу, она будет идти рядом с тобой. Но помни, что там обитают вогулы и остяки, которые будут воевать против тебя с Сибирским Салтаном. И не бери вожами зырян, они обманут.

Казаки были поражены. Они смотрели на Аняма со страхом и глубоким почтением. Ермак впал в задумчивость. Весь обратный путь до паула он обдумывал слова, сказанные шаманом, который доказал свою сверхъестественную силу и мудрость.

Оставив в пауле Якова Михайлова с сотней казаков, Ермак отбыл в свой лагерь на Сылве.

Михайлову была поручена охота на зверя с жителями паула, сбор ясака и отправка продовольствия на Сылву. Запас рыбы он должен был взять в Юрте Кукана, о котором упоминал Елын, а заморские чаши, кубки и драгоценности отнять у Кусена, Юрт которого располагался неподалеку.

Свою миссию казаки Якова Михайлова осуществляли исправно, да вот только одного не предусмотрел Ермак — что души, зачерстевшие в походах и сражениях, начнут мягчить под воздействием соседствующих домашних очагов. Первые же казаки, прибывшие с обозом, привезли с собой и вогульских дочерей, испрашивая разрешения обзавестись семьей.

Ермак, яростный противник блуда, не препятствовал казакам в добрых намерениях, разрешал брать в жены туземок, которые с охотой, ради замужества, принимали христианскую веру. Пришлось, по настоянию Саввы, срочно соорудить часовню для проведения соответствующих обрядов.

Оженившихся Ермак подменял другими казаками для Якова Михайлова, чтобы сохранить сотню. Он надеялся, что тяга к ратным делам возьмет верх, но ошибся. Тяга к нормальной человеческой жизни оказалась сильнее. Вскоре семейных дворов на Сылве насчитывалось около двухсот. Атаман с нетерпением ждал того часа, когда сможет увести свое войско от этой «беды».

Это время настало — пришла весна.

Глава 14

В КАШЛЫКЕ

*7086 год от сотворения мира.
Лето 1578 года.*

В то время как Ермак шел по Каме на Сылву, приводя к шерти проживающие там племена, Кучум-хан вернулся в Кашлык после четырехлетнего отсутствия. Государь киргизов Шигай-хан, благодарный ему за войну против казахского правителя Хакк-Назара, убил Ахмед-гирея, расчистив тем самым путь в Сибирь Кучуму.

Еще полный сил и энергии, сорокалетний правитель стал принимать безотлагательные меры по укреплению государства и собственной власти. Опасаясь внутренней междоусобицы, Кучум привел с собой конные отряды, которыми наделили его владыки Востока: Бухарский покровитель Абдулла-хан, Тинахмет из Большой Ногайской Орды, на дочери которого Кучум женил своего старшего сына Алея, ургенческий сеид Дин-Алиходжу, муж дочери Кучума, и его спаситель Шигай-хан. Таким образом, правитель Сибири имел свою личную гвардию в пять сотен воинов.

Вместе с Кучумом прибыл и его гарем, состоящий из семи жен, а также с ними малолетние сыновья.

Большое беспокойство возникло у хана, когда он узнал, что Строгановыми построен на Тахчее укрепленный городок и что они имеют разрешение русского царя создавать крепости на Тоболе, Иртыше и Оби. Хан не сомневался, что недалек час, когда русские предпримут активные действия, чтобы овладеть Сибирью. Осознавая свою слабость, в случае войны с Русью, Кучум стал активно готовиться к противостоянию ей. Прежде всего он послал отряд и сжег городок на Тахчее, перебив его жителей, а затем занялся строительством собственных укреплений.

Поскольку хан не любил держать своих жен в одном месте, а тем более под одной крышей, он стал каждой из них создавать городки, превращая их в крепости.

Старшую жену, узбечку Симбулу, потерявшую с годами былую привлекательность, Кучум поселил в 15 верстах от Кашлыка, в местечке Абалак, что означает — «старейший». Нередко зимою хан наезжал сюда и проводил время в долине под горою, в пойме Иртыша, неподалеку от Епанческих Юрт. Рядом с Абалаком было озеро, богатое рыбой, которая вылавливалась и подавалась к ханскому столу. Наезжая в эти места, хан стремился повидать своего сына Какая, воспитываемого матерью, которого очень любил.

Другая жена Кучума, дочь именитого казанского сановника Девлетим-бея, жила в Бицик-туре, напротив летней резиденции хана на мысе Чувацкий. Оба городка стояли на высоком и крутом правом берегу Иртыша, полукольцом окружая Княжий луг, расположенный против устья Тобола в виде ровной площадки треугольной формы. Весенние разливы заливали его водой, но к лету вода спадала, оставляя небольшие озера и сеть мелких речек, текущих в Иртыш. Там в высокой траве и кустарнике водилось много дичи, и потому Княжий луг был излюбленным местом сыновей Кучума, увлекающихся соколиной охотой.

Главная резиденция хана находилась в древнем городище угров — Сибири, переименованном затем в Искер, что означает — «старый» или «священный», но названный Кучумом Кашлыком — «скатом горы».

Этот скат, расположенный с севера и востока от речки Сибирки, служил неплохой преградой для непрошенных гостей, но с западного поля доступ был свободен, и поэтому улусные люди рыли там глубокий ров и отсыпали земляной вал, обнося его палисадом, из-за которого можно было бы забрасывать врага стрелами, копьями и камнями. Через ров к крепостным воротам Кашлыка был перекинут деревянный мост, легко убираемый или сбрасываемый вниз в случае опасности. Через мост шла широкая тропа к речке Сибирке и колодцу, вырытому на склоне оврага.

Сам ханский городок был небольшим и рассчитан только на то, чтобы в нем могли разместиться его приближенные, прислуга и стража. Но, на случай вражеского нападения, в городке могло укрыться и войско. К городку примыкало поселение, в котором жили «черные» люди и воины.

Настоящую крепость построил хан для своей любимой юной жены, бухарской красавицы Сузге, дав название городку — Сузгун. Крепость располагалась на вершине горы, которая с двух сторон обрывалась крутыми ярами, а от Кашлыка к ней шел пологий подъем, разрезанный глубоким оврагом, по дну которого бежал

звонкий ручей. Шатры Сузге были обнесены высоким тыном из остроколя с бойницами для стрельбы из лука, окованные железом ворота имели надежные запоры.

Так Кучум-хан расселял своих жен, создавая одновременно укрепленные городки и заботясь о собственной безопасности.

Однако он не был удовлетворен только этими мерами. Главное, что у него не было большого боеспособного войска. Местная татарская знать, вогульские и остяцкие князьки, которые были обязаны по первому его требованию пригнать улусных людей, в случае войны, могли в любой момент подвести, предать, бросить на произвол судьбы как чужака, за которого его считали. Трижды он пытался привести их к мусульманской вере, но не добился своего. Они предпочитали деревянных идолов неизвестному им Магомету. Единственной надежной опорой были только прибывшие с ним воины и конница, возглавляемая Мухамедом-кули, или сокращенно — Маметкулом.

В 1574 году, до прихода в Сибирь его брата Ахмед-гирея, Кучум посылал в Прикамье Маметкула, чтобы побить русичей и разрушить их крепости. Но в Чердыни и Орле-городке его встретили огневými снарядами, напугав и нанеся большой урон коннице, после чего отважный военачальник пограбил посады, взял пленных и вернулся обратно, сказав хану:

— Не побить нам русского царя без пушек и другого огневого оружия.

Вспомнив об этом, Кучум направил послов в Тавриду, поручив выпросить несколько пушек и «зелье» для них, но получил отказ. Тогда он обратился к казанскому мурзе Мурату, своему тестю, и стал обладателем двух пушечек под двадцатифунтовые ядра, из которых, при всех стараниях, не сумел произвести ни одного выстрела.

И все же Кучум не сдавался, желая перевооружить свою армию. Посвятив в свои замыслы очень узкий круг приближенных, он выписал из Бухары оружейников и рудознатцев, которых тут же перевез и поселил тайно на одном из островов Тобола, назвав это место Алтын-Кыр, то есть «золотая земля», что соответствовало сверканию песка на всей его поверхности. Организовывать в столице изготовление огнестрельного оружия и пороха он не желал, так как это могло получить широкую огласку. Более того, чтобы скрыть производство от посторонних глаз, он поместил его под землю на значительную глубину, выложив вентиляционную трубу из кирпича, уходящую вниз, а вход в мастерскую у подножия холма закрыл кованой дверью и расставил вокруг стражу из верных людей.

Организация столь сложного производства требовала невероятных усилий и значительного времени. Железную руду в этих

местах можно было добывать только из болот и в очень ограниченных количествах, что издревле было известно местным племенам, изготавливающим оружие путем переработки болотной криницы, а компоненты для пороха еще следовало найти в недрах Каменного Пояса и доставить на место.

Пока шли все эти приготовления, на поверхности острова кузнецы ковали в небольшом количестве мечи, топоры и наконечники для копий и стрел.

Стараниям Кучума не было предела. Он упорно стремился наверстать упущенное время, мало внимания уделял женам, редко развлекался с наложницами, но часто встречался с представителями местной знати. Его внимание было приковано и к тому, что происходит на западе, выигрывает ли русский царь войну, или терпит поражение. Он вынашивал мысли о разорении Прикамских крепостей с помощью сибирских татар и пелымских племен, оставаясь пока в стороне. Для этого, на его взгляд, подходили такие самоуверенные и самовлюбленные дураки, как Бекбелий Агтдаков, Аблыгерим и Кихек. Их и решил хан подтолкнуть к набегам в ближайшее время.

Так действовал и думал Кучум-хан, готовясь к войне с Русью.

Глава 15

НЕИЗБЕЖНАЯ ТРОПА

*7087 год от сотворения мира.
Март—апрель 1579 года.*

Зима не принесла Строгановым каких-либо неожиданностей. Враждебные племена, усмиренные холодом и глубокими снегами, умерили свой пыл и не были склонны удаляться от паулов на большие расстояния, предпочитая отсиживаться в тепле у чувалов, кроме, конечно, вылазок на охоту или ловлю рыбы подо льдом. Зная об этом по многолетнему опыту, Строгановы большую часть времени уделяли подготовке к весне и лету: рубили для строительства лес и таскали бревна санными упряжками, заготовливали дрова, ремонтировали струги и изготавливали новые, развозили по полям навоз и выполняли другие работы, заставляя трудиться в поте лица население своих городков, невзирая на погодные условия, осуществляя наравне с приказчиками личный контроль. Если лето и осень кормят зиму, то зима не должна оставаться в долгу — так считали Строгановы, освобождая весною от разных работ хлебопашцев и других спецов, которых в Прикамье у них около трех тысяч душ, и привлекая такое же количество пришлых сезонных рабочих.

Но зимние дни были коротки, а ночи — длинные. Поэтому вечерами Строгановы собирались вместе и вели долгие беседы не только о текущих делах, но и о грядущих временах, о которых всегда думали с тревогой. Более всего их беспокоили мысли о неизбежных набегах инородцев, наносящих ощутимые уроны казне.

Обычно разговоры велись во время длительного застолья в господских хоромах на Чусовой, куда регулярно навещивался Никита, скупая от безделья в Орел-городке, где все хлопоты по хозяйству взвалил на плечи управляющего и приказчиков. Никита испытывал постоянную досаду и злость на Чердынского воеводу Елец-

кого, который так и не навестил его, предпочитая общаться со старшим братом и дядей. Самолюбивый Никита только и ждал случая, чтобы как-то отомстить. Но как? Во всяком случае, своей инертностью и показным безразличием он всех выводил из терпения, что уже было отрадно его душе.

Так прошла зима, и наступил март. В один из вечеров Максим вдруг без всяких обиняков сообщил, что подготовил послание Ермаку, в котором предлагает взяться за береговую службу в вотчине, стоящей на восточных рубежах Руси, нарушаемых Агарянами, дабы послужить отечеству и снискать прощение государя за грабежи и «воровскую» жизнь.

Как ни странно, но Семен Аникиевич сразу согласился на призыв казаков, сделав целый ряд оговорок.

— Максимушка, — ласково заговорил он, — письмо может ненароком попасть в чужие руки, и тогда нам не оправдаться перед царем Грозным. Лучше подобрать толкового посланника и все передать на словах. А доносить об этом князю Елецкому не нужно. Он и обязан нам, и не выдаст, но у него в помощниках ходит змей Пелепелицын. Он может навредить и нам, и князюшке, чтобы занять его место. Поэтому все должно быть в величайшей тайне, даже от наших холопов, которые в злорадстве могут учинить донос. Царь хотя и далеко, но руки у него длинные. Потому рисковать не следует. Все нужно обставить так, будто Ермак сам к нам заявился, а не по вызову. И сулить атаману не следует лишнего, а пообещать самую малость — расплатиться за службу хлебушком да солью, а остальное, мол, пусть добывает привычным «воровским» способом, пограбив вогулов да остяков, которые не дают нам мирной жизни. Конечно, пороха и свинца им придется дать, а, быть может, еще и пищали, если потребуют.

— Погоди, дядюшка, погоди, — прервал Семена Аникиевича Максим. — Я и сам это знаю. Ты лучше скажи — кому можно довериться? Кого послать, чтобы мог язык за зубами держать и чтобы по дури не наврал чего?

— Есть, Максимушка, такой, есть. С Сылвинского острога Аника. Припоминаешь? Багром кличут.

— Ты думаешь, он не выдаст?

— Уверен. Хотя поручи ему пока не возвращаться. Пусть у Ермака в казаках походит да разузнает — что и как? Уж коли вернется, то с дружиною. Мы ведь не знаем еще — захочет ли Ермак пойти на кабалу?

А сколько у него ртов в войске? — вдруг спросил Никита.

Максим и Семен Аникиевич оторопели. Максим, закатив глаза на потолок, предположил:

— Тысячи две наберется.

— А почему ты его рты считаешь? — спросил Семен Аникиевич. — Али боишься, что хлебушко все съедят?

— А ты подсчитай, дядюшка, авось, не повредит.

— И подсчитаю. Не без этого. Только какой дурак задаром согласится на военную службу?

— А я вот другое подсчитал, — сказал Никита. — Если две тысячи человек расставить от Орла до Чусовой, то они за два месяца перепашут все сто семьдесят шесть верст пустоши.

Семен Аникиевич аж подскочил на лавке — так ему идея понравилась.

— Да ты, Никита, поди, не глуп, а прикидываешься! — воскликнул он.

Максим тоже отнесся с вниманием к словам брата.

— А что — дело говорит Никита, — сказал он, наморщив лоб. — Попробуем уговорить казаков на такую кабалу за тот же хлебушек.

А Никита был доволен своей выдумкой, всполошившей родственников, и, не медля, бросил в бочку с медом ложку дегтя:

— Не думаю я, что Ермак будет пахать вместо того, чтобы саблей махать. Это я просто пошутковал, чтобы вас повеселить.

— Насмехаешься? — гневно зыркнув на брата, сказал Максим. — А мы это всерьез приняли и теперь не отступимся.

Семен Аникиевич вдруг нахмурил брови и щипками пальцев прошелся по своей козлиной бородке.

— У меня другое сомнение есть, — сказал он. — Вдруг мы тут напраслину разводим. Намекали мы Ермаку на вспоможение зимою, если потребуется? Говорили, а он не попросил. Или в сытости живет, кормясь от вогуличей, или наострился на Волгу идти, а с нами не желает связываться.

— Не могу судить о том, — ответил Максим. — А потому велю утром заложить сани и покачу на Сылву в острог. Отправлю Анику к Ермаку, а далее — будем ждать его слово.

Утром, загрузив в двое саней съестные дары и полдюжины бочонков вина и меда, Максим отправился в путь, взяв для охраны двадцать вооруженных всадников. К вечеру он был уже на месте.

Аника Багор не стал отказываться от назначенной для него роли, но попросил согласие на то, чтобы взять с собою друга Мишу Драчуна, столь же статного, как и Аника, но любящего «почесать» кулаки, за что и получил соответствующую кличку.

В последний момент Максим усомнился в должном воздействии устного приглашения казаков и вручил Анике письмо, которое захватил с собой, наказав при этом, чтобы было оно вручено из рук в руки Ермаку, и никому более.

Лагерь казаков был не близок, дорога по руслу Сылвы — дальняя, но пригодная для быстрой езды. Мартовское солнце днем и легкий морозец ночью хорошо постарались, образовав крепкий наст. Лошадки, запряженные цугом, бежали резво.

Делая короткие остановки, чтобы поесть и попить горячей водицы с тертой ягодой, накормить лошадей и дать им немного передохнуть, Аника и Миша сэкономили время тем, что поочередно дремали на ходу, не прекращая движения даже ночью. Таким образом уже на третьи сутки, в полдень, они наткнулись на казачий разъезд.

— Эге! Опять ты, друже! — воскликнул Окул, признав в одном из путников Анику Багра. — Куда путь держите?

— К атаману Ермаку с поминками от Строгановых, — ответил Аника, умолчав о письме, следуя наказу Максима.

— А с тобою что за детина?

— Дружок мой, Миша Драчун.

— Это гоже, если по делу. Нам такие нужны, — сказал Окул и рассмеялся. — Ежели будете ночевать, то приходите в мой курень, место найдется.

— А мы насовсем к вам по зову Ермака, — сказал Аника, расплываясь в улыбке.

— Это еще краше! Проситесь в мою десятку, бо у меня убыль. Оженились двое. Провожать не буду, так как сам дорогу знаешь.

Ермак встретил посланцев приветливо, но, прочитав письмо, нахмурил брови и спросил:

— Тебе ведомо — о чем пишет купец?

— Еще как ведомо! Заставил выучить слово в слово, а потом вдруг письмо вручил. Стало быть, передумал.

— Чего же он убоялся?

— Об этом не знаю, но наказал все в тайне держать.

— Угу... В тайне, значит... Хитер купец! О чем сам-то думаешь?

— Я же сказал... Может, и вправду чего-то боится? И чего мне думать-то, если я вертаться не буду, — сказал Аника и вопросительно заглянул в глаза Ермаку. — Не прогонишь чай? Сам ведь звал.

— Не прогоню. Мне такие парни очень нужны. Только не оженись, как другие.

— Не-е, у меня и мыслей нет. Хочу под твоею рукой походить на инородцев. Уж очень я на них зол.

— Тогда добре. А что привез?

— Поминки купеческие, меда да вина.

— Заходи вечером, отпробуем да побеседуем.

— А как с Окулом быть?

— А что с ним?

— Обещание дал в курень его заявиться.

— Тогда с Окулом и приходи.

Аника Багор был удивлен и восхищен простым обращением атамана. «Под таким и послужить — благо», — подумал он, удовлетворенный своим выбором.

В этот день, 6 апреля 1579 года, погода резко изменилась. Вот-вот начнут таять снега и вскроется Сылва. Напророчил шаман Ермаку реку Чусовую, туда же и Строгановы зовут. Другого выхода нет, на Сылве оставаться нельзя: растеряет он тут все свое войско. Одни оженятся, другие — сбегут, как те, которых он утопил в реке. Нельзя, нельзя засиживаться тут. Нужно сделать так, чтобы казацкая кровушка играла не от любовных утех, а перед лицом опасности, чтобы сабля острая не ржавела в чехле.

Пришло время, пора идти на Чусовую, к перевалу через Камень, где, как сказал шаман, пролегает его тропа.

Неизбежная тропа!

Глава 16

ЛУКАВСТВО

7087 год от сотворения мира.

Май—июль 1579 года.

Долго думал атаман над тем, как поступить, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы», думал как других учил — с полного ума.

На Сылве оставаться нельзя. Нет — можно, если всем разом перейти к мирной жизни, начать землю пахать и скотину выращивать, а татар шарпать от случая к случаю. Но долго терпеть они не будут этого, соберут силы и ударят, и пожгут — и прощай спокойная жизнь. От чего приехали — туда и вернулись... Да и ходить-то с Сылвы за Камень — не находишься. Труден переход, длинен путь по горам и волока нет, да и до татар дорога длинная. Все говорит за то, что дружине другая тропа нужна, по которой и от царских воевод можно быстро уйти. Нужно теперь же покинуть Сылву, пока запасы еды не оскудели. Но где взять наперед хлебушка, пороха да свинца? Без этого далеко не уйдешь и силы поубавишь, а края тут неведомые да дикие. Можно зря людей погубить... Может быть, сразу откликнуться на призыв купцов? Тоже нельзя. Это значит показать свою безвыходность. Купцы и верх возьмут, диктовать условия будут. Но без Строгановых не обойтись, без их закровов дружине не выжить, а силою взять опасно: сразу сбегутся сюда царские воеводы из Казани, Чердыни и Иргиза, обложат со всех сторон и заставят биться с братьями по крови. Да и купцам нельзя полностью довериться. Недаром призыв казаков в тайне держат, боятся, что слух может и до Москвы дойти, и не сдобровать им тогда за «воровских» казаков. Тогда они и выдадут, и вид сделают, что в ловушку нас заманили.

Нет... сначала надо свою тропу через Камень найти, а потом уже вести беседы со Строгановыми. Пусть думают, что и без них обойтись можно.

Вспомнились Ермаку годы молодые, вспомнилась калданка легонькая, на которой он по Чусовой плавал и разбойников снабжал, — и отлегла от сердца тяжесть. Есть выход!

Приняв окончательное решение, отозвал Ермак из вогульского паула Якова Михайлова, и стали все казаки готовиться к походу, а семейные им завидовать. Многие запросились обратно в сотни свои, но Ермак сурово им выговаривал:

— Поздно, братец, одумался. Думать надо было до того, как бабу свою обрюхатил. Негоже сирот плодить. Создайте тут товарищество свое, выберите атамана да есаула, и не пускайте в землю Пермскую всякого, кто с войною идет. Чую, что вы и тут не заскучаете.

В начале июня шесть десятков стругов, больших и малых, покинули берег обетованный и ушли на реку Чусовую.

12 июня 1579 года флотилия Ермака причалила к берегу, рядом с плотбищем купцов. Строгановы встретили атамана со всеми почестями, как знатного гостя, выйдя на причал и выстрелив из пушек. В господские хоромы к накрытым столам были приглашены все атаманы, есаулы и сотники. Ермак не остался в долгу и распорядился принести из своей казны ковры да материи заморские — персидские, чаши и кубки серебряные, нитки бус из чистого жемчуга да кольца и браслеты купеческим женам и дочерям. Не сдержался атаман, щедро раскошелился, хотел козырнуть богатством и независимостью.

Купеческие хоромы удивили Ермака своей скудостью и невзрачным видом. Большой зал, в который вошли гости, был обшит тесом, потемневшим от времени, и только одна передняя стена имела обивку розовым бархатом под иконостас, где находился большого размера образ Богоматери, по бокам и снизу которого светились огоньки цветных лампад, да еще чуть в стороне висели часы в узорном украшении. Слева и справа по стенам висели бронзовые подсвечники с обгоревшими свечами и восковыми сосульками, стояло несколько кресел, перед которыми на полу лежали медвежьи шкуры. Столы и лавки для приема гостей были изготовлены из дуба с резными ножками, на манер бухарских. Была тут и большая печь, встроенная в стену, с открытым огневищем, от которой пахло горелым кизяком.

Осенив себя крестным знаменем, Семен Аникиевич торжественно произнес:

— Помолимся, атаманы, всемилостивому преблагому Богу, в Троицы славивому, и пречистой Его Богоматери, и всем небесным силам и святым угодникам. Ведомые Им, прибыли вы к рабам Его, дабы очиститься от грехов в ратных делах, снискав прощение государево Иоаново.

Ермак вышел вперед, перекрестился и сказал:

— Не понять тебе, купец, души казацкой. Не ради прощения мы пришли, так как постоять за себя умеем, а ради битвы с врагами нашими, что Русь грабят. Не терпим мы любых обидчиков простого люда, будь они хоть Агаряне, хоть бояры или купцы русские. Вы ведь и сами немало кровушки людской попили — вам и грехи замазывать надо.

— Не те речи мы желали услышать в своей сердечности к казакам, — сокрушенно вымолвил Семен Аникиевич. — Не выдали мы вас воеводам царским, рискуя животом своим, и беглых тебе вернули на суд. Зачем обижаешь нас?

— Ладно, покончим с этим, — сурово сказал Ермак. — На упреках далеко не уедешь, а проживем — и увидим вашу доброту и ласку.

Максим, довольный, что неприятный разговор кончился миром, пригласил всех к столу.

Теперь Строгановы, осажденные Ермаком, говорили о чем угодно, но только не о деле. Они ждали того часа, когда все разойдутся и можно будет поговорить с Ермаком с глазу на глаз. Строгановы жаловались на сокращение доходов, говорили о том, что из Москвы должны прибыть писцы, чтобы обложить их налогами, так как срок двадцатилетней царской льготы истек, жаловались на самого царя, который занят войной в Ливонии и не интересуется тем, что творится на восточных рубежах Руси, где все тяготы падают на них — Строгановых. Признались они и в том, что Москва запрещает нанимать не служилых казаков, но они вынуждены идти на это, рискуя своей головой, дабы быть готовыми дать отпор Кучум-хану, который готовится к войне, и унимать бунтующие племена, находящиеся по эту сторону Камня.

Ермак понял, что Строгановы ждут окончания трапезы, чтобы приступить к обсуждению главного, к чему готовили его своими жалобами. Дав знак захмелевшим товарищам, что пора удалиться, он сразу определил канву дальнейшего разговора, сказав:

— Над вашим предложением в письме я хорошо подумал и решил, что ни вам, ни мне нет повода спешить. Хочу вначале разведать — так ли опасны племена, чтобы вести с ними большую войну. Слыхал я, что ходят они с верховьев Чусовой. Вот и хочу побывать там и проверить, а вы мне вожей знающих дайте, да пороху и свинцу на случай стычек. А когда вернусь, мы все и порешим.

— Да мы и так все знаем и расскажем, — сказал Семен Аникиевич, недовольно поморщившись. — Нет необходимости ходить, а надо тут заставы ставить, а малыми отрядами набеги делать и добывать себе все необходимое, к чему вы привычны. Кроме хлеба, конечно, который мы дадим.

— Так-так... Мы одумались, а вы казаков на «воровские» дела хотите настроить, и чтобы задаром вас оберегали?

— Почему же задаром? Хлебушек потом-кровью дается, а у вас ртов не счесть.

— А ты уже и рты наши подсчитал? Смотри, чтобы они сами в твои амбары не кинулись, воровские ведь казачки. Благо, если сюда царские воеводы не нагрянут, а то не избежать вам разорения. Мы-то за Камень уйдем, а вы тут с пустыми амбарами остаетесь.

— Эх, не о том говорим! — сказал Семен Аникиевич и упрекнул Максима: — А ты что молчишь, племянничек? Сам ведь приглашение писал.

— Пускай идут к Камню, — сказал Максим и махнул рукой. — Авось, споткнутся и обратно заявятся.

— Уж мы не споткнемся, — заверил Ермак. — А вернемся — так подобру. А теперь хочу немедля отплыть, так что постарайтесь насчет вожей, пороха и свинца. Можно и хлебушка малость — этак по полпуда на рот.

— Хороша малость! — сказал Максим и засмеялся, взявшись руками за выпуклый животик. — Быть по-твоему — все дадим. Авось, погода окупится твоими стараниями.

Ермак, довольный тем, что добился своего, тут же вышел из-за стола, собираясь уходить, но Максим удержал его.

— Сделай милость, Ермак Тимофеевич, последуй за мной. Хочу познакомить тебя со своей Маринушкой, и рукоделием полюбуешься.

Они поднялись по спиральной лесенке на второй этаж и вошли в светлицу. Это помещение полностью соответствовало своему названию: оно было просторным и светлым, имея окна с южной, восточной и западной стороны. Стены были сплошь обиты желтым шелком, оконные простенки украшали изящные трехрожковые серебряные подсвечники, а на северной глухой стене висели разные полотна — одно краше другого, — изображающие и луговые цветы, и «древо жизни», и солярные знаки, и лики святых, и коренастые крестьянские фигуры. И все это: то на фоне забранного серебром в виде светоносной пелены, то на бархате разных расцветок. Особое внимание привлекали многофигурные композиции, повествующие об исторических событиях, эмоциональная сцена оплакивания — «Положение во гроб», соименные семье Строгановых лики святых, а также на малиновом бархате греческий крест, обсыпанный колосьями и фруктами.

Вдоль стены на подставах висела шелковая одежда с чудесными золотыми узорами, лежали шелка, завезенные из Китая, жемчуга, золотые и серебряные нити.

Но, пожалуй, самым дивным украшением светлицы были сами молодницы, сидящие кружком на низких скамеечках с подушечками.

— Маринушка, поди сюда, — позвал Максим свою жену, — познакомься с атаманом Ермаком Тимофеевичем.

Одна из молодых отложила шитье, соскочила со скамеечки и резвыми шажками подошла к мужчинам.

Стройная, с толстой длинной косой русого цвета, с желтовато-зеленоватыми глазами — она была похожа на сказочную красавицу наяду, омытую ключевой водой и источающую свежесть. Румянец, который вспыхнул на ее щеках, просочился сквозь белила и сделал ее еще более привлекательной. Она смело подставила губы для поцелуя и замерла в ожидании.

Ермак, всегда бесстрашный и уверенный в себе, вдруг растерялся. Не зная, как поступить, он оглянулся на Максима.

Максим рассмеялся, подперев руками животик.

— Целуй, целуй — пока она не передумала! — поощрил он.

Эх, лучше бы не целовал ее! Сердце кольнуло, перед глазами возникла Алена, первая юношеская любовь. Ермак отхлынул, почувствовав, как по спине пробежали мелкие иголки, и сказал:

— Рад выразить восхищение твоему искусству рукоделия. Ты околдовала меня.

Ему захотелось поскорее уйти, убежать, но Максим придержал его еще на минуту, сказав жене:

— Пообещай Ермаку Тимофеевичу вышить полковое знамя.

— С большою охотою вышью, — певучим голосом заверила Марина, — а ты захаживай поглядеть на работу.

С тяжелым чувством покидал Ермак купеческие хоромы, сожалея о поцелуе, всколыхнувшем давно погребенное. Его бесило, что брюхатенький купчик завладел таким сокровищем, как Марина. А та в этот момент прислушивалась к громкому биению сердца и думала: «Не уснуть мне сегодня ночью, буду вспоминать Ермака и его поцелуй».

И все же Ермак был доволен, что добился своего.

— Спасибо за хлеб-соль, — сказал он Максиму, — но не забудь распорядиться, чтобы подпустили нас к амбарам и погребам, и направь ко мне вожей.

Призвав к себе с плотбища двух зырян, Максим сказал им:

— Слушайте внимательно и ничего не напутайте. Вы пойдете с казаками, которые хотят найти путь через Камень. Убедите Ермака, что самая короткая дорога лежит через речку Межевая Утка. Пусть он там мели посчитает, а ближе к осени укажете ему на Серебрянку. Хочу, чтобы он развернулся и здесь зимовал. И предупреждаю, что кара будет великая, если вдруг проговоритесь. Посажу вас в яму лет на десять.

На следующее утро Ермак направил всю свою флотилию вверх по Чусовой. Чем выше поднимались струги, тем труднее было грести. Вначале приходилось преодолевать сильное течение, а затем последовали мелководные перекаты, часть из которых прошли волоком, впрягаясь в лямки. Наконец и это оказалось невозможным.

Ермак, выйдя на берег, осмотрел реку, теснимую высокими утесами, где пеше и волоком не пройти, и вдруг крикнул:

— Гей, детушки! А ну-ка сымайте паруса и делайте из них запруду!

Казакі разгадали замысел атамана и проворно принялись за дело. Связав паруса в одну ленту, они перегородили ею реку — и уровень воды сразу стал подниматься. Таким образом благополучно миновали один перекат, потом следующие, пока не дошли до устья Межевой Утки, на которую указали зыряне. Однако, пройдя по речке не более версты, наткнулись на мель, преодолеть которую не помогли даже паруса. Тогда Ермак отправил на разведку легенькую лодочку с четырьмя гребцами, поручив им обследовать русло реки. Вернувшись, разведчики доложили, что река непроходима, а зыряне стали ссылаться на то, что выпало мало дождей и нужно какое-то время подождать. Но Ермак сразу заподозрил неладное и взял вожей за грудки.

— А ну-ка признавайтесь, бесовское отродье, чему вас купец научил? — прогремел он грозно. — Сейчас упакую вас в мешки и утоплю рядом с мелью.

Зыряне не на шутку перепугались и выложили все, чему их учил Максим Строганов, пригрозив посадить в яму на десять лет.

— Вот пес какой! — возмутился Ермак. — Не выдам я вас, а вы правду говорите — куда далее идти?

— Подниматься выше по Чусовой до речки Серебрянки. Через нее и путь на перевал, — отвечали зыряне.

Пользуясь испытанным способом, казаки продолжили движение по Чусовой и на вторые сутки добрались до устья Серебрянки. Ее прозрачные и чистые воды стремительным потоком неслись между теснин, достигающих двухсотметровой высоты и образующих узкие коридоры, которые местами сужались до десяти метров. Казалось, что не хватит сил преодолеть это чертово ущелье, извергающее в лица каскады серебристых брызг. Но смекалка и упорство Ермака позволили в конце концов достигнуть устья притока Кокуй.

— Это вам, братцы, не с татарами драться, — пошутил Ермак, когда усталые казаки распластались на травке.

По берегам Кокуя тянулось плато, поросшее лесом, очень живописное и удобное для длительного пребывания на нем.

Передохнув и основательно подкрепившись горячей похлебкой, которую быстро приготовил Савва, выпив для бодрости медку,

Ермак с атаманами отправился обследовать перевал. Путь через него оказался не велик, но труден. Густые дебри перемежались то с нагромождениями камней, то с заболоченными низинами. Стало понятно, что струги тут не перетащить, разве что малые, что на той стороне придется строить новые. Но и не это главное. Перед взорами атаманов открылась бескрайная таежная пустыня, пестрящая сотнями ручьев, озер и болот, поражающая своей мрачностью и негостеприимством. И каждый невольно подумал, что нельзя сломя голову устремляться в этот ад.

— Ну что, братья, — прервал затянувшееся молчание Ермак, — пора возвращаться. Будем думками обмениваться.

Когда пришли к привалу и уселись на бережку, Ермак объявил:

— Будем тут зимовать, други. Не готовы мы на дальний и опасный поход в неведомые земли. Сначала надо разведку послать. Так?

— Так, так, — согласились атаманы, а Яков Михайлов высказал сомнение: — А не хуже ли будет? Сдается мне, что поубавится наше войско без пользы, убегут некоторые. Где весной пополнение взять?

— О том же и я горюю, — признался Ермак. — Зато останутся самые надежные. Попробую и от купцов соблазнить тех, кому ярмо в тягость.

— Значит, к ним опять пойдешь? — спросил Иван Гроза.

— К ним. Надо будет еще вытянуть из них запас: хлеб да крупы, порох и свинец. Кто знает — как скоро потом вернемся из земель сибирских. Возьму с собою пятнадцать стругов и три сотни казаков, а ты, Гроза Иванович, здесь будешь верховодить. Зыряне говорят, что поблизости немало людей живет, которые и зверя добывают, и рыбу ловят. Так ты уж постарайся миром все порешить, а не получится — так войною.

— Не сомневайся, постараюсь, — заверил Иван Гроза.

Побыв несколько дней на Кокуе, где начали строить городок и обносить его валом с остроколем, Ермак отплыл в вотчину Строгановых, взяв с собою Богдана Брязгу и Черкаса Александра. Обратная дорога была похожа на развлекательное путешествие, струги быстро скатывались вниз по течению, что сопровождалось веселым улюлюканьем казаков. Главное умение состояло в том, чтобы не напороться на валуны и скалы, торчащие из воды.

В городке на Чусовой Строгановых не оказалось. Старший приказчик объявил, что Максим и Семен Аникиевич уехали на Каргедан, в Орел-крепость к Никите, по какому-то важному делу.

28 июня 1579 года Ермак прибыл в крепость Орел.

Строгановы, как и в прошлый раз, встретили атамана с почестями. Никита, польщенный тем, что Ермак не остался на Чусовой, а прибыл к нему, всячески обхаживал гостя. Ему представился удобный случай «насолить» дядюшке и братцу, считающим его легкомысленным недорослем, но с которым им придется считаться как с наследником и полновластным хозяином, обладающим производством пищалей и пушечек, а также огневых снарядов и зелья. Без него не смогут его спесивые родственники противостоять бунтарям и набегчикам. Откажет он в огневых снарядах — и замолчат их пушечки, не даст пороха — и будут они отстреливаться стрелами из луков. Никита, конечно, не может этого допустить, но такая власть тешит его. Царство небесное батюшке, который помер не ко времени, но зато не успел вытравить из своего отрока юношеские помыслы и сердечность. Как-никак, а холопы и служилые гарнизона не жалуются на молодого хозяина.

Не в пример старшему брату, Никиту интересует более оружие, нежели соляные варницы, резвые кони и запах конюшен, а не хрустящая на зубах соль. Поэтому-то он с завистью поглядывал на бравых молодцов-казаков, с восхищением заглядывал в рот велеречивому атаману, припоминая сказки об Илье Муромце и его дружках.

При показе крепости Ермаку, который устроили Строгановы, чтобы похвастать своим могуществом, Никита воспользовался моментом, оттянул атамана в сторонку и шепнул ему на ухо:

— Не возвращайся сейчас на Чусовую, останься у меня — и ты не пожалеешь. Эти, — он указал на дядю и брата, — только и мыслят обманом, а я помогу бескорыстно.

— Останусь, — пообещал Ермак, — потом и побеседуем.

После обхода крепости Ермака, Черкаса и Брязгу пригласили откусать — «чего Бог послал», а послал он с избытком.

Семен Аникиевич, пощипывая бородку, сразу же заговорил о деле. Подняв кубок, он предложил выпить за здоровье всех присутствующих и успешное бережение вотчины от злохитростных недругов, добавив при этом:

— Я так разумею, Ермак Тимофеевич, что твое возвращение на Чусовую можно толковать как согласие на призыв.

— Так и не так, — осадил его атаман. — Бережением я займусь, а на Чусовую не пойду.

Лицо у Семена Аникиевича сморщилось, и, глядя на него, Ермак подумал, что оно похоже на куриную задницу.

Никита аж зажмурился от удовольствия, а Семен Аникиевич ошарашенно спросил:

— Почему не пойдешь?

— Резону нет, — ответил Ермак и подмигнул Никите. — Сам рассуди: на Сылве у меня две сотни сабель и пищалей — чем не преграда для злого умысла?

— Они же оженились все! Сам говорил.

— А кто сказал, что они воинское умение потеряли? погоди, придет время — еще благодарение им скажешь. А на Серебрянке я укрепленный городок строю ради вас, переход через Камень перекрыл для татарвы. А вот крепость Орел могут обойти все, кому не лень: и черемиса камская, и татарва пелымская. О том твои же люди меня надоумили. Буду тут рядом городок строить.

— А кто же будет ходить на бунтовщиков, которые отказываются ясак платить? — спросил Максим.

— Вы мне и поможете в этом — раз интерес такой есть, — невозмутимо ответил Ермак. — Позвольте мне отряд собрать из своих охочих людей.

Семен Аникиевич, после этих слов, даже с места соскочил.

— Что же такое получается? — возмущенно спросил он. — Мы тебя нанимаем — мы же тебе и людей даем? Так дело не пойдет!

— Не пойдет — так не пойдет, — спокойно согласился Ермак. — Тогда и разговору нет. Сниму свои заставы.

— погоди, дядюшка, — вмешался Максим, — может, Ермак Тимофеевич и дело говорит. Почему бы не набрать для него людей с Вычегды? Там, не трогая землепашцев, можно взять без ущерба немцев, литовцев, татар и нагайцев, выкупленных нами из царских тюрем и у черемисы. Они-то и воевать умеют, и постараются, чтобы прощение заслужить и на родину вернуться.

— Меня это устроит, — сказал Ермак. — Давайте грамоту на Вычегду и коней. Я сам отбор сделаю.

— И сколько коней понадобится? — поинтересовался Максим.

— Чтобы туда доехать, и полсотни хватит, а на обратный путь всех на коней посадить придется.

Почувствовав, что купцы готовы идти на уступки, Ермак решил не терять инициативы и сразу взялся за разрешение злободневного вопроса, обращаясь к более сговорчивому Максиму:

— Ты обещал хлебом-солью нас обеспечить — так теперь самое время. Чтобы смочь отвести беду, нужно иметь хорошую еду. Уж будь ласков — выдай пшеницы, овса да толокна на две тысячи ртов. Да не забудь, что осенью потребую на зиму запас. Меда-то я у вас не прошу, хотя надо бы.

Ермак озорно смотрел на кислые физиономии купцов и не сомневался теперь, что все получит сполна. Никита же смотрел на родственников со злорадной ухмылкой.

— Многовато просишь, — неуверенно произнес Семен Аникиевич. — И откуда у тебя столько ртов?

— Да ты, дядюшка, и сам считал ведь, — выдал Никита. — А в благодарность за сговор мог бы и медку дать, и маслица.

Зло зыркнул на него Семен Аникиевич и оправдался, глядя в глаза атаману:

— Я не оттого, что жалеючи, а от надобности Астрахань обеспечить по указу государя. Нагнал он туда уймищу ратников для гарнизона.

— Мне до царева указа дела нет, — заявил Ермак, — у меня свои гарнизоны для вас поставлены.

— Ладно-ладно, — скороговоркой проговорил Максим, махнул рукой и положил ее на животик. — У меня от споров несварение желудка может произойти. Посылай своих казаков на Чусовую, так как хлебные запасы все там, а тут держим самую малость на дневные расходы.

На следующий день Максим и Семен Аникиевич, в сопровождении Брызги с пятью десятками казаков, отбыли на Чусовую.

Никита только и ждал этого, чтобы вцепиться в Ермака.

— Пойдем из пушечек постреляем, — предложил он и пожаловался: — Предлагал я то же самое воеводе Чердынскому, князю Елецкому, так он пренебрег.

Ермак с охотою принял участие в баловстве юноши, чем снискал его особое расположение.

— Благодарствую, что ты внял моей просьбе и остался, — сказал Никита. — И здорово ты моего дядюшку осадил! Опостылел он мне своими поучениями. А тебе скажу теперь: бери пороха и свинца — сколько душе угодно. Не дядьке и братцу мои запасы считать. Тут я хозяин!

— Спасибо, сынок, за щедрость, — сказал Ермак. — За добро и я добром отплачу, когда случай представится.

— Научи меня сабельному бою, — попросил Никита.

— Враз не научить, так что потерпи до времени.

С выездом на Вычегду Ермак задержался дней на двадцать, пока не вернулся Брызга, который доложил, что хлеб и крупы доставлены на Кокуй, где казаки не сидят без дела, а продолжают отстраивать городок и с какими-то вогуличами ловят рыбу.

Одну неприятную весть привез он: на Чусовой появились царские писцы, чтобы обложить налогами купцов, и ненароком наткнулись у амбаров на казаков. Начались расспросы, но Богдан отослал их к Строгановым: они, мол, все и объяснят. Прикинув, что писцы попадут в Москву не ранее сентября, Ермак оставил Брызгу на воеводстве, а сам вместе с Черкасом и сорока казаками уехал на Вычегду, прихватив от Никиты в помощь одного из приказчиков.

Глава 17

В ЧЕРДЫНИ

7087 год от сотворения мира.

Лето 1579 года.

Пермский наместник царя Ивана IV, главный воевода гарнизона Чердынской крепости, князь Иван Михайлович Елецкий, чувствовал себя брошенным на произвол судьбы государем всея Руси, отобравшим у него большую часть пушкарей и стрельцов ради своей сумасбродной затеи прибрать к рукам Ливонию, что длилось уже два десятка лет.

С болью в сердце Иван Михайлович следил за тем, что происходит на западных рубежах отечества, где временную эйфорию от предательского завоевания польских и литовских городов сменила паника царя и трусливое бегство. Он с горечью вспоминал погубленных талантливых военачальников, замученных царем до смерти. Ему рассказывали, что Иван Васильевич совсем оплошал, часто засыпает во время застолья, спрашивает вдруг о том, почему нет за столом Вяземского, которого казнил, или Бориса Годунова признает за Бельского. «Выжил из ума государь, выжил, — думает Иван Михайлович, — и не он, а дьяки решают за него многие вопросы повседневности».

Известно также Елецкому, что и Кучум-хан зорко следит за всем, что происходит на западе, дожидаясь поражения Москвы, чтобы осуществить свои планы захвата Прикамских земель. Что тогда делать ему — воеводе без войска? Сможет ли устоять крепость Чердынь?

Грустные мысли Елецкого прервал царский гонец, прибывший сухопутьем с конным отрядом. Он привез грамоту царя. Это навело на мысль, что государь уже в Москве, а не на поле брани. Из грамоты Иван Михайлович узнал, что некий атаман Иван Юрьев Кольцо вместе с атаманами: Митей Бритоусовым, Барабошей и

Никитой Паном, пребывающим на реке Яик, учинили разгром столицы ногайского князя Уруса — Сарайчик. Ногайский правитель жаловался Ивану: «Приходили государевы казаки сего места Сарайчик, воевали и сожгли». На что царь ответил Указом во «все украинные города»: «изловить воров, доставить в Москву и в присутствии ногайского посла повесить».

Елецкий прочитал, криво усмехнулся и подумал: «Молодцы казаки. Бьют они нехристей ненавистных и тем русскую землю спасают», гонцу же сказал: «Передай государю нашему, что исполню его волю, если вору объявятся в Пермской земле», а про себя решил: «Если придут сюда, то не выдам. Пусть с пелымцами да сибирцами повоюют».

Гонец распрощался с князем, отказавшись от отдыха и застолья, предполагая его скудость, и поскакал с Указом к Строгановым, рассчитывая там на обильную еду и питье.

Елецкий долго сидел и размышлял после отъезда гонца. До него дошли уже слухи, что на землях Строгановых объявились какие-то казаки. Однако те, что пограбили Сарайчик, не могли так быстро поспеть. Значит — пришли другие. А Строгановы молчат. Ну и пусть! Не станет он вмешиваться. Воровские они или не воровские — значения не имеет. Если ищут тут убежища, то не станут бесчинствовать, а, наоборот, защитят против татарвы. Строгановы не дураки, не станут доносить себе во вред, а ему, Чердынскому воеводе, от этого только польза. При этом он вспомнил, как обхаживали его купцы, намекая на необходимость привлечения казаков для защиты вотчины, наградив его шубой и бочонком отменного вина. Нет, не выдаст он их.

Только об этом подумал Иван Михайлович, как к нему в кабинет пожаловал его помощник Пелепелицын. Несмотря на долгую совместную службу, между ними не было теплых отношений. Оба испытывали взаимную неприязнь и терпимость. Пелепелицына снедала зависть от того, что к Елецкому государь был благосклонен. Поэтому любой навет на него мог обернуться непредсказуемыми последствиями. Завидовал он и тому, что купцы с Елецким общаются охотно, а с ним ведут себя сдержанно, говорят с неохотой и не одаривают. Он только и ждал случая, чтобы навредить Строгановым.

Когда Пелепелицын спросил о цели приезда гонца, Елецкий недовольно поморщился, но протянул ему царскую грамоту.

Пелепелицын внимательно прочитал, хмыкнул в усы и спросил: — А тебе разве неведомо, Иван Михайлович, что в вотчине Строгановых объявился какой-то атаман Ермак с казаками?

— От тебя и узнаю впервой, — глядя прямо в глаза помощнику, соврал Елецкий, хотя, зная о казаках, действительно только

теперь узнал имя атамана. — А какое нам дело до этого, если Ермака не значится в грамоте? Строгановы сами в ответе перед государем, а доносы я писать не намерен.

— Но государь может обвинить нас в укрывательстве.

— Вот ты и напиши, а они оправдаются. Ты разве забыл, какие права получили купцы от царя? Пиши, если живота своего не жалеешь.

Покорежился Пелепелицын и отступился. Побоялся на себя одного ответственность брать.

После этого разговора решил Елецкий немедля Строгановых навестить, чтобы все узнать, увидеть, а потом не оплошать, если придется перед царем оправдываться. Да и Пелепелицыну не мешает ненароком рот заткнуть.

Собрался Иван Михайлович в дорогу, а тут Семен Аникиевич сам пожаловал. Прибыл он с целым обозом, нагрузив телеги съестными припасами, медом и вином. Пелепелицын сразу закрутился вокруг да около, словно ворон, почуявший поживу. Однако Елецкий поручил ему присмотреть за приготовлением к застолью, разобрав поминки, а сам уединился со Строгановым в кабинете.

Семен Аникиевич, как только они остались с глазу на глаз, сразу заохал и заохал, пощипал бородку и признался, что всю свою оплошность переложил на плечи Ивана Михайловича.

— Как так? — спросил Елецкий настороженно.

— А так, — ответил Семен Аникиевич, — я совсем голову потерял. Ко мне по призыву казаки объявились, а тут вдруг писцы царевы. Еле отбрехался. А следом гонец с грамотой о воровских казаках, да на моих наткнулся, и дознаваться стал: кто да откуда? Я объясняю, что служилые они, а гонец не верит. Пришлось на тебя сослаться, что тебе все ведомо, что защитников от Агарян нашли, так как твой гарнизон оскудел из-за войны с Ливонией и у нас нет сил отражать набеги басурманские. Приутих он пока, но и тебя теперь спросит. Вот я и поспешил, а Максим на Чусовой поит их медами да винами. Уж ты поддержи и не выдай! А мы в долгу не останемся.

Елецкий побарабанил пальцами по столу, поразмыслил и сказал:

— Ладно, брехать — так брехать сообща. Свинья не съест, а Пелепелицыну и знать не обязательно. Скажешь, что ранее обещался приехать. Каков он — Ермак?

От неожиданности Семен Аникиевич поперхнулся слюной и закашлялся.

— Так ты знал уже? — спросил он изумленно.

— То, что я знал, — так это не беда, хотя мог и меня ранее предупредить. А вот то, что Пелепелицын знает... Да черт с ним! Ему тоже сбрешем.

От умиления мордочка Семена Аникиевича сморщилась и стала, как в прошлый раз, похожа на то место у курицы, о котором подумал Ермак. Он стал рассказывать:

— Необычный он человек — этот атаман Ермак. Умен и грамоту знает. Сдается мне, что не из простых он людей, так как будто бы Германом его зовут. Казаки слушаются его как отца родного, и никаких тебе проказ или буйств. С людьми обходителен, но грозен, и велеречив. А лет этак за сорок, а силища еще богатырская, и в воинском деле понимает, заставы уже наставил. Войско у него — две тысячи душ. Нужен он нам, но и опасен. Снабдили мы его по запросу.

— Серьезный мужик — по твоему рассказу, — сказал Елецкий в раздумьи. — Если и вор, то с большой дороги. Интересно посмотреть на него. Был бы он служивый — я бы знал о нем. Видать, из вольных казаков.

— А ты приезжай и поговори с ним.

— Обязательно приеду.

— Меня еще вот что беспокоит, — сказал Семен Аникиевич, — не ожидаешь ли ты со своей стороны татар пелымских?

— Как не ожидать? Всегда настороже. Пелымские князцы малопредсказуемы, воистые, и Кучуму послушны. Он постоянно их подстрекает, чтобы на Чердынь шли войною да Соль Камскую разоряли. А ретивых там достаточно: Кихек и Аблыгерим, да еще Бекбелий Агтаков. Давненько что-то из-за Камня не вылезали — вот я и опасаюсь. Тебе бы казаков своих предупредить, чтобы дорогу перегородили на случай набега. Они басурманов от Орла погонят, а я их тут ударю. Сообща легче будет отбиться.

— Да Ермак уже свою заставу расположил под Орлом, а я еще возражал. Теперь вижу, что прав он.

— Ты смотри, — удивился Елецкий, — все-то предусмотрел твой атаман! Не прост он, не прост. Не упусти его.

Очень остался доволен беседою Семен Аникиевич, разблагодужничался и пообещал еще обоз прислать. Все было бы ладно, если бы Пелепелицын не портил настроение во время застолья.

— Кончились для вас вольготные времена, — напомнил он, подразумевая писцов, которые прибыли для обложения налогами. — Теперь будете свои сундуки перетряхивать.

Семен Аникиевич, пренебрегая издевкой, гордо заявил в ответ:

— У нас никогда сундуки не оскудеют. Помимо здешних мест, есть еще Вычегда-кормилица, есть флот, который возит аглицкие и немецкие товары, да и тут с восточными странами имеем дело. А потому не беспокойся за нас, пей вино, привезенное мною.

Довольный собою за свой ответ, Семен Аникиевич подмигнул Елецкому, как бы говоря: вот и осадил я твоего помощника.

Вскоре он засобирався отъезжать, сказав:

— Писцам и гонцу цареву любо у нас пришлось. Максимушка один с ними хлопотится, пора и мне честь знать.

По пути к дому Семен Аникиевич мечтал: «Вот бы Ермака уговорить, чтобы послал на север отряд и стал топить аглицкие суда, которые ходят к Оби за мягкой рухлядью».

Но у Ермака были свои планы, и он упорно их осуществлял.

Глава 18

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КОКУЙ

7088 год от сотворения мира.

Осень 1579 года.

Вернувшись с Соли Вычегодской, Ермак был приятно удивлен. Богдан Брязга не только выполнил обещанное, но и превзошел все ожидания, успев соблазнить из Строгановских острогов и городков шестьдесят человек, пожелавших служить под рукой Ермака. Все складывалось как нельзя лучше, да вот только истощились хлебные запасы. Казаки работали усердно, от зари до зари, но и в еде себе не отказывали, дабы силушка не пошла на убыль. Каждый съедал за день не менее двух-трех фунтов ржаного хлеба и толокна. Возникла необходимость снова раскошелить купцов, чтобы и рацион не убавить, и на зиму запас сделать, что было обещано.

За лето близ крепости Орел возник казачий городок из нескольких десятков землянок. Однако по просьбе Никиты Богдан смог и пашню распахать на семьдесят верст, сделав Строгановых большими должниками.

Дождей в этом году выпало в меру, осень стояла благодатная, инородцы не беспокоили, прослышав, видимо, о казаках. Поэтому урожай выдался отменный, заполнив до отказа закрома пшеницею, рожью и овсом. В срочном порядке загружались и уходили в Астрахань суда. С Вычегды так же поступали грузы. Словом, Строгановы были довольны и не чинили препятствий казакам, пока дело не дошло до расплаты в запас на зиму.

Ермак, взяв все пятнадцать стругов, отплыл из Орла на Чусовую, чтобы лично потребовать и получить все необходимое для дружины, замыслив увести всех людей на Кокуй, включая двести сорок человек, набранных им в вотчине на Вычегде. Сформировав полк из иностранцев, присоединив к ним шестьдесят человек, со-

блазненных Брызгой, Ермак своей волей, без голосования, назначил командовать им Черкаса Александрова. Держать всю эту массу новобранцев в пределах вотчины Строгановых он считал неразумным, опасаясь иметь убыль от побегов, тогда как с Кокуя убежать будет практически невозможно.

Заявившись в господские хоромы, Ермак сразу потребовал выдачи на каждый рот по три пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и масла. О порохе и свинце он не стал ничего говорить, так как уже взял у Никиты запас года на два, да еще три сотни пищалей.

Максим и Семен Аникиевич стали кочевряжиться, не желая признавать казаков с Сылвы и Кокуя, говоря, что те зря хлеб проедают. Спор дошел до того, что Ермак ударил кулаком по дубовому столу и проломил доску, пригрозив:

— Не отдадите положенное добром — силой возьму, а вас оставлю в одиночестве.

Волей-неволей, а купцам пришлось распахнуть амбары и выдать все сполна, что требовал атаман.

Желая в отместку уязвить его и устроить, Семен Аникиевич извлек из ларца цареву грамоту и зачитал громогласно. Ермак слушал с интересом, не выказывая никакого волнения. Когда купец умолк, он сказал:

— Молодец Иванко! Жаль, что меня там не было. Наказал бы я мурзу Уруса, по вине которого царь отрубил голову Никитке Благому. И ты еще злорадствуешь, купец, что казаков, которые побили врагов Руси и твоих набегчиков, царь приказал повесить? Нет у нас правды и справедливости!

— Правда в том, что бить ногайцев следует по указу царя, а не самовольно, — изрек Семен Аникиевич.

— А ты чем тут занимаешься? По указу царя нас призывал? Али как? погоди! Не знаю, что Миша Бритоусов и Барабоша мыслят, а Иванко Кольцо обязательно сюда пожалует, чтобы со мною свидеться. Он-то не станет с тобою нянькаться, как я, враз поставит к стенке и расстреляет, ежели откажешь в чем.

Напугав таким образом купцов, и зная о неприязни к владельцу крепости Орел, Ермак сказал небрежно:

— Не по душе мне с вами беседы вести. Куда приятнее с Никитой. К нему, что ли, вернуться?

Максим засуетился.

— Ты погоди-ка уезжать, — сказал он. — Маринушка хочет самолично знамя шелковое тебе вручить. Сама ведь изготовила и вышила апостола Якова, чтобы оберегал тебя в битвах.

Слуга тут же побежал за Мариной.

И вот спорхнула красавица с крутой лесенки, и на вытянутых руках поднесла свернутое синее полотнище. Развернул его Ермак, подивился рукоделию, поцеловал руки искусницы и сказал:

— Быть этому знамени всегда во главе передового полка, который сам вожу. Раз от чистого сердца сделано, то и удача будет в ратных делах.

Но стоило выйти атаману во двор, как радость сменилась гневом. Возле конюшен господских выездных коней, расположенных ближе к дому, чем прочие, приказчик нещадно хлестал кнутом мужичка, стоящего на коленях.

Ермак с ловкостью тигра подскочил к приказчику, выхватил у него кнут и со всего плеча прошелся по сальной спине мучителя, приговаривая:

— Ну, каково? Ну, каково? Нравится под кнутом? Пошто мужика бьешь?

Мужичок и вовсе испугался.

— Отпусти его, атаман! Он еще пуще разъярится и отомстит.

— Если отомстит, то я саблю пущу в ход, — пригрозил Ермак, отбросив в сторону кнут и поднимая с колен бедолагу. — Кто ты? И за что такое наказание терпишь? — спросил он.

— Лошадь господская охромела, а я причину не знаю, — сказал мужик. — Живу тут при конюшне, так как бездомовный еще. Маюсь со времени, как с Тахчеи побег от татарских сабель.

Максим и Семен Аникиевич все видели с крыльца. Они выговорили приказчику, чтобы впредь наказывал холопьев в стороне от посторонних глаз, и прогнали его прочь. А Ермаку Максим сказал:

— Негоже тебе вмешиваться в наши дела. Мы тут и судьи, и палачи. На то государь право дал. Даже Пермский наместник не может указывать нам.

— А я вот могу! Не позволю при мне глумиться над человеком. А тут и провинности не вижу. Знаю — засечете его, а потому забираю с собой. Будет вожом у меня, так как знает ходы за Камень. Вы же отказать не можете, обязаны вожей давать. Пойдем, страдалец, — позвал мужичка Ермак.

Мужичок оказался словоохотливым и смышленным. Как только исчезла угроза и Ермак завел его в свой шатер, который поставил на берегу, он не стал дожидаться расспросов и заговорил сам:

— Никогда не забуду твоего заступничества, атаман. Верой-правдой буду служить тебе до смертного часа, — тут он хохотнул и сказал: — А здорово ты отходил ирода! Пускай знает, каково битому быть. Скажу сразу, что зовут меня Прошкой, а люди кличут Князем, — тут он опять хохотнул. — Забавно? Это от того, что я на Тахчях при конях состоял. Татары так прозвали. У них-то как повелось: кто имеет три десятка коней — тот и князь. А у меня хоть

и чужие кони были, а кличку дали. А в вожи ты меня удачно выбрал. Я все пути-дороги знаю от Камня до Тахчеи и Тобола.

— Тогда Расскажи об этих путях, — попросил Ермак.

— Враз Расскажу все, как есть, — отозвался Прошка. — Значит, так... После волока спускаться в Сибирь надо по рекам Журавушке и Баранче. Идти трудно, воды бурные, но на плотах можно одолеть. Так верст два по сорока будет. А на стругах там не пройти. Сначала попадешь в Ница-реку, потом в Тагил, из него в Туру, а потом и Тобол будет.

— Много ли там племен живет? И какие? — спросил Ермак.

— Есть племена, но малые у них становища, душ по тридцать-сорок. По Нице и Тагилу только вогуличей и встретишь, любят на оленях ездить, а по Туре и Тоболу татары плавают в ладьях и на конях скачут. А Тобол падает в Иртыш, и там царство у устья, и много татар, а Иртыш падает в Обь, а Обь-река уходит в море двумя устьями, а по ней живут остяки и самоеды, ездят на оленях и псах, и кормятся рыбами. А по степи калмыки и мунгалы, и казачья орда, ездят на верблюдах, а кормятся скотом.

Ермак слушал с восхищением. Везет же ему в это лето! Всегда бы так! Не человек, а сокровище этот Прошка. Полную картину нарисовал. Узнать бы еще о городах татарских — где стоят? И можно будет набежать, взять богатую добычу и уйти обратно на Русь. А к тому времени и Мурашкина царь отзовет.

Утром Ермак занялся отправкой на Кокуй груза. Его набралось столько, что нужны были все шестьдесят судов, а не пятнадцать, которые были под рукой. На них нарастили борта, загрузили до отказа и отправили с Брызгой, которому было велено быстро обернуться и пригнать остальные суда.

Ермак уже твердо решил не оставлять людей на зимовку в вотчине Строгановых, а переправить всех к перевалу через Камень, чтобы по весне времени не терять, а зимою походить на лыжах к вогулам и татар пошарпать. Но не только это было причиной уйти всем на Кокуй. Писцы и царский гонец вряд ли умолчат в Москве о казаках. Если придут сюда воеводы, то уже не смогут его достать, так как он уплывет по сибирским рекам. Вот только бы Кольцо не попал под горячую боярскую руку. Надо кого-то оставить, чтобы указал ему дорогу в Сибирь...

В сентябре, с последним караваном стругов, Ермак покинул Строгановскую вотчину, оставив возмущенных купцов в полном унынии. Однако, придя в себя, Семен Аникиевич сказал Максиму:

— А знаешь — это, быть может, и к лучшему, что мы избавились от опасного соседства.

Ермаку снова повезло. Прошли обильные осенние дожди, и уровень воды в верховье Чусовой и на Серебрянке значительно

повысился, так что струги прошли без прежних хлопот по сооружению запруд из парусов. В дороге пробыли всего семь дней.

По прибытии на место, Ермак собрал на совет наиболее близких товарищей: Грозу Ивановича, Матвея Мещеряка, Якова Михайлова, Черкаса Александрова, Богдана Брызгу, Гришу Ясыря, Алексея Галкина, Гаврилу Ильина и Гаврилу Иванова, Окула и Карчигу.

Настроение у всех было приподнятое, все были рады приходу главного атамана. Гроза Иванович высказался:

— Заждались мы тут тебя, Ермак Тимофеевич. Однако видим, что времени ты зря не терял, справился с купцами и подмогу привел. Теперь все у нас есть, и пора о деле подумать.

Ермак обгладил бороду, посмотрел весело на друзей и сказал:

— Истосковался я по вам, братцы. Что мог, то и сделал, но вижу — и вы тут постарались: хорош город, хороша засека. Можно теперь и планы строить на завтра. Ближе время, когда станем на лыжи и пойдем татарву крушить с вогуличами, которые с ними в сговоре. Разузнал я, что богатства у них немалые от торга с бухарцами, да меха драгоценные накоплены, да кони и овцы есть, да рыба и мясо звериное. Будем более от них кормиться, а свои запасы на весну беречь. А как реки вскрыются, так спустимся с Камня по ту сторону и поплаваем по Сибири. По нраву ли такая затея?

— По нраву! По нраву! — раздались возгласы. — А то скоро сабельки ржаветь начнут.

Гроза Иванович расправил плечи, поводит ими, и сказал:

— Что-то кровушка застоялась. Али побороться с кем?

— А ты со мною поборись, — ответил Гаврила Ильин, — только свирепость свою поумерь.

Решили для потехи устроить соревнование по борьбе между силачами.

— Только меня не втравливайте в это, — сказал Ермак, — годы уже не те для игрищ.

С этого дня все ждали с нетерпением наступление зимы. Когда же выпал снег и сковало льдом водные преграды, Ермак послал за Камень разведку из двадцати казаков.

Глава 19

БОЖЬЯ КАРА

7088 год от сотворения мира.

Зима 1580 года.

Строгановы, которые знали от своих лазутчиков о приготовлениях Кучума к войне, поспешили известить об этом царя, а заодно и постараться получить его согласие на найм казаков. По столь важному делу в Москву выехал Семен Аникиевич, взяв большое количество подарков не только для Ивана Васильевича, но и для его любимцев, от слова которых многое зависело.

Однако приезд в столицу пришелся на самое неблагоприятное время. Царя в Москве не было. Он пытался хоть как-то сохранить свои недавние успехи в Ливонской войне.

Осенью русские воеводы двигались на Венден, но были окружены и наголову разбиты соединенными шведскими и польскими войсками. Главные предводители сложили головы в битве: князь Василий Сицкий, окольный Василий Воронцов и многие другие. Некоторые военачальники попали в плен, а другие бежали.

Царь тем временем с большим войском выступил в Новгород и по пути услышал о разгроме, учиненном Баторием, который после этого подступил к Полоцку, где 29 августа венгерская пехота зажгла его стены.

Не надеясь удержать Полоцк, воевода Петр Волынский со своими стрельцами направил послов к Баторию с извещением, что они сдаются. Но другие воеводы, и с ними полоцкий владыка Киприан, не хотели сдаваться, решив взорвать себя. Однако их не допустили до этого, вытащив из церкви святой Софии, и привели к королю. В результате многие перешли на службу к Баторию, а несогласные пойти на предательство были отпущены на все четыре стороны. Возвращаясь в Москву, они были уверены, что царь их казнит.

Вслед за Полоцком был взят город Сокол, а воевода Федор Шереметьев попал в плен. Другой же воевода, Борис Шеин, был убит. Кровопролитие шло нещадное, русские бросали оружие, не желая сражаться, но их кололи и били.

В то же время военачальники Батория: Константин Острожский забирал города Северной области, а Калита опустошал Смоленскую область. Но они имели строгое приказание не мучить мирных жителей и не истреблять их полей. Стефан Баторий объявил в манифесте, что воюет с московским царем, а не с народом.

К довершению несчастий, шведы захватили Карелию и Ижорскую землю.

О новом поражении своих войск царь услышал, находясь в Пскове с огромной армией. Но он отбросил мысли о дальнейшем сопротивлении, пришел в ужас, и, утратив высокомерие, ушел в Москву, где не стал казнить беглецов, боясь народного восстания.

Назло ему Курбский прислал язвительное письмо, в котором писал: «Вместо храбрых и опытных мужей, избитых и разогнанных тобою, ты посылаешь войско с каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся шума листьев, колеблемых ветром. Вот ты потерял Полоцк с епископом, клиросом, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобою, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно, совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!»

Напрасно Иван Васильевич направлял послов к Баторию, наущая их терпеть бесчестье и брань, чтобы добиться мира. Но Баторий не шел на уступки, вел себя гордо и обещал снова идти на Ивана.

При такой катастрофической обстановке, царь не мыслил портить отношения с Кучумом, страшась, что и тот может приступить к военным действиям и отнять Прикамье и Казань. Поэтому челобитная Строгановых была категорически отвергнута, а купцам было приказано, чтобы не тревожили Сибирского хана, а тем паче не пускали в свои земли воровских казаков, которые только и умеют постоянно ссорить его с ногаями да татарами.

Думая, что за многие прегрешения его пришла Божья кара, Иван Васильевич махнул на свои неудачи рукой, уверовав, что время все перемелет, а преблагой Бог поможет, если ему усердно молиться. Он облачился в одеяния игумена и трижды в сутки стал посещать придворную церковь. Но осилить себя не мог в одном — в пристрастии к женскому полу.

В то время, когда Баторий брал у него города, Иван Васильевич отпраздновал разом две свадьбы. Сначала он женил сына Федора на Ирине Годуновой, сестре Бориса, присвоив ему боярс-

кое звание. Правда, царь метил сам взять себе в жены Ирину, но так случилось, что он выбрал Марию Федоровну Нагую.

К этому моменту царь успел избавиться от Натальи Корыстовой, которая пользовалась его расположением всего несколько месяцев, не получив звания царицы. Куда она исчезла, никто не знал.

Ирину Годунову нечаянно спас от сомнительного брака князь Одоевский, посланец царя к королю Баторию, который вернулся с плохими новостями, оскорбительными для Ивана Васильевича, и искал повода для смягчения его гнева. Хорошо зная пристрастия своего государя, Одоевский нашел хороший способ отвлечь внимание царя от неудачной миссии рассказом о красоте боярыни Марии Нагой, которую повидал по пути в Москву, посетив проездом опального боярина Федора Нагого, находящегося в ссылке. Ивана Васильевича увлек рассказ, и он приказал немедленно вернуть в Москву Нагого со всем его семейством.

Мария действительно блистала совершенством русской красавицы. Высокая, изящная, с косой до талии, большими голубыми глазами, она пленяла всех, кому приходилось ее увидеть. Но Мария была уже просватана за боярского сына, которого любила. Когда она узнала, что царь хочет взять ее в жены, она разрыдалась, умоляла не разлучать ее с женихом или сразу убить. Но отец не хотел перечить царю и дал согласие на брак. Девушка упала в обморок, а Иван Васильевич усмехнулся и сказал:

— Стерпится — слюбится.

А через неделю состоялся церковный обряд венчания, но без патриарха и епископов. Свадебный стол ломился от всяких блюд, вино лилось рекой. Посаженым отцом Ивана был его сын Федор, а дружкой со стороны невесты — Борис Годунов.

Но свадебное торжество быстро сменилось унынием и унижением. Еще раз отправил царь посольство к Баторию, взывая о приостановке военных действий для заключения мира, называя Стефана братом. Однако польский король, потешаясь малодушием врага, отправил в Москву гонца Лопатинского с письмом, в котором говорилось: «Как смел ты попрекать нас басурманством, ты, который кровью своей породнился с басурманами. Твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч. Ты себя выводил не только от Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь от племени греческого. Если ты действительно из греков, то разве от Тиеста, тирана, который кормил своего гостя телом его ребенка! Ты не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, уничтожал, подобно тому, как и предок твой предательски жителей этого же города перемучил, изгубил или взял в неволю. Где твой брат

Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач!»

Дурное настроение царя очень тревожило Семена Аникиевича. Как оправдаться, если государь узнает о Ермаке? Пусть его нет в грамоте, которой осуждены атаман Кольцо с товарищами, но и это не спасет от опалы. Хорошо, что Ермак ушел на Кокуй. А вдруг вернется? Пока его нет, можно сказать, что казаки пограбили и ушли, а куда — неведомо.

Подумав, Семен Аникиевич послал гонца к Максиму с письмом, в котором обрисовал обстановку в Москве, известил об отказе найма казаков и просил известить Ермака о соблюдении осторожности, рекомендуя ему не показываться пока на Чусовой.

Эти старания были напрасны. Ермак и не думал возвращаться.

Глава 20

САМИ ЦАРЯМИ БУДЕМ

7088 год от сотворения мира.

Январь 1580 года.

Прошло полмесяца, а разведка не возвращалась.

Атаманы попеременно наведывались на восточный склон Каменного Пояса и часами простаивали там, вглядываясь в таежную даль. Заснеженная пустыня была безмолвна и не подавала никаких признаков жизни. Быть может, где-то в дебрях и урманах сложили свои головушки казаки, сраженные татарскими стрелами. Ждать их или уже не ждать?

Разведчики были посланы из полка Ивана Грозы, и поэтому он больше других нервничал, ходил мрачным и отмалчивался.

Так прошла еще неделя, после чего Ермак разрешил выступить в поход. Было принято решение, что пойдут три сотни под началом Грозы Ивановича и Мещеряка. Провожая их, Ермак сказал:

— Не идите по зарослям, а держитесь речек, но и деревья осматривайте — нет ли зарубок? Разведка должна была знаки оставить. А татар не щадите, если те захотят воевать. Берите добычу и сразу возвращайтесь.

— Не сомневайся, все сделаем как надо, — заверил Гроза.

Поначалу, по речке Журавль, спуски были очень круты и казаки часто падали, зарываясь в снег. Но по Баранче, все шестьдесят пять верст, прошли более гладко и вышли к руслу, впадающему в реку Нейва. Там сразу увидели городок, обнесенный высоким валом, но без остроколья.

Татары или вогуличи — издалека невозможно было разобрать — забегали, подняли тревогу и, буквально через несколько минут, вся верхняя линия вала ощерилась наконечниками копий и стрелами луков. Казаки знаками пытались дать понять, что готовы вести

мирные переговоры, но в ответ несколько стрел, пущенных из луков, не долетев, воткнулись в снег и деревья.

Гроза Иванович, более склонный к войне, нежели к миру, удовлетворенно расправил заиндевевшие усы и крикнул:

— Гей, детушки! Рубите ветки и делайте себе защиту от стрел.

— Давай я обойду их с тыла, — предложил Мещеряк. — Враз и ударим с двух сторон, и убежать не дадим.

— Валяй, — согласился Иван Гроза. — Бери сотню.

Мещеряк пошел в обход, а оставшиеся казаки, прикрываясь пучками веток и перебегая от дерева к дереву, стали не торопясь приближаться к валу.

Осажденные непрерывно забрасывали неприятеля стрелами и громко воинственно кричали, стараясь или напугать врага, или приободрить себя. Но казаки, посмеиваясь и перебрасываясь шутками, упорно продвигались вперед. Когда они приблизились на расстояние ружейного выстрела, Гроза Иванович сказал:

— Пора и нам их попугать. Стреляйте разом, братья!

Раздался залп. Ему, словно эхо, вторил другой, с обратной стороны городка. Это означало, что Мещеряк подоспел ко времени и можно идти на штурм.

Татары, оставшиеся в живых, оглушенные необычным для них грохотом, несущим смерть, в панике отхлынули от вала, предоставив казакам возможность почти беспрепятственно проникнуть внутрь городка и вступить в рукопашный бой.

Среди татар были вогуличи, «черный люд», используемый на тяжелых работах. Они сразу побросали оружие и сдались, не желая отдавать свои жизни за защиту своих работодателей. Некоторые татары тоже побросали копья и луки, но остальные, опомнившись, начали отчаянно сражаться. Однако в искусстве сабельного боя и силе они значительно уступали опытным воякам, и вскоре все были перебиты. Только один еще, коренастый и широкий в плечах татарин, продолжал отражать удары наседавших на него казаков.

Иван Гроза, разбросав вокруг себя с дюжину посеченных им татар, остановился, чтобы смахнуть со лба пот, и увидел коренастого рубаку.

— А этот неплохо отмахивается, — похвалил он и спросил стоящего с поднятыми руками вогулича: — Кто таков этот басурманин?

— Наш Мурза, — ответил вогулич. — Ой, какой плохой! Это он выследил и сгубил казаков.

— А ну-ка, братва, расступись, — гаркнул Гроза Иванович и, как таран, пошел прямо на татарина.

Казаки отскочили в сторону, а Гроза Иванович со всего плечашибанул своим тяжелым мечом по сабельке Мурзы — и разбил ее на две части.

— Теперь вяжите его, — сказал он казакам.

Мурзу связали и поставили перед атаманом.

— Как же тебя, ирода, казнить, чтобы другим неповадно было против русских людей душегубничать? — спросил Гроза Иванович, продолжая размышлять. — Голову срубить — эка новость? Ага, придумал! Ну-ка, детушки, наденьте ему на грудь кольчугу железную, да самую толстую. Пусть плененные нами полюбуются, чтобы другим рассказать об оружии нашем грозном и о расплате за преступление. Ставьте его к стенке, а семеро из пищалей стреляйте через броню.

Семь пуль пробили броню, и Мурза упал замертво.

— Видали? — спросил Гроза Иванович у пленных. — Теперь я отпускаю вас. Идите и расскажите всем, что видели. И о том скажите, что покарал Мурзу Иван Гроза, сверстник атамана Ермака.

С помощью тех же татар и вогуличей, стали увязывать в тюки добычу и грузить на лошадей и оленей. Добра набрали много. Были тут и соболи, и лисицы серебристые, и белки, и сокровища, завезенные из восточных стран, и мед, и рыба вяленая, и мясо звериное, и стадо овец. Не было только хлеба, но это пока и у самих было.

На обратном пути Гроза Иванович говорил Матвею Мещеряку:

— Вогуличи не воистые, а татарва и на руку слаба, и духом бедна. Расскажем все, как есть, Ермаку. Пусть весною ведет нас по сибирским рекам. Здесь от царя далеко, а Бог будто бы на нашей стороне.

Когда отряд вернулся на Кокуй и Ермак узнал все подробности похода, то он сказал:

— Самой судьбою велено нам в Сибирь идти. Там сами и царями будем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перешагнув за Уральский хребет, Ермак проявит себя не только талантливым полководцем, но и окажется мудрым политиком. Будучи «воровским» атаманом, он превратится в достойного сына своего отечества.

Надеюсь, что вторую книгу романа «Сказание о Ермаке» я напишу в кратчайшее время. Ее название будет — «Сибирь» или «Утраченные надежды».

Хочу высказать большую благодарность за помощь в издании первой книги — «Лихолетье» — генеральному директору ЗАО «Компания МТА» Александру Владимировичу Макарову.

Олег Рихтер.

Малоизвестные и устаревшие слова и названия

Агаряне — так называли татар, ногайцев и прочих воинственных кочевников.

Ахтуба — протока в низовье реки Волги.

Бусы — персидские суда.

Вогулы — народность финно-угорской семьи, нынешние манси.

Вожи — проводники.

Воистые — воинственные, умеющие воевать.

Волок — место перетаскивания судов по суше.

Даруга — сборщик дани.

Ендова — корытце для воды, напитка.

Ертаульщики — разведчики.

Зелье — порох.

Искер — столица сибирских ханов, современный Тобольск.

Калданка — долбленая лодочка.

Камень, Каменный Пояс — Уральские горы.

Камлание — священнодействие шамана, призывающего духов.

Капище — святое место у угорских народов.

Карача — визирь хана.

Каторга — морская лодка.

Китай-озеро — Аральское море.

Коломенка — лодка.

Курень — полуземлянка с отверстием в крыше для выхода дыма от очага.

Лабаз — домик на высоких сваях для хранения продуктов.

Менкв ойка — великан (мансийское).

Мурза — вассал хана.

Мягкая рухлядь — драгоценные меха зверей.

Най-Отыры — герои, героини, богатыри.

Нуми Торум ойка — «хозяин неба» (мансийское).

Обереговая служба — охранная служба.

Ойк(а) — муж, мужчина.

Ордобазарцы — купцы восточных стран.

Острог — крепость.

Остяки — современное «ханты», финно-угорской семьи народов.

Парка — меховая шуба без разрезов и пуговиц (манси, ханты).

Паул — вогульское селение.

Пищаль — ружье с фитилем.

Плотбище — площадка для изготовления судов.

Повольники — бездомные, казаки.

Поминки — подарки.

Поприща — сопоставимы с верстами.
Просфора — поминальный хлебец из пшеничной муки высшего сорта.
Самоеды — северные народы, ненцы.
Сверстник — равноправный руководитель, начальник.
Сеунч — вестник победы.
Снедь — продовольствие.
Стольник — военачальник.
Струг — большая лодка длиной 10 м, с 20-30 веслами, которые изготавливали для себя казаки.
Таган — котел на ножке-подставке.
Толмач — переводчик.
Толокно — толченый ячмень.
Торум — человек-бог, живущий на небе (мансийское).
Тотем — символ племени (олень, медведь, лягушка и т.д.).
Тундра — местность, покрытая высокими кочками.
Тын — оградительное сооружение из остроколя.
Тяги (тати) — воры.
Уланы — личная охрана.
Улус — владения мурзы.
Урман — лесные дебри.
Фатория — племенное объединение общего тотема.
Хвалынское море — Каспийское море.
Хорей — длинный шест погонщика оленей.
Черемисы — так называли марийцев и чувашей.
Чинги-Тура — столица сибирских татар (Тюмень).
Чувал — печь со стенками из прутьев, обмазанными глиной, печь открытого огня.
Шарпать — грабить.
Шерть — обложение данью.
Эква — жена, женщина (мансийское).
Юрт — поселок.
Юрта — друг.
Юрткве — дорогой друг, спутник.
Ясак — налог, дань.

Используемая литература, летописи и исторические документы

1. Сибирские летописи издания Императорской Археологической комиссии, 1907 г.

— Есиповская летопись по Сычевскому списку, 1636 г.

— Строгановские летописи по списку Спасского и Толстовскому списку, 1640-е гг.

— Ремизовская летопись по Мировичеву списку, 1670-е гг.

— Описание Сибири по списку Императорской Публичной Библиотеки.

2. «Ермак Тимофеевич — славный сын земли Русской». Летописные материалы, народные песни, предания. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989.

3. «Россия — полное географическое описание нашего отечества». Том XVI, «Западная Сибирь». Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. — С.-Петербург: издание А.Ф. Дервиена, 1907.

4. «Живописная Россия. Отечество наше». Том XI, «Западная Сибирь». Под ред. П.П. Семенова. — С.-Петербург: Гостиный двор, №№ 17 и 18, 1884.

5. Д.И. Копылов. «Ермак». — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1974.

6. Н. Костомаров (русский историк, 1817-1875). «Русская история». Том II. — Москва: «ТЕРРА» — «TERRA», 1997.

7. К. Валишевский. «Иван Грозный». («Происхождение современной России»). Перевод с французского. — Москва: типография «Общественная польза», 1912.

8. Н.М. Карамзин. «История государства Российского». («Предания веков»). — Москва: «Правда», 1987.

9. Р.Г. Скрынников. «Ермак». (Книга для учащихся старших классов). — Москва: «Просвещение», 1992.

10. Очерки истории Тюменской области. — Тюмень: издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 1994.

11. И.В. Щеглов. «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири». Период 1032-1882 гг. Издание Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. — Иркутск: типография Штаба Восточного Сибирского военного округа, 1883.

12. «История народа манси (вогулов) и его духовная культура» (по данным фольклора и обрядов). — Сургут: издательство «Северный дом», 1993.

13. «Русский народ». (Обычай, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собраны М. Забылиным). Книга 2. — Москва: «ТЕРРА», 1996.

14. Жерар Энкос (французский медик, псевдоним — Папюс). «Первоначальные сведения по оккультизму». Глава VII, «Земля и ее сокровенная история». Перевод с французского. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. В замосковном логове	8
Глава 2. Лихолетье	19
Глава 3. Ангел тьмы	34
Глава 4. Зимовье	40
Глава 5. Сказка монаха Саввы	58
Глава 6. Строгановы	77
Глава 7. Куда сердце зовет	90
Глава 8. Баловство	97
Глава 9. Царские заботы	112
Глава 10. Беглецы	116
Глава 11. Казнь	130
Глава 12. В глубь веков. Эссе	139
Глава 13. Первые встречи	167
Глава 14. В Кашлыке	186
Глава 15. Неизбежная тропа	190
Глава 16. Лукавство	195
Глава 17. В Чердыни	205
Глава 18. Возвращение на Кокуй	210
Глава 19. Божья кара	215
Глава 20. Сами царями будем	219
ПОСЛЕСЛОВИЕ	222
Малоизвестные и устаревшие слова и названия	223
Используемая литература, летописи и исторические документы	225

Олег Борисович Рихтер
«Сказание о Ермаке»
Исторический роман-версия

Книга первая
«Лихолетье»

ОАО «Сургутнефтегаз»
Рекламно-издательский информационный центр
«Нефть Приобья»

Лицензия ИД № 04570 от 20 апреля 2001 г.

Набор и верстка **Компьютерный отдел**
РИИЦ «Нефть Приобья»
Корректор **С.М. Анфиногенова**

Сдано в набор 22.03.2001 г. Подписано в печать 03.11.2001 г.
Бумага офсетная. Формат 84x108/32.
Гарнитура Thames. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,125. Тираж 300 экз. Заказ № 2658-2001.

Почтовый адрес:
628400, Тюменская область, г. Сургут, ул. Магистральная, 19а.

250-00

X



438272004
Окружная библиотека

250, 200

